

Н. Шувалов

ТЕАТР
ЛЮБИМЫХ
СКАЗОК

Семь пьес для кукольной сцены

Москва
2006

Москва 2006

Н. Шувалов

ТЕАТР
ЛЮБИМЫХ
СКАЗОК

Семь пьес для кукольной сцены

Картинки рисовал А. Греф

От автора

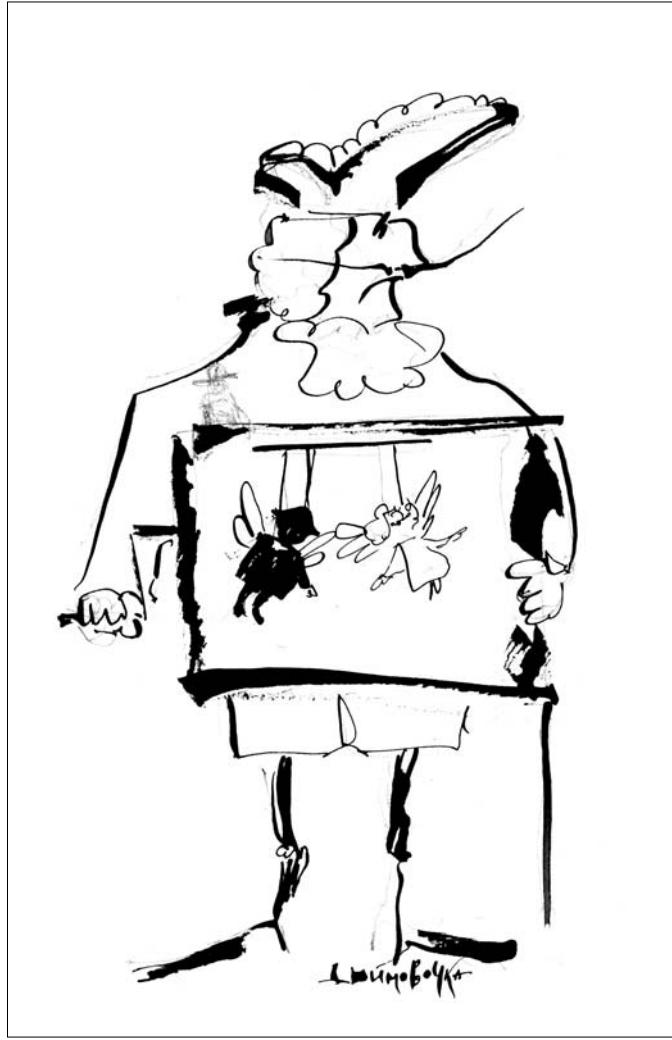
Дорогой читатель!

Я рад, что этот сборник оказался в Ваших руках. Но сразу хочу предупредить: его название совершенно условно. Вряд ли каждое из попавших сюда «сочинений» имеет право называться пьесой. Мне даже кажется, что настоящих пьес для кукольной сцены уже давно никто не пишет. Тому есть много причин, о которых здесь не время и не место рассуждать, но людям театра, особенно режиссёрам, это хорошо и давно известно, и они сами, кто как может, ищут выход из такого положения. Искал его и я, сначала, разумеется, для себя, а теперь плодами этих многолетних поисков мне захотелось поделиться с Вами. За тридцать с лишним лет режиссёрской работы мне удалось «приспособить», «инсценировать», «овеществить» (называйте это, как хотите) немало сюжетов классической детской литературы, — в первую очередь, моё внимание привлекал именно этот материал. И каждый раз мне, естественно, хотелось найти новый способ воплощения на сцене всем известных, любимых, веками проверенных историй. Иногда я старательно следовал за автором, иногда позволял себе некоторую вольность, а порой, рядом со всем знакомыми, неожиданно появлялись и новые, мною придуманные персонажи. Честно признаюсь, я ни чем себя не ограничивал. Так рождались спектакли, многие из которых до сих пор живут на сценах детских театров разных российских городов. Случалось, что результат моей литературной работы привлекал внимание коллег-режиссёров, и они, используя написанное мною, создавали свои scenicеские версии. Если и Вам захочется поступить так же, — я буду просто счастлив.

Театр — искусство коллективное, это всем хорошо известно. Поэтому без помощи художников, композиторов и, разумеется, актёров я бы никогда не сделал ничего из того, что мне всё-таки удалось сделать. Всем им и многим другим бескорыстным труженикам театра — моя огромная благодарность.

Этот сборник я тоже готовил не в одиночку. Мой друг А.Э. Греф, человек, владеющий множеством театральных (и не только театральных) профессий, пригласил на его страницы совершенно замечательных, им самим уже давно придуманных персонажей. В каких только компаниях и забавных ситуациях не оказывались прежде Граф Брюс и Маленький Наполеон! И вот теперь они пришли в гости в наш кукольный театр и знакомятся с его обитателями. По-моему, это ещё одна, удивительная, ни на что не похожая, увлекательная пьеса.

Н. Шубалов

ДЮЙМОВОЧКА

Пьеса в 2-х действиях
по сказке Г.-Х. Андерсена

Все роли в спектакле
исполняют два действующих лица:
КЛУМПЕ-ДУМПЕ и ИВЕДИ-АВЕДИ

«Дюймовочка»

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

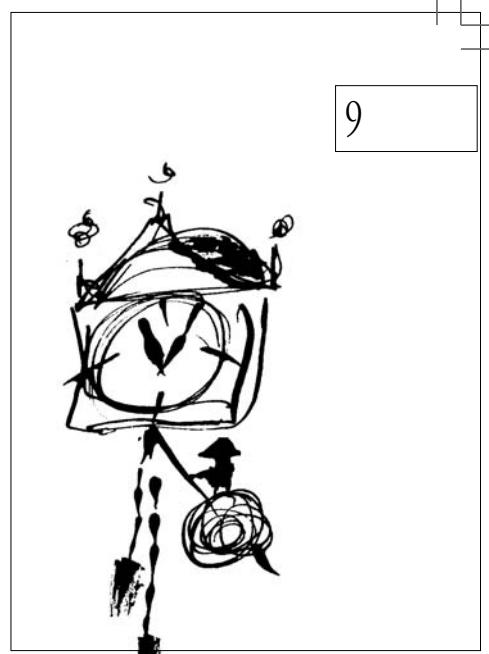
Свет в зале гаснет под звуки увертюры, постепенно успокаивающиеся и переходящие в прозрачную наивную мелодию. На сцене ожидают часы. Маятник мерно раскачивается в такт музыке, стрелки приближаются к двенадцати, звенят куранты, и из часов осторожно выглядывает человечек в расширом цветами камзоле. Это Клумпе-Думпье. На нём высокая шляпа, напоминающая цветочную клумбу, полосатые панталоны и скрипучие башмаки. Он с лукавой улыбкой оглядывается по пространству, обходит его, пугаясь скрипа собственных башмаков, примеривается к необычному креслу с высокой спинкой и, оставшись, по всей видимости, довольным, обращается к залу.

КЛУМПЕ: Эй!.. Э-гэ-гэ!.. Вы меня слышите? (Зрители отвечают.) Тс-с-с... Разве вы не заметили, что уже наступила ночь? А ночью можно говорить только шёпотом. Знаете почему? Чтобы не разбудить ужасного Брокута-Мокута. Если он проснётся, то все сны разбегутся от страха, и мы с вами не увидим ничего интересного. А меня-то вы видите? Тс-с-с... А в последнем ряду видно, кто сидит у меня на шляпе? (Зрители отвечают.) Нет, это не просто лягушка. Это моя подружка Берта. Мы с ней никогда не расстаёмся. И если какая-нибудь глупая муха захочет сесть мне на нос, Берта сразу — ам! — и съест её, чтобы я, не дай бог, не чихнул и не разбудил страшного Брокута-Мокута. А то сами знаете, что случится... Как громко скрипят мои башмаки... Сколько раз бабушка говорила мне: «Клумпе-Думпье (это меня так зовут — Клумпе-Думпье), Клумпе-Думпье, — говорила она, — нельзя ходить ночью в несмазанных башмаках»... О! (Достаёт из кармана изящный флакончик и смазывает башмаки.) Вот они и не скрипят.

В часах что-то зазвенело, загремело, и оттуда послышался испуганный голос: «Клумпе-Думпье!..»

КЛУМПЕ: Это тоже моя подружка — Иведи-Аведи.

ГОЛОС: Клумпе-Думпье, ты где?

9

КЛУМПЕ: Я здесь, Иведи-Аведи.

ИВЕДИ (*появляется из часов*): Ах, как чудно пахнет розами!.. (*Не сразу замечает Клумпе-Думпе, сосредоточенно льющего розовое масло на свои башмаки.*) Ты что делаешь, Клумпе-Думпе?

КЛУМПЕ (*как ни в чём не бывало*): Я? Смазываю башмаки.

ИВЕДИ (*удивлена и растеряна*): Розовым маслом?..

КЛУМПЕ (*смеётся*): Ну конечно, я жду тебя, дорогая Иведи-Аведи. Держи. (*Дарит ей флакон с розовым маслом.*)

ИВЕДИ: Спасибо.

КЛУМПЕ: Садись скорее сюда, в это старое, уютное кресло и приготовься слушать.

ИВЕДИ (*протягивает книгу*): Сказку?

КЛУМПЕ (*не обращает на книгу внимания*): Конечно сказку. (*Начинает рассказывать нарочито страшным голосом.*) Жил-был Тролль, страшный-престрашный, злющий-презлющий. То был сам дьявол.

ИВЕДИ (*пугается*): Ах! Разве можно ночью говорить про такие ужасы?! Вдруг он услышит и примчится сюда.

КЛУМПЕ: Кто?

ИВЕДИ: Ну... этот...

КЛУМПЕ (*простодушино*): Дьявол?

ИВЕДИ: Тише!.. Я боюсь...

КЛУМПЕ (*смеётся*): Хорошо, хорошо, не бойся. Вокруг так много других сказок. Стоит только на что-нибудь взглянуть, — и сказка готова. (*Достаёт из-за окна — оказывается, часы — это ещё и окно!* — большой лист лопуха.) Самый большой лист у нас, конечно, лист лопуха: наденешь его на животик — вот тебе и передник, а положишь в дождик на голову — зонтик! Такой большой этот лопух! И вся эта роскошь — всего лишь кушанье для улиток! Ням-ням-ням... (*Показывает, как улитки едят лопух.*)

ИВЕДИ: Фу! Противный Клумпе-Думпе! Ты просто издеваешься надо мной! (*Возбраняет ему подарок и хочет уйти.*)

КЛУМПЕ (удерживает её): Миленькая, хорошенъкая Иведи-Аведи, пожалуйста не обижайся. (Возращает флакон.) Скажи, какую сказку ты хочешь?

ИВЕДИ (не сразу принимая подарок): Про Дюймовочку.

КЛУМПЕ: Про Дюймовочку? Но ведь эту сказку ты знаешь почти наизусть.

ИВЕДИ: Ну и что?

КЛУМПЕ: А думаешь, дети не знают сказку про Дюймовочку? Знаете, дети?
(Зрители отвечают.) Вот видишь.

ИВЕДИ: Ну и что! Всё равно — это моя самая любимая сказка. И вообще, самыми любимыми бывают только знакомые сказки, а незнакомые — не бывают.
Правда, ребята? (Зрители отвечают.)

КЛУМПЕ: Тс-с-с... Разве вы забыли про ночь? (Иведи послушно садится в кресло.)
Хорошо. Дюймовочка, так Дюймовочка. (Открывает книгу, начинает читать с нескрываемой иронией.) «Жила-была женщина. Очень ей хотелось иметь ребёнка, да где его взять?...»

ИВЕДИ (перебивает, огорчённая его интонацией): Ну что ты, ну какой ты, Клумп-Думпе!.. Разве так начинается эта сказка?

КЛУМПЕ: А как же? Вот, посмотри. (Показывает книгу.) «Жила-была женщина...»

ИВЕДИ: Да нет же, нет! (Берёт книгу и читает совсем с другой, трогательной интонацией.) «Дюймовочка. Жила-была женщина. Очень ей хотелось иметь ребёнка. Да где ж его взять? И вот она отправилась...»

Клумпе-Думпе во время её чтения незаметно накидывает на себя плащ, надевает маску и превращается в старую Колдунью.

КЛУМПЕ: ...К старой Колдунье, кхе-кхе...

ИВЕДИ (пугается от неожиданности): Как ты меня напугал, Клумпе-Думпе!..

КЛУМПЕ: Конечно. А ты думаешь, той женщине не было страшно? Ещё как! И старая Колдунья сказала ей: «Да-да-да... Ребёночка... Да-да-да... Где же его взять?.. Да-да-да... Вот тебе, деточка... (Колдует над своей шляпой. На ней ожидают то лягушка, то мышь. Из-под шляпы выползает змея... Всё это приводит в ужас Иведи-Аведи.) Нет-нет-нет... Не то... Вот тебе, деточка, ячменное зёрнышко. (Даёт Иведи-Аведи воображаемое зёрнышко.) Это не простое зерно, не из тех, что крестьяне сеют в поле или бросают курам. Посади его в цветочный горшок — увидишь, что будет. Да-да-да...»

ИВЕДИ: Спасибо.

КОЛДУНЬЯ (протягивает руку): Ну-ну-ну...

ИВЕДИ (не понимая, чего от неё хотят): Большое спасибо...

КЛУМПЕ: Ну...

ИВЕДИ: Что?..

КЛУМПЕ: Ха! Любимая сказка, любимая сказка! А сама забыла, что там написано.

ИВЕДИ: Я забыла?! (Читает.) «Спасибо! — сказала женщина...»

КЛУМПЕ: «...и дала Колдунье двенадцать скрепок.»

Иведи-Аведи сначала растерялась, но потом, играясь улыбнувшись, положила в протянутую руку воображаемые деньги.

ИВЕДИ: Пожалуйста.

КЛУМПЕ (*скрепки плац*): Ну ладно.

ИВЕДИ (*довольная играй*): И пошла женщина домой...

КЛУМПЕ (*подхватывает*): ...Посадила зёрнышко в цветочный горшок, и из него вырос...

ВМЕСТЕ: ...Большой, чудесный цветок.

Останавливаются у вазы с большим алым тюльпаном. Под волшебную музыку Клумпе поднимает вазу, Иведи целует лепестки цветка, и они плавно раскрываются. Внутри цветка — маленькая девочка.

КЛУМПЕ: Какая хорошенская девочка! Она такая маленькая...

ИВЕДИ: Такая маленькая!.. Маленькие платы, маленькие туфельки...

КЛУМПЕ: Маленькие ручки, маленькие ножки...

ИВЕДИ: Она всего с дюймом ростом... Ребятам, должно быть, её совсем не видно, особенно в последнем ряду.

КЛУМПЕ: Ты права. Зажжём-ка пляцко прожектора. Клупс-клапс-клипс! (Проектор загорается ярче.) Ой, что же я делаю! Чуть не забыл, что сейчас ночь. (Оба дуют на прожектора, они снова меркнут.) Тогда вот что: давай посмотрим на малютку через волшебный кристалл, и она покажется нам немножко побольше. (Достаёт волшебный кристалл.) Клупс-клапс-клипс! (Дюймовочка вырастает.)

Первая песня Дюймовочки

Бутон цветка — мой вчерашний дом.
Мне было тепло и уютно в нём,
Но слишком темно и немножечко тесно,
И что там вокруг, — неизвестно.

Как будто во сне я жила
И будто чего-то ждала.

Расцвёл цветок, разорвался круг,
И мир предо мною открылся вдруг,
Большой-пребольшой и загадочно страшный,
Не то что мой дом вчерашиий.

Как будто во сне я живу,
И всё — будто сон наяву.

ИВЕДИ: Только всё-таки не забывайте, что девочка была совсем маленькая, всего с дюйм ростом. Поэтому её и прозвали Дюймовочка.

Неожиданно окно распахивается, и на подоконник вскаивает огромная Жаба. Конечно это проделки Клумпе-Думпе! Иведи-Аведи, разумеется, пугается.

КЛУМПЕ: Раз ночью, когда Дюймовочка спала в своей постельке, в раскрытое окно вскочила огромная Жаба. Ква! (Преследует Иведи-Аведи.) А всем известно, как Иведи-Аведи боится даже самой маленькой лягушки, не то что большущих жаб. Ква!.. Ни в одной сказке вы не встретите другой такой трусихи. Ква-ква!..

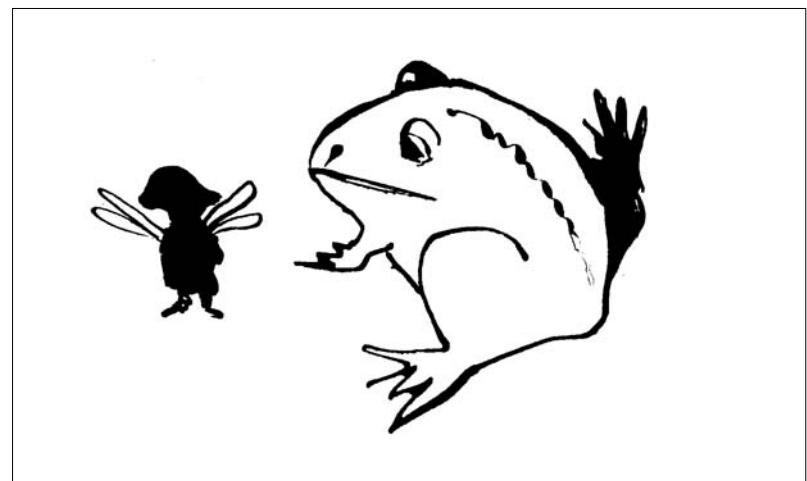
ИВЕДИ (берёт себя в руки): Неправда! Вовсе я не трусиха. Я просто не люблю, когда меня пугают. (Примеряет на себя роль Жабы.) Ква!.. Какая она мокрая и безобразная! Ква!.. Какая скользкая и противная. Ква!.. Какая гадкая и пучеглазая. (Подскакивает к Дюймовочке.) Ква! Какая хорошенькая девочка!

Вот и жена моему сыночку. Ква!

КЛУМПЕ: Жаба схватила Дюймовочку и выпрыгнула через окно в сад.

ИВЕДИ: А там протекала большая, широкая река...

КЛУМПЕ: Но у самого берега было топко и вязко. Здесь-то в тине и жила гадкая Жаба со своим сыночком. (Играет Жабу-сына.) Ква! Здравствуй, мама!

ИВЕДИ (*играет Жабу-мать*): Ква! Здравствуй, мой дорогой. Здравствуй, мой красавчик. Ква!.. Какой он тоже был гадкий и противный...

КЛУМПЕ: Точь-в-точь как мамаша.

ИВЕДИ: Ква! Как это, как мамаша? Ква... Тише! Ты только взгляни, какую невесту я нашла для тебя.

КЛУМПЕ: Ква! Какая хорошенъкая девочка! Ква!..

ИВЕДИ: Тише! Она ещё испугается, пожалуй, да убежит от нас.

КЛУМПЕ: Ква! Чего это ей пугаться? Я что, — какой-нибудь урод? Или у меня неприятный голос? Ква! Я спою ей свадебную песню, какую поют все жабы весной. Ква!

ИВЕДИ: Ах, мой милый! Побереги своё горлышко. Солнце ещё не поднялось — ты можешь простудиться.

Клумпэ-Думпэ и Иведи-Аведи так увлеклись импровизацией на тему весеннего жабьего дуэта, что совершенно забыли продолжение «всем знакомой сказки». Обескураженные этим, они с минуту молча стоят в растерянности, пытаясь сосредоточиться. Потом бросаются к книге.

ВМЕСТЕ (*с облегчением*): Утром!..

ИВЕДИ: Утром Дюймовочка проснулась, увидела, куда она попала, и очень испугалась. «Ква — сказала старая Жаба — вот мой сыночек, твой будущий муж. Вы славно заживёте у нас в тине. Ква!»

КЛУМПЕ: И жабы посадили Дюймовочку на большой лист кувшинки, а сами отправились готовить жилище к свадьбе.

Весёлый Клумпэ-Думпэ ускакал вместе с жабами. Иведи-Аведи осталась одна и загрустила, как это часто бывает после безудержного веселья.

ИВЕДИ: Бедная Дюймовочка осталась одна и горько заплакала: со всех сторон была вода, и никак нельзя было перебраться на сушу. А ей вовсе не хотелось жить у гадкой Жабы и выходить замуж за её безобразного сынка.

КЛУМПЕ (*воз врацаясь*): А со всех сторон была вода...

ИВЕДИ: А ей вовсе не хотелось...

КЛУМПЕ (*игриво*): А со всех сторон была вода...

ИВЕДИ (*пытаясь отделаться от докучливого шутника*): А ей вовсе не хотелось...

КЛУМПЕ: Маленькие рыбки высывались из воды (*и перед нами уже не Клумпэ-Думпэ, а маленькая рыбка*): «Ах, какая хорошенъкая девочка! Ах, как нам

её жалко!» (Клумпе-Думпе такой забавный, что не улыбнуться, глядя на него, нет никакой возможности.)

ИВЕДИ (невольно включаясь в игру): И они перегрызли стебель, на котором держался лист, и он поплыл по течению всё дальше и дальше... Теперь уж Жабе ни за что было не догнать крошку!.. Маленькие птички порхали вокруг и пели: «Какая хорошенькая девочка!»

КЛУМПЕ (превратившись в Мотылька): Красивый белый Мотылек всё время порхал вокруг неё и наконец уселся на край листа. «Ах, какая хорошенькая девочка!»

ИВЕДИ: Дюймовочка привязала Мотылька к своему листку и он поплыл ещё быстрее!

Ах!.. У того, кто умеет играть, всё всегда под рукой: и шляпа, чтобы плыть в ней, как в лодке, и ленточка, чтобы удержать Мотылька...

Вторая песня Дюймовочки

Высокое небо, широкий простор —
Такого не видела я до сих пор.
И солнце сияет, и плещет река,
И ветер играет крылом Мотылька.

КЛУМПЕ: И вдруг!.. Ж-ж-ж... (Наблюдает за полётом невидимого жука.) Ж-ж-ж...
(Пугает Иведи-Аведи.) Ужасный Брокут-Мокут!.. Ж-ж-ж!..

ИВЕДИ (смеётся): И неправда, и неправда! И никакой это не ужасный Брокут-Мокут, а самый обыкновенный Майский Жук. Ж-ж-ж...

КЛУМПЕ (хватает Дюймовочку): Он схватил Дюймовочку и ж-ж-ж... унёс на высокое дерево.

Клумпе пошутил, а Иведи-Аведи вдруг обиделась (так ведь тоже часто случается), отошла в сторону, отвернулась...

КЛУМПЕ: Ты что, Иведи-Аведи?..

ИВЕДИ (неожиданно): Жалко...

КЛУМПЕ: Кого?

ИВЕДИ: Мотылёнка жалко: ему ведь придётся теперь умереть с голоду, если не удастся освободиться.

КЛУМПЕ: Только и всего?! Глупенькая Иведи-Аведи! (Освобождает Мотылька.)

И снова всем стало весело. Игра продолжается.

КЛУМПЕ: Жук посадил крошку на самый большой зелёный лист... Угостил её сладким цветочным соком и сказал, что она...

ВМЕСТЕ: Прелесть, какая хорошенъкая, хоть и совсем не похожа на Майского Жука. (Оба смеются.)

ИВЕДИ: А потом?..

КЛУМПЕ: Потом к ним в гости прилетели другие майские жуки и устроили настоящий...

ВМЕСТЕ: Бал жуков!

Ярко вспыхивают разноцветные фонарики, Клумпе-Думле и Иведи-Аведи превращаются в Жука и Жучиху и танцуют вместе с другими жуками.

КЛУМПЕ (Жук): Какая хорошенъкая девочка!

ИВЕДИ (Жучиха): У неё только две ножки, жалко смотреть!

ЖУКИ: Только две ножки, только две ножки...

КЛУМПЕ: Только две ножки... Какая хорошенъкая!

ИВЕДИ: Ах! У неё же нет усиков!

ЖУКИ: Нет усиков, нет усиков...

КЛУМПЕ: Нет усиков... Какая хорошенъкая!

ИВЕДИ: И что за фигура! Фи! Она совсем как человек!

ЖУКИ: Совсем как человек, совсем как человек...

КЛУМПЕ: Совсем как человек... Такая хорошенъкая!

ИВЕДИ: Фи! Как некрасиво!

КЛУМПЕ: Хорошенъкая... Некрасиво?..

ИВЕДИ: Она просто безобразна.

КЛУМПЕ: Некрасиво?.. Безобразна?..

ИВЕДИ: Она просто уродина!

КЛУМПЕ: Уродина?.. Жуку, который принёс Дюймовочку, она сначала очень понравилась, а тут вдруг и он решил, что она безобразна, и не захотел больше держать её у себя. «Она просто безобразна! Фи! Пусть идёт, куда знает!»

ВМЕСТЕ: И жуки улетели.

Третья песня Дюймовочки

Жуки, летите, ваш путь неведом.
И мне б хотелось за вами следом,
Но ни о чём я вас не просила,
Я ведь дурнушка, я некрасива.

Жуки, прощайте, летите с богом.
Мне вас хотелось спросить о многом.
Ведь тем, кто может летать так вольно,
Так много видно... А мне так больно...

А мне так больно, так одиноко,
Мне б так хотелось взлететь высоко,
Но вас об этом я не просила,
Я ведь дурнушка, я некрасива.

Ивёди-Аведи кончила петь и тихо заплакала.

КЛУМПЕ: И Дюймовочка принялась плакать о том, что она такая безобразная: даже майские жуки не захотели оставить её у себя.

ИВЕДИ (*сквозь слёзы*): Но ведь это же неправда. Это неправда! На самом-то деле она была прелестнейшим созданием: нежная, точно лепесток розы.

КЛУМПЕ: Бедная Дюймовочка. Ей казалось, что даже солнце ушло куда-то, чтобы не смотреть на неё. И только тучи, серые, рваные осенние тучи готовы были поплакать вместе с ней.

Звучит грустная музыка, и всё погружается в темноту.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На сцене стало как-то холодно и неуютно, осенние листья зашуршили под ногами. Клумпе-Думпе зябко закутался в тёплый шарф, нежно укрыл плащом Иведи-Аведи.

КЛУМПЕ: Осень...

ИВЕДИ (*сейчас ей всё кажется обидным*): В книжке так не написано...

КЛУМПЕ: Да, в книжке написано: «Целое лето прожила Дюймовочка в лесу одна-одинёшенька. Но вот лето кончилось, прошла и осень. Наступила зима. Пошёл снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки тоже, что для нас целая лопата снега. Мы-то большие, а она маленькая, всего с дюйм.»

Иведи-Аведи совсем загрустила, сидит, как замёрзшая Дюймовочка под хлопьями падающего снега.

ИВЕДИ: Как холодно. Солнышко! Нужели я больше никогда тебя не увижу? И птичьих песен не слышно — все улетели, все меня оставили.

КЛУМПЕ (*вернее, уже не Клумпе — Полевая Мышь*): Какая хорошенькая девочка. Совсем замёрзла, бедняжка, так и дрожит, так и дрожит. Эй, заходи ко мне в нору, погрейся. У меня тепло. Поешь. Не

стесняйся — у меня много всего припасено. Я мышь запасливая... (*Клумпе-Думпе всеми способами старается развеселить Иведи-Аведи.*) Ну, что же ты?.. Можешь пожить у меня хоть всю зиму. Я, в сущности, добрая старуха. Могу, конечно, укусить, но уж если только... Будешь убирать мои комнаты и рассказывать мне сказки — я до них большая охотница... Ну?.. Ой! Послушайка: я познакомлю тебя с моим соседом, с Кротом. Он живёт ещё куда лучше меня: у него огромные залы глубоко под землёй, а ходит он в чудесной бархатной шубе... Вот если бы тебе удалось выйти за него замуж!.. Беда только, что он слеп, совсем ничего не видит. Ну да это пустяки...

ИВЕДИ: Какая грустная сказка.

КЛУМПЕ: Ты же сама просила...

ИВЕДИ: Конечно.

КЛУМПЕ: А хочешь, я расскажу тебе весёлую сказку, про то, как мой дедушка Клумпе-Думпе старший свалился с лестницы, сломал себе две ноги, шею, а потом всё-таки женился на принцессе?.. (*Иведи отмахнулась и с головой зарылась в плащ.*) Ну, Иведи-Аведи, моя миленькая, хорошенькая, грустненькая Иведи-Аведи... Разве ты забыла, что и эта сказка кончается хорошо? (*К зрителям.*) Верно, ребята? Конечно, немножечко погрустить бывает даже полезно, но...

Неожиданно плащ, которым укрылась Иведи-Аведи, зашевелился, заихах, и из-под него появилась кротовая морда в чёрных очках. Должно быть, Иведи-Аведи решила стряхнуть с себя грусть и показать, на что она способна. Слепой Крот размахивает палкой, как бы случайно угрожая ею Клумпе-Думпе, а тот, в свою очередь, старательно ему подыгрывает.

ИВЕДИ: Апчхи! (*Сиютыкается.*) Куда это я попал? Что за дорога? Каждый день новые препятствия. (*Стучит палкой.*) Что такое? Теперь — ровное место!.. Где

право, где лево — ничего не понимаю... Эй!.. (*Натыкается на Мышь.*) А?..
Что?.. Кто здесь?..

КЛУМПЕ: Да это же я, Полевая Мышь, ваша соседка. Вы меня не узнали?

ИВЕДИ: Мышь? Что за Мышь? Ах Мышь! Ну да, ещё бы, конечно не узнал. Я шёл
совсем в другое место. Апчхи! Как у вас здесь...

КЛУМПЕ: Вы, я вижу, устали?

ИВЕДИ: Конечно, устал... Ничего не вижу... Апчхи!..

КЛУМПЕ: Присядьте, отдохните.

ИВЕДИ: Я устал... (*Несколько раз садится мимо кресла.*) То вверх, то вниз, —
так очень трудно сохранять достоинство.

*Пантомима «Крот садится в кресло» — это ещё целый весёлый спектакль
на радость как зрителям, так и самим играющим. Наконец Крот усаживается.*

ИВЕДИ (*Крот*): Ну!?

КЛУМПЕ (*Мышь*): А у меня новость.

ИВЕДИ: Что за новость? Какая ещё новость? Только этого не хватало! Зачем
это?

КЛУМПЕ: Не волнуйтесь, дорогой сосед, ничего страшного. Просто я приютила на
зиму маленькую сиротку. Она поживёт у меня до весны, пока солнце не
растопит снег...

ИВЕДИ: Солнце? Фу! Зачем это? Что это вам пришло в голову? Солнце! Терпеть
не могу солнца!..

КЛУМПЕ: Да я про девочку говорю...

ИВЕДИ: Терпеть не могу солнца!

КЛУМПЕ: Я про девочку говорю...

ИВЕДИ: Терпеть не могу солнца!

КЛУМПЕ: Кажись, вы сегодня не в духе.

ИВЕДИ: Не в духе? Да, я не в духе.

КЛУМПЕ: Вы только посмотрите, какую хорошеньюку девочку я пригрела.

ИВЕДИ: Девочку? Какая ещё девочка? Зачем это?..

КЛУМПЕ: Сиротка, о которой я вам говорила.

ИВЕДИ: Ах, сиротка! Ну да... (*Ощупывает и обнюхивает Дюймовочку.*) Сирот-
ка... Хорошенькая...

КЛУМПЕ: Я ведь добрая старуха. Пусть, думаю, поживёт у меня, наведёт порядок...

ИВЕДИ: Порядок — это да. Это так. Порядок — это хорошо. Это я люблю. Сейчас:

иду по галерее и вдруг — нате вам! — птица, дохлая. (*Достаёт Ласточку из-под плаща.*) Небось, замёрзла. Горькая участь родиться пичужкой: только и умеют чирикать. А зима придёт — и фыоить... (*Бросает птицу, Клумпе едва успевает поймать её на лету.*) Да... Терпеть не могу птиц! Терпеть не могу чириканья! Терпеть не могу солнца! Терпеть не могу! Терпеть не могу! Терпеть не могу!!! (*Иведи-Аведи весело скрываются плащ и раскладывается. Клумпе-Думпе аплодирует ей.*)

КЛУМПЕ: Браво! Браво, Иведи-Аведи! Ну и насмешила ты нас своим Кротом!

ИВЕДИ (*подходит к Ласточеке*): А всё-таки это очень грустная сказка.

Звучит грустная музыка. Дюймовочка склонилась над мёртвой птицей.

Четвёртая песня Дюймовочки

Ласточка, Ласточка, бедная пташка!
Что приключилось с тобою, бедняжка?
Все твои песни и звонкие трели
В снег превратились и заледенели.

Где-то на дальнем, на солнечном юге
Птицы не знают про холод и вы沟ы.
Все твои сёстры туда улетели,
С нами остались одни лишь метели.

Замерло сердце от северной стужи.
Мне тяжело, а тебе ещё хуже.
Ласточка, Ласточка, милая пташка!
Что же с тобою случилось, бедняжка?..

Дюймовочка умолкла, обняв Ласточку, и вдруг...

ИВЕДИ: Ой! Что это?

КЛУМПЕ: Это забилось ласточкино сердце.

ИВЕДИ: Значит, она не умерла, а только окоченела от холода?

КЛУМПЕ: А теперь согрелась и ожила. (*Играет Ласточкой.*) Благодарю тебя, милая крошка. Я так славно согрелась. Скоро я совсем поправлюсь и опять вылечу на солнышко.

ИВЕДИ: Ах, теперь так холодно, идёт снег. Почему же ты раньше не улетела в тёплые края?

КЛУМПЕ: Я поранила крыло о терновый куст и не смогла улететь на юг вместе с другими ласточками. Но ничего, скоро придёт весна...

ИВЕДИ: Скоро придёт весна...

КЛУМПЕ: Выглядит солнышко...

ИВЕДИ: Выглядит солнышко...

КЛУМПЕ: И я полечу в зелёный лес. Хочешь, мы полетим вместе? Ты сядешь ко мне на спину...

ИВЕДИ: Нет. Нельзя... Я не могу бросить Полевую Мышь, ведь она приютила и обогрела меня. Она очень огорчится.

Клумпе-Думпие вдруг почувствовал себя нелепо в роли умирающей Ласточки и рассердился.

КЛУМПЕ (*оставив Ласточку*): Конечно, старуха очень огорчится! Ещё бы! Она ведь нашла такого славного жениха для бедной сиротки! (*Передразнивает игру Иведи-Аведи с Кротом.*) Терпеть не могу птиц! Терпеть не могу чириканья! Терпеть не могу! Терпеть не могу!..

ИВЕДИ: Нет! Я не хочу выходить замуж за этого гадкого Крота.

КЛУМПЕ: Пустяки! Через месяц твоя свадьба.

ИВЕДИ: Нет, нет! Я не хочу идти в его нору, жить там глубоко под землёй и никогда не выходить на солнце...

КЛУМПЕ (*Мышь*): Только не капризничай, а то я укушу тебя. У самой королевы нет такой шубы, как у Крота. Благодари бога за такого мужа!

Мышь ушла. Дюймовочка осталась одна. Ей так горько и одиноко, что она даже не плачет, а только безнадёжно склонила головку и стоит неподвижно, глядя в одну точку... Высоко над ней появляется Ласточка.

КЛУМПЕ (*Ласточка*): Кви-вить! Кви-вить! Я улетаю далеко-далеко. Хочешь полететь со мной? Кви-вить! Садись ко мне на спину, и мы улетим с тобой далеко от гадкого Крота, за синие моря, в тёплые края, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудесные цветы. Кви-вить, кви-вить! Полетим со мной, милая крошка!

ИВЕДИ: Да, да, я полечу с тобой за синие моря, в тёплые края, где всегда солнышко, лето и чудесные цветы!.. Ласточка взвилась стрелой и полетела над тёмными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом.

И вот уже Дюймовочка, прижавшись к Ласточке, летит высоко над горами в свете прожекторов. Волшебный кристалл сверкает и переливается, как снежные вершины в лучах восходящего солнца.

ИВЕДИ: Ах! Было страсть как холодно. Дюймовочка вся зарылась в тёплые перья Ласточки и только головку высунула, чтобы любоваться всеми красотами, которые встречались в пути. Но вот и тёплые края! Тут солнце сияло ярче, небо стояло выше, в лесах зреали лимоны и апельсины, пахло мirtами и душистой мяты.

Появляется ослепительно яркий южный пейзаж.

ИВЕДИ: Ласточка опустилась туда, где росли большие яркие цветы. И вдруг...

Из цветка на блестящих крыльшках вспорхнул маленький человечек, беленчик и прозрачный, точно хрустальный.

ЭЛЬФ: Сударыня! Вы так прекрасны! Не согласитесь ли вы стать моей женой — королевой эльфов и царицей цветов?

ДЮЙМОВОЧКА: Ах! Вот это муж так муж! Не то что сын Жабы или Крот в бархатной шубе. (К Эльфу.) Я согласна!

ЭЛЬФ: Я счастлив, сударыня! Примите в подарок к свадьбе пару прозрачных стрекозиных крыльев.

ДЮЙМОВОЧКА: Спасибо!

Зазвучала волшебная музыка — в этой сказке вся музыка волшебная! — и Эльф с Дюймовочкой закружились в воздушном танце.

ИВЕДИ: Ах! Это просто сказка!

КЛУМПЕ: Конечно! Это та самая сказка, которую ты знаешь почти наизусть и любишь больше всех остальных.

ИВЕДИ: Да, да! Ведь любимыми бывают только знакомые сказки, верно, ребята?

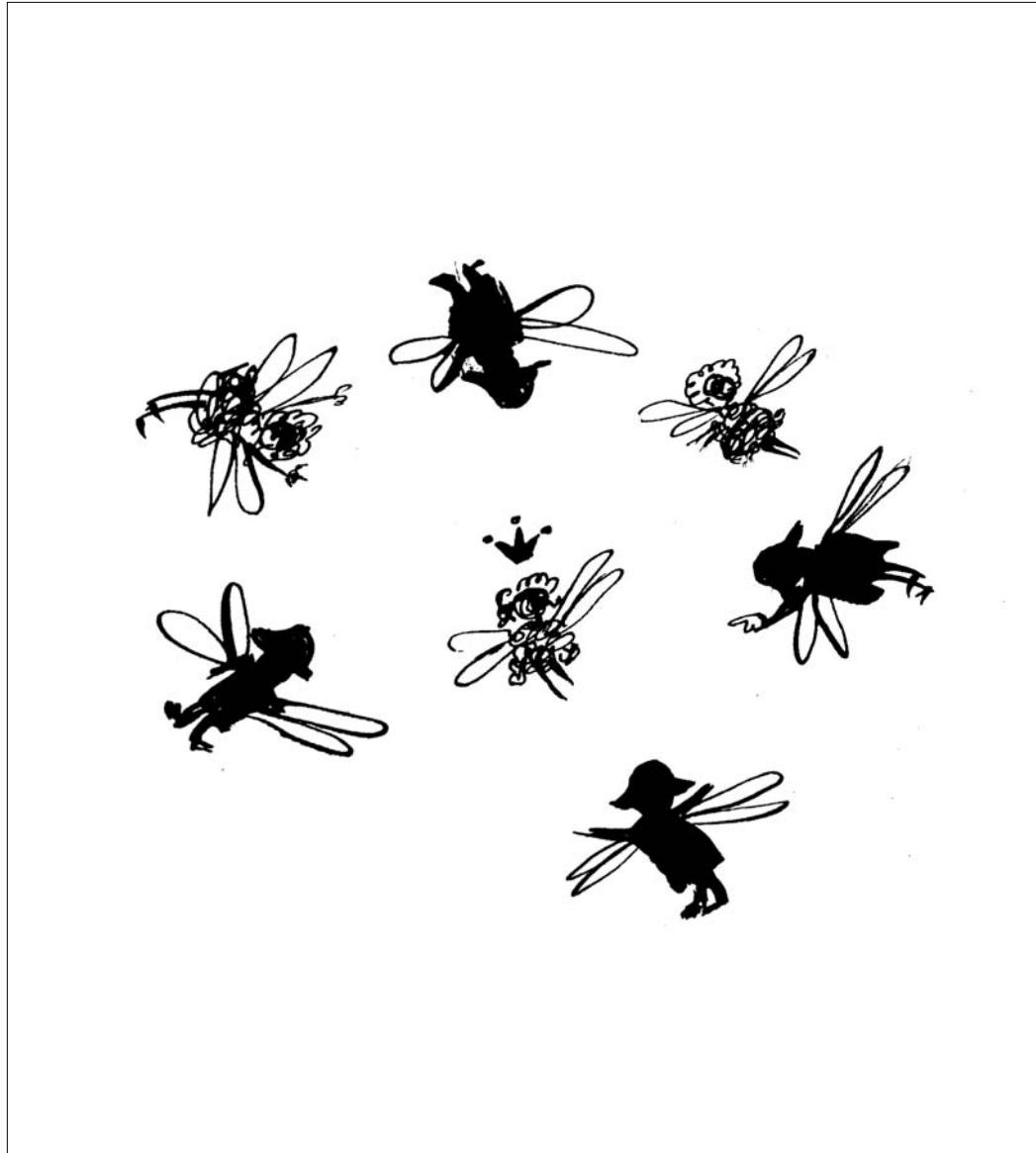
Зрители дружно отвечают, но тут громко начинают бить часы.

КЛУМПЕ: Тс-с-с! Разве вы забыли про ночь? Если мы разбудим страшного Брокутаг-Мокута, все сны разбегутся от страха, и мы с вами не увидим ничего интересного. Тише!.. Тише...

Вся сцена погружается в темноту. Видны только светящийся циферблат часов и большой яркий цветок, из которого появилась Дюймовочка.

КОНЕЦ

КОНЁК-ГОРБУНОК

Балаганное представление

Пьеса в 3-х действиях
по сказке П. Ершова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ВАНЯ
МАНЯ
ФОМА
ЕРЁМА

} балаганные шуты,
 они же —
 исполнители ролей
 всех сказочных персонажей

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На сцене нарядно украшенный балаган с закрытыми створками. Это некое подобие райка — волшебный ящик с чудесными картинками, только большой. Бодрым маршем, с тубой, тарелками и барабаном перед балаганом появляются Ваня, Фома и Ерёма.

ВАНЯ: Эй, честные господа!..

Фома издаёт на тубе звук, сбивающий Ваню. Тот ещё дважды пробует начать рассказ, но, обиженный на смеющихся над ним Фому и Ерёму, покидает сцену.

ФОМА: Эй, честные господа!
Вы почто пришли сюда?
ЕРЁМА: Аль театра не видали?
ФОМА: Али сказок не слыхали?
ЕРЁМА: Али думаете, тут
Даром пряники дают?
ФОМА: Погляди на них, Ерёма:
Порасселись, точно дома,
Как бояре всё равно!
ЕРЁМА: Слыши ты, им ешё смешно!
Глянь, Фома, она хохочет,
Будто кто её щекочет.
ФОМА: Что смейшься? Тут у нас
Все серьёзные как раз.
Во, у нас какие лица!..

Показывают «ужасно серьёзные» лица. Все смеются.

Кто тут вздумал веселиться?
ЕРЁМА: Прекратите! Что за смех?!
Враз домой отправлю всех!
ФОМА: Вот я вас!..

В окне балагана появляется Маня, маленькая, но очень грозная.

МАНЯ: Фома, Ерёма?
Что в башке у вас? Солома?
Не понятно разве вам,
Для чего приходят к нам?
Что надумали!

ЕРЁМА: Маруся!
Я ж шучу.

ФОМА: И я смеюся.

МАНЯ: Что за шутки невпопад!
Чем вы тешите ребят?

Маня выбегает из балагана и награждает Фому и Ерёму тумаками, таскает их за носы и за уши.

ЕРЁМА: Шутка делу не помеха...
ФОМА: Нам никак нельзя без смеха...
Это ж присказка была...

Появляется Ваня, сияющий беззаботной улыбкой.

ВАНЯ: Вот и сказка подошла!

Все весело покидают сцену. Фома и Ерёма тут же возвращаются и начинают сказку.

ФОМА: За горами, за лесами,
ЕРЁМА: За широкими морями,
ФОМА: Не на небе — на земле
Ф. и Е.: Жил старик в одном селе.
ЕРЁМА: У старинушки три сына:
ФОМА: Старший — умный был детина.
ЕРЁМА: Средний сын — и так и сяк.
ФОМА: Младший — вовсе был дурак.
Ф. и Е.: Братья сеяли пшеницу...

Вбегает озабоченный Ваня.

ВАНЯ: Ой, беда, беда творится!
Кто-то в поле стал ходить
Да пшеницу шевелить.
ФОМА: Слушай, Ваня, право слово,
Ты какой-то бестолковый.
Что орёшь?
ВАНЯ: Так ведь беда!
ФОМА: Сам рассказывай тогда.
ВАНЯ: Сам так сам. Но вы давайте,
Надо будет, помогайте.
ЕРЁМА: Мы поможем!..
ВАНЯ: Ну так вот:
Кто ж пшеницу в поле мнёт?
Братья, стало быть, смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.
А уж как они стояли,
Вы, наверное, слыхали:
Этот братец (*показывает на Фому*)

напрямик

Влез со страху под сенник,
А другой — ходил дозором
У соседки под забором.
А соседка...

- ЕРЁМА: Ты не ври,
А про дело говори.
- ВАНЯ: Про какое дело?
- ФОМА: Ладно!
- Ври, да только чтобы складно.
- ВАНЯ: Складно — это мы на раз,
Врать могём не хуже вас.
Стало сызнова смеркаться.
Время младшему сбираться.
Вот он хлеб в карман кладёт,
Караул держать идёт.
Ночь настала... (*Обращаясь к Фоме и Ерёме.*)
Ну, давайте,
Что вы спите — помогайте,
Открывайте балаган.

Фома и Ерёма открывают створки балагана. За ними — освещённое звёздами колосящееся шеничное поле. Ваня с куклой играет роль Ивана.

Ходит по полю Иван,
Звёзды на небе считает
Да краюшку уплетает.
Вдруг о полночь конь заржал.
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.

Появляется Маня в роли кобылицы.

- МАНЯ: Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.

ВАНЯ (в роли Ивана):

«Эхе-хе! Так вот какой
Наш воришка!.. Но постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Ишь, какая саранча!..»

ЕРЁМА: И, минуту улуча,

Ваня сзади подбегает

Ф. и Е.: И за хвост её хватает!

*Ваня с Маней разыгрывают пантомиму
«Иван на Кобылице».*

ФОМА: Глянь-ко, Ванька-то не прост —
Крепко держится за хвост.

ВАНЯ: «От меня уйдёшь едва ли —
Не таких ещё седали.

Прикусила удила?..»

МАНЯ: «Что ж, Иван, твоя взяла.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною.
По исходе же трёх дней
Двух рожу тебе коней —
Да таких, каких поныне
Не видали и в помине.
Да ещё рожу конька...»

ФОМА: Ростом только в три вершка,

ЕРЁМА: На спине с двумя горбами

ФОМА: Да с аршинными ушами.

МАНЯ: «На земле и под землёй

ВСЕ: Он товарищ будет твой».

МАНЯ: Так сказала кобылица.

Кобылица покидает сцену.

ЕРЁМА: Ишь ты! Вот так небылица!

ВАНЯ: Нет, она не наврала —

Трёх коней мне родила.
Вот считайте: раз, два, три.

Появляются кони — два сказочно красивых и один маленький, горбатый.

ЕРЁМА: Вот так чудо!
ФОМА: Ты смотри!
МАНЯ (в роли Горбунка):
«На земле и под землёй
Я товарищ буду твой!»

Горбунок ускакал с весёлым ржаньем.

ФОМА: Ладно, Ваня, врёшь ты, складно,
Но, чтоб было не накладно,
Отдохни. Пришёл черёд
Нам смешить честной народ.
ЕРЁМА: Много ль времени аль мало

С этой ночи пробежало,
Только братья как-то раз,
ФОМА: В кабаке повеселясь,
ЕРЁМА: По дороге к дому, спьяну,
Завернули к балагану.
ФОМА: И, споткнувшись у дверей,
Двух увидели коней.

Фома и Ерёма «преображаются» в братьев — Данилу и Гаврилу.

ЕРЁМА: «Ай да кони! Что за диво!
Погляди, какая грива».
ФОМА: «В мелки колыца завитой
Хвост струится золотой».
ЕРЁМА: «И алмазные копыта
Крупным жемчугом подбиты...
Кто ж привёл их в балаган?»
ФОМА: «Неужели наш Иван?
Знать не даром речь ведётся,
Что лишь дурням клад даётся.
Ты ж хоть лоб себе разбей,
Так не выбьешь двух рублей!»
ЕРЁМА: «Может, это спьяну снится?.. (Для проверки ннул Фому — получил
сдачи.)
Отведём коней в столицу.
На базаре продадим».
ФОМА: «Деньги ровно поделим!»
ЕРЁМА: «А с деньжонками, сам знаешь,
И попьёшь, и погуляешь!»

*Братья ударили по рукам, взяли коней и отправились было, но тут Ваня
прервал их пантомиму.*

ВАНЯ: Это что ж, скажи на милость,
За история случилась? —
Начиналась с волшебства,
А дошла до воровства.

ЕРЁМА: Это ж сказка, что тут спорить.
ФОМА: Чем нас попусту позорить,
Покажи, как твой Иван
Воротился в балаган.
ВАНЯ: Показать, конечно, можно. (*Берёт куклу Ивана, показывает.*)
Вот вошёл он осторожно,
Огляделся и застыл...
ЕРЁМА: Нет коней.
ФОМА: И след простила.
ВАНЯ: «Ой вы, кони, буры-сивы!
Добры кони златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал!
Да какой вас чёрт украл?
Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!
Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!..»
ФОМА: Так Ванюша выл с досады.
МАНЯ (*появляется с куклой Горбунком*):
В это время из засады
Выбегает Горбунок:
«Где хозяин?»
ЕРЁМА: Занемог.
ВАНЯ: «Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!
Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!..»
МАНЯ: «В чём вина твоей печали?»
ВАНЯ: «Так коней моих укради.
Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!..»
МАНЯ: «Велика беда, не спорю,
Но могу помочь я горю:
Как пущусь да побегу,
Мигом вора настигну».
Горбунок-конёк встряхнулся,
Хлопнул гривкой, встрепенулся...

ФОМА: Сел Ванюша на конька
И взвился под облака.

Ваня с Маней убегают. Фома и Ерёма с куклами играют пантомиму «Летящий по небу Иван». Ваня возвращается и охотно к ним присоединяется. Появляется «сердитая» Маня.

МАНЯ: Пляшем? Пятки, чай, отбили.
А про сказку позабыли?
ВАНЯ: Кто забыл? Не бойсь, Марусь,
Я всё помню наизусть:
Вдруг Иван с небес заметил,
Что огонь внизу засветил,
Яркий, что твоя звезда.
Опустился туда,
И такое им явилось...
Вам, ребята, и не снилось.

Открывается балаган, а там...

МАНЯ: «Эко чудо! Дивный свет»
А конёк ему в ответ:
«Вот уж есть чему дивиться! —
Ты нашёл перо Жар-птицы,
Но для счастья своего
Не бери себе его.
Много, много непокою
Принесёт оно с собою».
ВАНЯ: «Говори ты, как не так! —
Про себя ворчит дурак. —
Всё в хозяйстве пригодится».
И, забрав перо Жар-птицы,
На конька вскочил опять,
Чтобы братьев догонять.

Что же вы молчите, братья?
Так и буду продолжать я?
После скажете: не так
Рассказал Иван-дурак.
Расскажите лучше сами,
Что вы сделали с конями.
Даром что ли было красть?!

ФОМА:
Вот нежданная напасть!
Дурень! Это ж в сказке было.

Там — Гаврило и Данило.
Мы ж — Ерёма и Фома.

ЕРЁМА:
Али ты сошёл с ума,
Что считаешь нас ворами?

ВАНЯ (*задираясь наступает на «братьев»*):

Всё вы путаете сами.
Отпираться ни к чему!

ФОМА:
Ох, отвечу я ему!..

И тут бы началась драка, если бы не «суроная» Маня.

МАНЯ:
Ах вы, черти! Забияки!
Не хватало только драки!

ВАНЯ:
Я бы им намял бока...

Маня пинком выбрасывает Ваню со сцены.

ЕРЁМА:
Что ты спросишь с дурака!
ФОМА:
Бог с ним. Стало быть, короче...

Вот идём мы... Дело к ночи...
Жуть берёт, какая тьма...

ЕРЁМА:
Да не мы идём, Фома,
А Гаврило и Данило.

ФОМА:
Знамо дело, так и было.

Фома и Ерёма снова «преображаются».

«Ты подумай-ко, бездельник,
Сколько выручим мы денег.
Чай, по целому мешку!»
ЕРЁМА: «А благому дураку
Не достанет ведь догадки,
Где гостят его лошадки.
То-то будет горевать!»

*С пронзительным свистом появляется Иван, буквально
«с неба свалился».*

ВАНЯ: «Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал!»
ЕРЁМА: «Чтобы волк тебя задрал!»
ФОМА: «Дорогой наш брат Иваша,
Что переться — дело наше!
Но возьми же ты в расчёт
Некорыстный наш живот!».
ФОМА: «Сколько пшеницы мы не сеем,
Чуть насущный хлеб имеем».«
ЕРЁМА: «А коли неурожай,
Так хоть в петлю полезай!..»

Иван молча отворачивается.

ФОМА: «Может, худо мы вершили...»
ЕРЁМА: «Но, подумав, так решили,
Чтоб продать твоих коньков
Хоть за тысячу рублёв».«
ФОМА: «А в спасибо, молвить к слову,
Привезти тебе обнову...»
ЕРЁМА: «Красную шапку с позонком...»
ФОМА: «Да сапожки с каблучком...»

Иван презрительно посмотрел через плечо.

Да к тому ж отец неможет,
Работать уже не может,
А ведь надо ж мыкать век...»
 Ф. и Е.: «Сам ты умный человек?»
 ВАНЯ: «Умный. Только мне, по чести,
Нужно ехать с вами вместе.
Без меня нельзя никак».«
 Ф. и Е.: «Чёрт бы взял тебя, дурак!»

Все, выходя из образов, дают понять, что эта картина окончена и начинается следующая.

ВСЕ: На базар в базарный день
Едут все кому не лень!
Приезжают в град-столицу.

Все изображают толпу на столичном базаре.

ЕРЕМА: На базаре что творится!
 ВАНЯ: Все толкаются, снуют...
 МАНИЯ: И проходу не дают...
 ЕРЕМА: Гости лавки отпирают...

ВАНИЯ: Люд крещёный закликают:
МАНЯ: Эй, честные господа,
ЕРЁМА: К нам пожалуйте сюда!
ВАНИЯ: Как у нас ли тары-бары,
МАНЯ: Всяки разные товары!
ФОМА: Только варуг — стрельцов отряд:
Царь въезжает в конный ряд.

Балаганный оркестр встречает Царя торжественным маршем. Теперь Фома играет Царя, Ваня — Ивана, а Ерёма с Маней — толпу зевак.

«Чуден, право, божий свет.
Уж каких чудес в нём нет!
Ай да кони! Эй, ребята,
Чьи такие жеребята?»
ВАНИЯ: «Эта пара, царь, моя.
И хозяин тоже я».
ФОМА: «Ну, я пару покупаю.
Продаёшь ты?»
ВАНИЯ: «Нет, меняю».
ФОМА: «Что в промен берёшь добра?»
ВАНИЯ: «Два-пять шапок серебра.
То есть это будет десять».
ФОМА: «Серебро тотчас отвесить
И по милости моей
Дать в прибавок... пять рублей».
В., М. и Е.: Царь ты наш великодушный!
ФОМА: «Отвести коней в конюшни»
ЕРЁМА: И, услышавши приказ,
МАНЯ: Десять конюхов тотчас
ЕРЁМА: Соколами налетели,
М. и Е.: Обуздать коней хотели.

Маня с Ерёмой играют пантомиму «Конюхи и кони».

ВАНИЯ: Только кони, как на смех,
В ту же минуту сбили всех,

Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.
ФОМА: Царь такой потехе рад (*к Ерёме*):
«Опозорился ты, брат! (*к Ивану*):
Пара нашим не даётся.
Делать нечего, придётся
Во дворце тебе служить».
ЕРЁМА: Будешь в золоте ходить...
МАНЯ: В красно платье наряжаться...
ЕРЁМА: Словно в масле сыр, кататься!..
ФОМА: «Всю конюшенну мою
Я в приказ тебе даю,
Царско слово в том порука».
Е. и М.: Соглашайся!
ВАНИЯ: «Эка штука!
Чудно дело!.. Так и быть,
Стану, царь, тебе служить.
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться».
ФОМА: «Ах ты шельма! Ишь каков!
Что ж, веди своих коньков
Прямо в царские конюшни».
Е., М. и В.: Царь ты наш великодушный!

Под звуки оркестра Царь удаляется.

ВАНИЯ: Так наш славный молодец
Затесался во дворец.
Складно сказка говорится,
Да пора остановиться,
Отдохнуть хоть пять минут.
И ребята отдохнут.

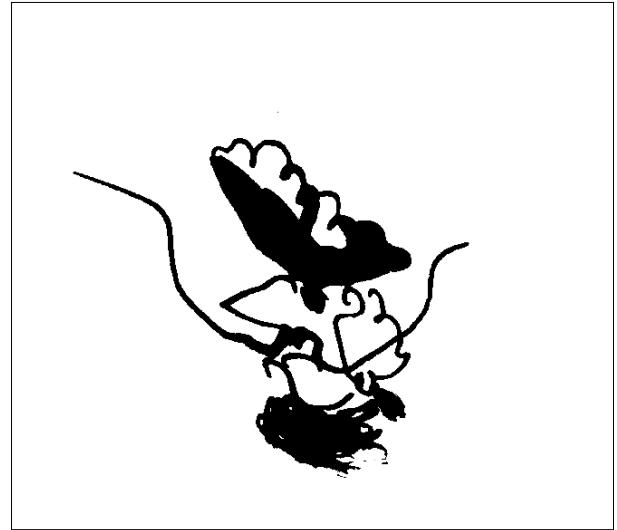
Трубоя и барабаня, шуты покидают сцену.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ВАНЯ: Зачинается рассказ
От Ивановых проказ,
И от сивка, и от бурка,
И от вешшего каурка...

С «мрачными лицами» появляются Фома и Ерёма, один с тубой, а другой... не понятно с чем под траурным покрывалом. «Процессия» медленно продвигается по сцене.

ФОМА: Как на море-окияне...
ЕРЁМА: И на острове Буйне...
ФОМА: Новый гроб в лесу стоит,
ЕРЁМА: В гробе девица лежит.

Появляется Маня и некоторое время с недоумением наблюдает за происходящим.

МАНЯ: Кто лежит?.. Фома, Ерёма,
Где тут сено, где солома?
Что-то я не поняла...
Ф. и Е.: Это ж присказка была!

Ерёма скидывает покрывало, под ним — кукла Ивана, да не такая, как в первом действии, а яркая, нарядная.

ЕРЁМА: Вот и сказка подоспела!
ВАНЯ: Ну и ну! Вот это дело!

Маня бросается на шутников, пытается настичь и наказать их за розыгрыши.

Стойте! Время, наконец,
Нам вернуться во дворец,

Где теперь Ванюша служит,
Ни о чём себе не тужит.

Фома и Ерёма пытаются подольститься к «сердитой» Мане.

ЕРЁМА: А о чём ему тужить?
ФОМА: Нам бы так с тобою жить! —
Во дворце, при государе...
ЕРЁМА: Где дворяны да бояре...
МАНЯ: Но не в этом интерес.
Был там спальник — сущий бес. (*Достаёт куклу Спальника и отдаёт её Ерёме.*)
Надо молвить, этот спальник
До Ивана был начальник
Над конюшней надо всей.
Из боярских слыл детей.
ФОМА: Так не диво, что он злился
На Ивана.
ЕРЁМА: И божился:
«Спать не буду, подведу
Я дружочки под беду.

Иван уходит с независимым видом.

Ишь, мошенник! Ну постой-ка,
Я те двину, неумойка!
Дайте срок — я пришлеца
Потурю вон из дворца».

Спальник удаляется, на ходу пнув Фому и сурочно зыркнув на Маню.

МАНЯ: Страшно?
ФОМА: Жуть! На мне от страха
Мокрой стала вся рубаха.
От него не жди добра.
МАНЯ: Ну да нам к царю пора.

Маня и Фома раскрывают створки балагана. За ними — царская спальня. Батюшка-царь почивает, все поют ему колыбельную.

Баю-баюшки-баю,
Баю батюшке царю.
Не положено царю
Спать ложиться на краю.

Сиволапый мужичок
Схватит батю за бочок
И утащит в кабачок,
Там пропьёт за пятаков.

МАНЯ: Царь ещё не пробудился,
Спальник наш к нему явился.

Теперь Фома играет Царя, а Ерёма — Спальника.

ЕРЁМА: «Государь великодушный,
Я во всём твой раб послушный».
ФОМА: «Одолела мошкова.
Прогоните комара!»
ЕРЁМА: «Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою».
ФОМА: «Я-то думал, что комар!
Что стряслось? Потоп? Пожар?»
ЕРЁМА: «Нет, отец, беда другая».
ФОМА: «Говори, не прибавляя.
Коли ж ты надумал вратить,
То кнута не избежать».
ЕРЁМА: «Государь великодушный!
Я во всём твой раб послушный.
Вот те истинный Христос,
Справедлив мой, царь, донос:
Наш Иван, то всякий знает,
От тебя, отец, скрывает...»
ФОМА: «Серебро?»

ЕРЁМА: «Не серебро —
Жароптицево перо!»
ФОМА: «Жароптицево?.. Проклятый!..
И он смел... такой богатый...
Погоди же ты, злодей!
Не минуешь ты плетей!»
ЕРЁМА: «Да и самую Жар-птицу
Во твою, отец, светлицу,
Коль приказ изволишь дать,
Похваляется достать».
ФОМА: «Эй, посыльные дворяна,
Привести ко мне Ивана!»
МАНЯ:
ВАНИЯ:
ЕРЁМА:
ВАНИЯ:
ФОМА:

И посыльные дворяна
Побежали по Ивана,
Но, столкнувшись в углу,
Растянулись на полу.
Царь тем много любовался
И до колотья смеялся.

Маня с Ваней и Ерёмой изображают «столкнувшихся дворян», Царь смеётся «до колотья».

МАНЯ: Вы решили, может статься,
Что, коль царь охоч смеяться,
То Ивану от него
Не грозило ничего?
ЕРЁМА: Аудки! Царь иной порою
Чуб снимал и с головою.
МАНЯ: Шибко грозен был отец.
Ежли что — один конец:
Всех, кто спорит, — за решётку!
ЕРЁМА: Аль смолы горячей в глотку.
МАНЯ: Али палками забить.
ЕРЁМА: Али на кол посадить.
ВАНИЯ: Как Ванюша ни старался,
Как от слов ни отpirался,
Как ни клялся, павши ниц,

Что не видывал жар-птиц...
М. и Е.: Царь кричал, тряся брадою:
ФОМА: «Что?! Рядиться мне с тобою?!

Ах ты шельма! Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь мне Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой,
Ты поплатишься со мной:
На правёж! В решётку! На кол!
Вон, холоп!»

ВАНЯ: Иван заплакал:
«Ой, беда, беда, беда!»

ЕРЁМА: И пошёл Иван...

ФОМА: Куда?

ЕРЁМА: Как куда? Забыл ты, что ли?
Мы ж учили это в школе:
Он пошёл на сеновал.

Фома и Ерёма раскрывают балаган, где на сеновале Иван беседует с Горбунком.

Там конёк ему сказал:
МАНЯ: «Помнишь, ехав в град-столицу,
Ты нашёл перо Жар-птицы?»

ВАНЯ: «Ой, беда, беда, беда!..»

МАНЯ: «Я сказал тебе тогда:
Много, много непокою
Принесёт оно с собою.
Ты теперьчи узнал,
Правду ль я тебе сказал».

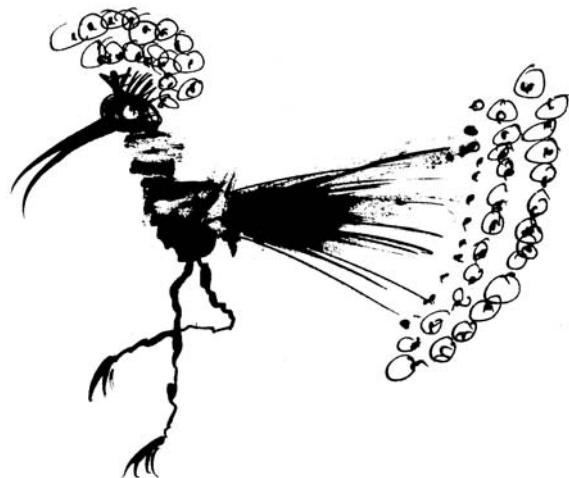
ВАНЯ: «Ой, беда, беда!..»

МАНЯ: «Не спорю.
Но могу помочь я горю.
Слушай, что я говорю:
Ты поди теперь к царю
И скажи ему открыто:

Надо, царь, мне два корыта
Белоярого пшена».
Ф. и Е.: Белоярого пшена!
МАНЯ: «Да заморского вина.»
Ф. и Е.: Да заморского вина!
МАНЯ: «Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».
ЕРЁМА: Вот Иван к царю идёт.
ФОМА: Царь Ивана встретил мило,
Выдал всё, что нужно было,
Молодцом его назвал
Ф. и Е.: И «счастливый путь» сказал.
ЕРЁМА: Ваня Богу помолился,
ФОМА: На забор перекрестился,
Сел верхом на Горбунка
Ф. и Е.: И взвился под облака.

*Фома и Ерёма ускакали со сцены, «стучая копытами». С другой стороны
«прискакали» Маня и Ваня — Горбунок и Иван.*

ВАНИЯ: Приезжают на поляну.

МАНЯ: Горбунок велит Ивану:

«Ты в корыто лей вино
Да с вином мешай пшено.
Как слетятся жары-птицы
Этим зельем подкрепиться,
Тут уж будь настороже.

Фома из-за балагана трубой подаёт сигнал.

Чу! Гляди, летят уже».

Появляются Фома и Ерёма, смеяно изображающие летящих птиц. Иван прячется.

ЕРЁМА: Тут, ребята, в самом деле
Жары-птицы налетели.

ФОМА: И, наклюкавшись вина,
Стали песни петь спьяна.

В открывшемся балагане Жар-птица поёт пьяным голосом, Иван подпевает, подкрадываясь, и ловит её.

ВАНЯ: «Помоги мне, Горбунок!
Я поймал её в мешок!»
МАНЯ: Горбунок тотчас явился:
«Ай, хозяин, отличился!
Дело выполнил своё».

Фома и Ерёма дурачатся, изображая промтеснующих птиц.

ВАНЯ: «Кыш отсюда, вороньё!
Кыш вы, дьявольская сила!
Эк их, дряней, привалило!»
ЕРЁМА: Кругом огненным свились
ФОМА: И за тучи понеслись.

Фома и Ерёма изобразили улетающих птиц и, расслабившись, присели отдохнуть вместе с Ваней.

ВАНЯ: Привезя царю забаву,
Ваня выспался на славу.
ФОМА: Царь зело доволен был,
Ваню чином наградил.
ЕРЁМА: Ну, а хитрый, злобный спальник,
Прежний конюших начальник...
МАНЯ: Хватит сидя рассуждать!
Надо сказку продолжать.

Маня разогнала бездельников и сама взялась за дело.

Вот, о чём я говорю:
Угодил Иван Царю.
Эту новость злобный спальник,
Прежний конюших начальник,
Еле, бедный, перенёс.

В окне балагана появляется Спальник, с досады грызущий косяк.

ЕРЁМА: «Нет, постой, молокосос!
Не всегда тебе случится
Так канальски отличиться.
Я те снова подведу,
Мой дружочек, под беду!»

В другом окне появляется Царь.

ФОМА: «Кто скребётся у окошка?
Крыса, может, или кошка?..»
ЕРЁМА: «Бить челом пришёл к царю...»
ФОМА: «Крыса! Я ж и говорю».
ЕРЁМА: «Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою.
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить».
ФОМА: «Говори, да правду только.»
ЕРЁМА: «Не совру ни на вот столько,
Вот те истинный Христос!»
ФОМА: «Ну так что, опять донос?»
ЕРЁМА: «Сказка есть. В ней говорится
О прекрасной Царь-девице,
А Ванюшка, стремянной,
Поклялся твоей брадой,
Что он знает эту птицу —
Так называл он Царь-девицу! —
И её, изволишь знать,
Похваляется достать».
ФОМА: «Царь-девицу? Эй, дворяна!
Привести ко мне Ивана».
ЕРЁМА: «Так-то, Ваня, посмотрю,
Что ответишь ты царю».
МАНЯ: Как Ванюша ни старался,
Как ни бился, как ни клялся,
Что донос, де мол, враньё,
Царь кричал ему своё...

Фома и Ерёма игриво подхватывают текст, пытаясь всё превратить в шутку. Ваня охотно им подыгрывает.

ФОМА: «На правёж! В решётку! На кол!
Вон, холоп!»

ВАНЯ: Иван заплакал
И пошёл на сеновал.

Ваня уже собрался было уйти с друзьями, но Маня решительно его остановливает.

МАНЯ: А конёк ему сказал
Точно то же, что когда-то.
Вы ведь помните, ребята?
«Оттого беда твоя,
Что не слушался меня.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это — службушка, не служба.
Служба всё, брат, впереди.
Ты к царю теперь поди
И скажи, что для работы
Нужно то-то, мол, и то-то».
Ваня так и поступил,
Всё, что нужно, получил
И, забывши про печали...

ВАНЯ: Спать пошёл на сеновале.

ФОМА: Рано утром еле смог
Разбудить его конёк.

ВАНЯ: Полно врать-то. Я с зарёю
Пробудился сам собою.

ЕРЁМА: Ой ли! Ваньку разбудить,
Нужно пушку зарядить!

МАНЯ (*с угрюмой и решительной*):
Балаболите без прока!
До конца ещё далёко, —
Сказку надо продолжать.

Иль вы зрителей держать
Собрались до самой ночи?
ФОМА: Ясно. Стало быть, короче:
Ваня прыг на Горбунка
Ф. и Е.: И взвился под облака.
МАНЯ: Горбунок привёз Ивана
Прямь на берег окияна.
ФОМА: В окияне круглый год
Та красавица живёт.
ЕРЁМА: Специально для Ивана
Это — берег окияна.

Фома с Ерёмой, дурачясь, изображают окиян, ныряют в него, то-пят друг друга, пока Маня строго не напомнит им о деле.

МАНЯ: Там они шатёр разбили.
Ф. и Е.: Там они шатёр «разбили».

Фома и Ерёма открывают балаган, в нём — накрытый стол под расши-
тым пологом.

ЕРЁМА: Всяки яства разложили.
ВАНЯ: Для приманки, стало быть,
Чтоб красавицу ловить.
ЕРЁМА: Ваня, шлюпка там мелькает.
ФОМА: То царевна подплывает.

В шлюпке по окияну подплывает Царь-девица.

ЕРЁМА: Вот она в шатёр зашла,
ФОМА: Там поела, попила
ЕРЁМА: И запела...
МАНЯ (*Царевна*):
Я на лодочке каталась
Пела песню мне волна,

Красно Солнышко смеялось,
Улыбалася Луна.

Царевна поёт. Ваня, слушая её, засыпает.

ЕРЁМА: Очень мило... Очень мило.

ФОМА: Тут Ивана и сморило.

МАНЯ (*будит Ваню*):

Спи, любезный, до звезды.

Высыпай себе беды.

Не меня ведь вздёрнут на кол.

ВАНЯ (*просыпается*):

Горе мне!

ЕРЁМА: Опять заплакал.

ВАНЯ: А не можно ль, стало быть,

Всё сначала повторить?

Я вдругоредь спать не стану.

Фома и Ерёма делают «серёзные лица».

ЕРЁМА: Посочувствуем Ивану?

ФОМА: Что ты станешь делать с ним!

Ну да ладно, повторим.

МАНЯ: Только быстро, покороче.

ЕРЁМА: Ясно.

ФОМА: Быстро, что есть мочи.

Ф. и Е.: (*скогоговоркой, перебивая друг друга*):

Это, стало быть, Иван,

Это — море-окиян.

Тут шатёр они разбили,

Всяки яства разложили.

На другой день поутру

К златошвейному шатру

Вновь царевна подплывает,

Шлюпку на берег бросает.

Вот в шатёр она зашла,

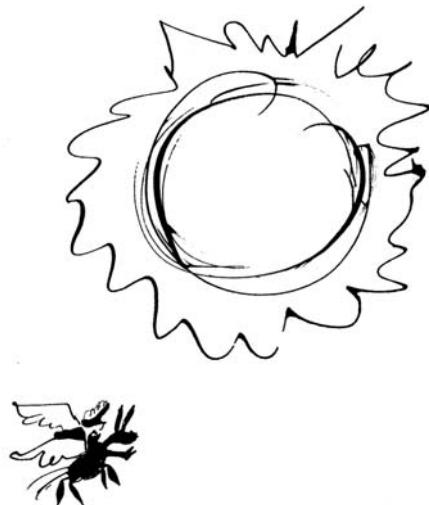
Там поела, попила,
Только песню петь собралась...

В шатре появляется Иван с широко раскинутыми руками.

ВАНЯ: «А, красавица, попалась!»
ЕРЁМА: Тут уж ей, как ни крути,
От Ивана не уйти.
ФОМА: Вот Иван вдвоём с девицей
На конька верхом садится,
Чтоб лететь в обратный путь...
ВАНЯ: Дайте, братцы, отдохнуть!

Все охотно соглашаются и отправляются отдыхать.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

На пустую сцену стремительно вбегает Маня с куклой Царь-девицей, быстро всё проверила, всё приготовила.

МАНЯ: Скоро сказка говорится,
Дело мешкотно творится,
Надо гнать его вперёд!
Царь-девица у ворот.
Открываются ворота...

Не дождавшись, сама открывает створки балагана и обнаруживает за ними беззаботно спящих мужиков.

Вот нежданная забота:
Все заснули и храпят,
Просыпаться не хотят.
Эй, Фома, Ерёма, Ванька!..
Что ты будешь делать, глянь-ка:

Хоть из пушки их буди...
А полсказки впереди.
Ведь Иван-то Царь-девицу
В государеву светлицу,
Как приказано, привёз,
А что дальше? — вот вопрос!

«Придётся работать за всех» — решает Маня, убегает и тут же возвращается с куклой Царём.

«Бесподобная девица,
Согласися быть царица!» —
Царь, едва её узрел,
Сильной страстью воскипел. —
«Соколины твои очи
Не дадут мне спать средь ночи
И во время бела дня —
Ах! — измучают меня».
Всё сказал и ждёт ответа,
А красавица на это: (Берёт куклу Царь-девицу)
«Если хочешь взять меня,
То достань ты мне в три дня
Перстень мой из окияна». (Перебегает к кукле Царю)
«Эй, позвать ко мне Ивана.
Если ж спит он, под бока
Растолкайте дурака».
Тут посыльные дворяна
Побежали по Ивана...

Маня из последних сил старается, изображает посыльных дворян, и в это время раздаётся дружный храп.

Это ж просто смех и грех —
Отдуваюсь тут за всех!

Осердившись, Маня лупит чем попало всех спящих без разбору. Мужики проворно вскакивают.

ЕРЁМА: Мы, Маруся, вместе с другом
Завсегда к твоим услугам.
Хочешь, буду я Иван. (*Хватает куклу Ивана.*)
«Что, опять на окиян?
Я и с первой-то дороги
Волочу насили ноги».

Фома, подыгрывая Ерёме, хватает куклу Царь-девицу.

ФОМА: «Слушай, душенька Иван,
По пути на окиян, —
Говорит ему девица, —
Ты б заехал поклониться
В изумрудный терем мой
Да сказал моей родной:
Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик свой ясный от меня?
Не забудешь?»

ЕРЁМА: «Помнить буду,
Если только не забуду...
Да ведь надо же узнать,
Кто те братец, кто те мать,
Чтоб в родне-то нам не сбиться».

ФОМА: «Аурень! Я же Царь-девица.
Месяц — мать мне, Солнце — брат».

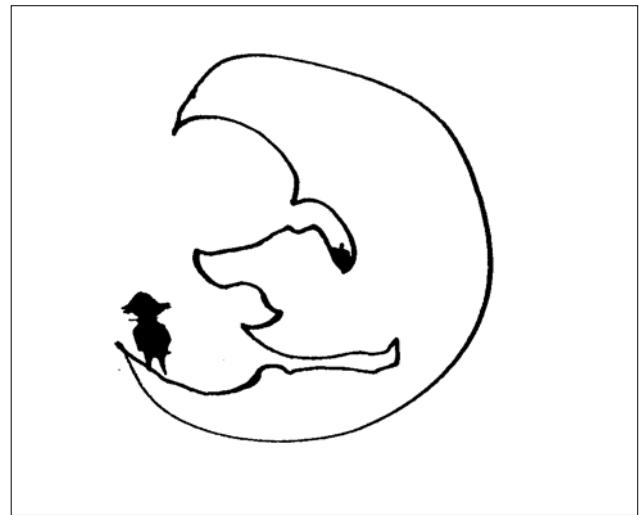
Неожиданно к шутовскому диалогу подключается заспанный Ваня.

ВАНЯ: Да смотри, в три дня назад!
МАНЯ: Отоспался, лежебока?
ВАНЯ: Я, Маруся, токо-токо
На минуточку прилёг.
Мне приснился Горбунок.
Будто он вокруг шныряет
И всё время повторяет:

«Оттого беда твоя,
Что не слушался меня».

Фома и Ерёма опять делают «серъёзные лица» и глубокомысленно обсуждают
Ванин сон.

ЕРЁМА: Это верно, брат Ванюша.
Зря конька ты не послушал,
Он желал тебе добра.
ФОМА: Лучше б ты не брал пера.
Ф. и Е.: Верно, Маня?..
МАНЯ: Пустомели!
Лоботрясы!
ЕРЁМА: В самом деле,
Нам давно пора.
ФОМА: Куда?
ЕРЁМА: Да на небо.
ФОМА: Точно. Да.
Ну, вперёд, Ванюша!
ВАНЯ: Братцы!
Как же мне туда добраться?
ЕРЁМА: Так садись на Горбунка
И — айда за облака!
Тут Иван с землёй простился
И на небе очутился.

За воротами балагана — небесный свод, изукрашенный звёздами. Среди облаков сияет Месяц. Иван сидит на облаке.

ВАНЯ: «Лепота! Небесный свет.
На земле такого нет.
Здравствуй, Месяц Месяцович!
Я Иванушка Петрович».

МАНЯ (в роли Месяца):
«Как попал ты в этот край?
Всё скажи мне, не утай».

ВАНЯ: «С порученьем от царицы

Я приехал поклониться
И сказать вот так... Постой...
«Ты скажи моей родной,
Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик какой-то от меня».

- МАНЯ: «А какая то царица?»
ВАНЯ: «Как какая? Царь-девица».
МАНЯ: «Царь-девица?.. Так она
Что ль тобой увезена?»
ВАНЯ: «Мной!»
МАНЯ: «А мы-то горевали,
Что царевну потеряли!..
Что, здорова ли она?
Не грустна ли, не больна?»
ВАНЯ: «Ей болеть теперь не время,
У неё другое бремя:
Царь, слышь, женится на ней».
МАНЯ: «Царь — жених?»
ЕРЁМА: Вот блудодей!
ФОМА: Вишь, что старый хрен затеял:
Хочет жать там, где не сеял!..

Маня решительно пресекает болтовню и продолжает роль Месяца.

- МАНЯ: «Ты принёс такую весть,
Что не знаю, чем и счасть.
Не напрасно сын мой красный
Завернулся в мрак ненастный.
Благодарствую тебя
За сынка и за себя».
ФОМА: За сынка?
ЕРЁМА: За Солнце, значит.
МАНЯ: «Дочь моя пускай не плачет.
Ты скажи моей родной:

Ф., Е. и М. (*выстроившись, как небесное воинство*):

«Мать твоя всегда с тобой.
Полно плакать и крушиться,
Скоро грусть твоя решится
И не старый с бородой,
А красавец молодой
Поведёт тебя к налою».

МАНЯ: «Понял?»

ВАНЯ: «Полно! Бог с тобою!

Где уж мне тебя понять —
Про налою и про мать...
Я, пока домой прибуду,
Половину позабуду,
Потому что по пути
Должен я ещё найти
Для твоей любимой дочки
Перстенёк».

МАНЯ: «О перстенёчке

Знает чудо-рыба кит.
Вон он там, внизу лежит».

Внизу, под звёздным небом «оживает» Чудо-Кит.

ФОМА (*в роли Кита*):

«Все бока мои изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит».
А по праздникам народ
Там танцует и поёт.

Фома и Ерёма с куклами поселян танцуют на Ките и поют частушки.

Как Ерёма дал киту
Балалайкой по хребту,
А Фома — по пузику,
Сочинили музыку!

Мы с Фомой в одном лапте
Танцевали на ките,
Так раздухорилися —
В окиян свалился!

ФОМА: «Сколько ж можно этак петь?

Силы нет уже терпеть.»

ВАНЯ: За какие ж прегрешенья
Терпит кит сии мученья?

ФОМА: Проглотил он средь морей
Три десятка кораблей.

ЕРЕМА: Если даст он им свободу,
Снимет Бог с него невзгоду.
Ф. и Е.: Ты ему пообещай.
МАНЯ: «Ну, прощай, Иван».
ВАНЯ: «Прощай!»
ФОМА: Тут конёк ногою дрыгнул
И с разбегу перепрыгнул
С неба прямо на кита.

Иван с Горбунком (Маней) оказались на спине у кита.

ВАНЯ: «У! Какая высота!»
ФОМА: «Тяжко, Боже милосердный!..»
МАНЯ: «Виши, как мучится он, бедный!».
ФОМА: «Десять лет уж тут лежу.
Я любому услужу,
Кто узнатъ бы потрудился,
Чем я, бедный, провинился,
Скоро ль Бог меня простит».
ВАНЯ: «Слушай, чудо-рыба кит:
Оттого твои мученья,
Что без Божия веленья
Проглотил ты средь морей
Три десятка кораблей.
Как вернёшь ты им свободу,
Так ныряй себе под воду
И, куда глаза глядят,
отправляйся».
ФОМА: «Ваня! Брат!
Благодетель мой! Спасибо!»
ВАНЯ: «Да чего уж, чудо-рыба!»
ФОМА: «Всё, что хочешь, прикажи —
Я исполню».
ВАНЯ: «Так скажи:
Может, знаешь, где хранится
Чудо-перстень Царь-девицы?»
ФОМА: «Как же! Этот перстенёк

Пуще глаза я берёт.
Но для милого дружка —
И серёжку из ушка!»
ЕРЁМА: Чудо-кит зашевелился,
Словно холм повернулся...
ВАНЯ: Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями...
ФОМА: С парусами и гребцами.

Тут мужики разыграли целую морскую феерию — «Возвращение кораблей из китовой утробы».

МАНЯ (*появляясь с сундучком в разинутой китовой пасти*):

А потом и сундучок
Брякнул плотно на песок.

ВАНЯ (*доставая перстень из сундучка*):

Перстенёчек! Эко, право! —
Для бездельников забава.

ФОМА: «Твоего благодеяния
Не забыть мне. До свиданья!» —

ЕРЁМА: На прощанье кит сказал.

Ф. и Е.: И, как ключ, на дно упал.

ФОМА: Скоро сказка говорится.

ЕРЁМА: Наш Иван уже в столице.
Царь кричит ему с крыльца.

ФОМА: Что?

ЕРЁМА: «Не вижу я колыца».

Царь появляется в окне балагана.

ФОМА: «Что? Не вижу я колыца».

ВАНЯ (*доставая из сундучка перстень*):

«Вот оно!»

ФОМА: «Положь на место!

Где невеста?»

ЕРЁМА: Вот невеста.

В другом окне появляется Царь-девица.

ФОМА: «Перстень твой, душа, найдён.
Погляди-ка, это он?»

МАНЯ: «Он, но только...»

ФОМА: «Что?»

МАНЯ (поглядывая на Ивана):

«Признаться,

Нам нельзя ещё венчаться».

ФОМА: «Почему?»

МАНЯ: «Да ты ведь сед».

ВАНИЯ: Ну а ей — пятнадцать лет.

МАНЯ: «Не пойду я за седого,
За беззубого такого».

ВАНИЯ: Не растут зимой цветы.

МАНЯ: «Я — красавица, а ты?..»

Царевна засмеялась, Ваня тоже захихикал, Ерёма прогоняет его со сцены.

ФОМА: «Что ты, матушка царица!
Ведь нельзя ж переродиться.
Так бы каждый...»

МАНЯ: «Средство есть.

(Спускаясь из окошка, разворачивается длинный свиток.)

Прикажи его прочесть.
Коль себя не пожалеешь,
Так опять помолодеешь».

ФОМА (к Ерёме):

«Буквы знаешь?»

ЕРЁМА (читает):

«На заре,
На широком на дворе... —
Год учился я не зря ведь! —
Нужно три котла поставить
И костры под них сложить.

Первый надобно налить
До краёв водой студёной,
А второй — водой варёной,
А последний — молоком,
Вскипятя его ключом.
Коль захочешь ты жениться
И красавцем учиниться,
То без платья, налегке,
Искупайся в молоке.
Тут побудь в воде варёной,
А потом уже в студёной».

МАНЯ: «И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!»

ФОМА (к Ерёме):
«Всё прочёл ты?»

ЕРЁМА: Слово в слово.

ФОМА: «Позови-ка стремянного.
Пусть для пробы он разок
Окунётся в кипяток».

ЕРЁМА: Как про то Иван услышал,
Из себя от гнева вышел.

В окне балагана появляется Иван, от гнева «выходящий из себя».

ВАНЯ: «Шпарят только поросят,
Да индошек, да цыплят!..
Я ж тебе не поросёнок,
Не индошка, не цыплёнок!..»

ФОМА: «Ах ты шельма! Но смотри,
Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье, —
Я отдам тебя в мученье,
Прикажу тебя пытать,
По кусочкам разрывать!»

ЕРЁМА: Поделом досталось Ване.

ФОМА: Не садись в чужие сани!

Выходят грустные Маня с куклой Горбунка и Ваня с куклой Ивана.

ВАНЯ: Из палат Ванюша вышел...
МАНЯ: Горбунок, когда услышал,
Что царь Ване приказал,
Помрачнел и так сказал:
«Вот когда приспела служба.
Тут нужна моя вся дружба.
От судьбы не убежать.
Ну да нечего дрожать!
Утро вечера мудрее,
Пусть приходит поскорее.
А сегодня помолись
Да спокойно спать ложись.
И скорее сам я сгину,
Чем тебя, Иван, покину».

Фома и Ерёма готовят сцену к торжественной церемонии, выносят котлы, раздувают под ними огонь.

ЕРЁМА: Поутру костры сложили
И воды в котлы налили.

ФОМА: И весь двор, аж до ворот,
Запрудил честной народ.

На почётных местах появляются Царь с Царицей. Стальник (Ерёма) распоряжается церемонией.

ЕРЁМА: «Славно вытопили баню.
Где ж герой? Ведите Ивана.

Под барабанную дробь выводят Ивана в исподнем.

Что же ты, Ванюша, стал?»
ВАНИЯ: «Горбунка бы ты позвал,
Чтоб в последний с ним проститься».
ЕРЁМА: «С этим грех не согласиться.
Сердце есть у старика.
Приведите Горбунка».
МАНЯ (с куклой Горбунком):
Вот конёк хвостом махнул,
Мордой в те котлы макнул,
На Ивана дважды прыснул,
Громким посистом присистнул.
«Ничего не бойся, брат.
Делай, что тебе велят».

Иван послушно ныряет в один котёл, в другой, в третий... Пауза...

ЕРЁМА: «Доигрался молодец.
Вот и сказочек конец».

Из котла появляется Иван — писанный красавец!

ФОМА: До чего ж он стал пригожий!
ЕРЁМА: На царевича похожий!
Ф. и Е.: Любо-дорого глядеть!
ЕРЁМА: Царь велел себя раздеть.

Появляется раздетый Царь.

ФОМА: Два раза перекрестился.
Бух в котёл...

Ф. и Е.: И там сварился.

МАНЯ (с куклой Царь-девицей):

«Царь велел нам долго жить.

Я хочу царицей быть.

Люба ль я вам, отвечайте».

ВСЕ: Любая!

МАНЯ: «Люба? Так признаите
Володетелем всего
И супруга моего».

Иван занимает почётное место рядом с Царицей. Фома трубит, Ерёма бьёт в барабан.

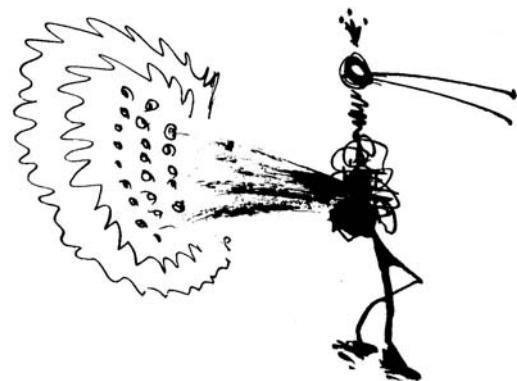
ФОМА: Пушки с крепости палят.

ЕРЁМА: Трубы кованы трубят.

ФОМА: А собравшийся народ,
Что есть мочушки, дерёт:
«Здравствуй, царь наш со царицей,
С прекрасной Царь-девицей!»

Здравицу повторяют много раз вместе со зрителями. Все кланяются.

КОНЕЦ

КОТ В САПОГАХ

Пьеса-мюзикл в 2-х действиях
для театра кукол
по одноимённой сказке Шарля Перро

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КОТ
ЖАК, его хозяин
КОРОЛЬ
ПРИНЦЕССА, дочь Короля
ЗАЯЦ
ЛЮДОЕД
КУЧЕР

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Пролог

Звучит музыка. Перед занавесом появляется Кот, в шикарном плаще, в шляпе и, разумеется, в сапогах, — всё как положено в этой сказке.

КОТ: Мяу! Тише! Тише! Оркестр пускай замолчит. (*Музыка смолкает.*) Никак не могу привыкнуть, что теперь везде и всё время гремит музыка. Разве под этот гром можно говорить о важных вещах? Нет, уверяю вас, мои дорогие. О важном можно говорить только в полной тишине. Вы не согласны? Вы любите музыку? Тогда — ничего не поделаешь! — придётся петь. Ведь под музыку не говорят, а поют, — или вы об этом не знали?

Кот берёт в лапы гитару и под её аккомпанемент поёт.

Я в детстве был самым обычным котом,
Был в меру пушистым и изредка сытым,
Ходил, как и все, босиком, но потом
Надел сапоги я и стал знаменитым.

Кому невдомёк, как я это сумел,
Готов я рассказывать снова и снова:
Я был благороден, находчив и смел,
И верил я в дружбу и в честное слово.

Придумывать я не хочу ничего,
Я вам расскажу про себя самого.

Картина первая

На ступеньке крыльца перед запертой дверью примостился босой, неважно одетый молодой человек. Это Жак. Глядя в небо, он поёт под гитару, сочиняя на ходу бесконечную, протяжную, если не сказать занудную песню.

Одна зима прошла с тех пор,
Не много и не мало!

Жил-был во Франции сеньор,
Потом состарился сеньор,
И вот его не стало.

Неожиданно дверь распахивается, с отчаянным криком из-за неё вылетает Кот, после чего дверь снова захлопывается. Жак, после небольшой паузы, продолжает песню.

Имел сеньор, скажу я вам,
Детей. Их было трое.
И он оставил сыновьям,
Всем трём любимым сыновьям,
Наследство кой-какое.

КОТ (*нервно ходит по сцене, то сядет, то встанет, ворчит*): Хозяин, прекрати...
Я тебя умоляю... Но нельзя же так, в самом деле!.. Перестань... Что это за песня? — подохнуть можно!

Жак невозмутимо продолжает петь.

Пришла пора делить добро,
И получилось так,
Что братья старшие хитро
Себе присвоили добро,
А младший был простак.

КОТ: А ещё говорят, что у котов противный голос! Да наши кошачьи песни всегда полны бодрости, а ты... Воешь, будто тебе на хвост наступили. Хотя у тебя и хвоста-то нет!

ЖАК (*перестаёт петь*): Ничего у меня нет. Ни-че-го! Был отец, — помер. Были братья, — они меня выгнали.

КОТ (*бодро*): И меня выгнали.

ЖАК: И всё добро себе забрали.

КОТ: А я?

ЖАК: Что ты?

КОТ: Я же при тебе остался.

ЖАК: Тоже мне, добро!

КОТ: Обидеть кота каждый может... Хозяин, я ж за тебя переживаю. Я говорю,

я утверждаю, я просто кричу во всё кошачье горло: «Нельзя сидеть, сложа лапы, то есть руки!»

ЖАК: Что же прикажешь делать?

КОТ: Что делать? Бороться! Требовать справедливости. Тебя выгнали из собственного дома! Разве ты не имеешь прав на наследство?

ЖАК: Не драться же мне с братьями.

КОТ: Почему бы и нет? Их двое, и нас двое. (*Скребёт когтями запертую дверь.*) Эй, вы! Откройте немедленно! Именем закона...

Дверь открывается, из-за неё в Кота летит сапог, после чего она снова захлопывается.

ЖАК (смеётся): Добился справедливости?

КОТ: А что ты думал? Ты думал, я сдамся просто так? Думал, смирюсь, опущу лапы? Нет! Я не из тех котов, которые позволяют безнаказанно швырять в себя сапогами.

Коты — это гордые звери,
Никто не смеет ногами
Выпихивать нас за двери,
Швыряя в след сапогами!
Легко нас обидеть, однако
Запомните: кот — не собака!

Кот поднимает сапог и колотит им в дверь.

Эй, там, за дверью! Вы нанесли оскорбление мне и моему хозяину. Я заставлю вас отвечать!..

Дверь снова ненадолго открывается, и в Кота летит второй сапог.

КОТ (*поднимая сапог*): Что ты на это скажешь?

ЖАК: Скажу, что два сапога ты уже заработал.

КОТ: И это для начала совсем не так уж мало! Я б на твоём месте, хозяин, обулся и подумал о наших дальнейших действиях.

ЖАК: Я не хочу лишать тебя честно завоёванных сапог. Пойди, постучись, — может, тебе ещё что-нибудь выкинут.

КОТ: Ты всё смеёшься, хозяин. Должно быть, считаешь, что кот в сапогах — хороший повод для шуток. А я вот что на это отвечу: ты *ещё* не знаешь, на что способен кот, если он видит перед собой высокую цель.

ЖАК: Высокую цель?

КОТ: Вот именно. (*Надевает сапоги.*) Разве помочь хозяину в беде, — это не цель, ради которой стоит надеть сапоги?

ЖАК: И что же собирается делать мой благородный помощник?

КОТ: Уйти отсюда навсегда. Я больше не стану стучаться под дверью, — это унижительно, а цель, как я уже сказал, должна быть высокой.

ЖАК: Например, сделать своего хозяина — королём?

КОТ: А почему бы и нет? Ну, если уж не королём (король у нас, кажется, есть и, по слухам, не самый плохой), то хотя бы принцем.

ЖАК (*смеётся*): Что ж, я не против. Принцем, так принцем! Как будущий принц жалую тебе шляпу и плащ со своего плеча.

Кот наряжается в видавший виды плащ Жака и нахлобучивает его шляпу. Оба смеются и поют.

ЖАК: Теберь ты в сапогах,
 При шляпе и плаще.
 Ты просто «*ох!*» и «*ах!*»
 Ты просто «*вообще!*»

КОТ: Усы я закручу,
 Закутаюсь плащом,

И всё мне по плечу,
И всё мне нипочем.

Но для того, чтобы стать принцем, тебе, хозяин, придётся жениться на принцессе.

ЖАК: Я и на это согласен, если только принцесса не какая-нибудь уродина.

КОТ: Чего не знаю, того не знаю, — не знаком!

Оба сидят, смеются: Кот — довольный собой, а Жак, — принимая всё в шутку. Неожиданно Кот делается серьёзным.

Посмеялись и хватит. (Встаёт.) Я, правда, дальше реки ни разу гулять не ходил, но дело есть дело.

ЖАК: Ты это серьёзно?

КОТ: Какие уж тут шутки. Очень есть хочется. Теперь для меня дело чести — доказать, на что способны голодные коты. До встречи, хозяин. Жди меня вечером на берегу.

Кот, подтянув сапоги, запевает бодрую песню и отправляется в путь.

Пускай я голодный,
Зато благородный,
Мне с детства знакомо
Понятие «честь».
Хорошее правило
Мне мама оставила:
Сперва заработать,
А после — поесть.

Если хозяину плохо,
Могу ли спокойно я жить?
Нет, нет! До последнего вздоха
И до последнего оха,
Да, да, до последнего оха
Я буду ему служить.

Неожиданно Кот прерывает песню, прислушивается, одним прыжком бросается в кусты и возвращается оттуда, держа за уши дрожащего Зайца.

КОТ: Что дрожишь? Испугался?

ЗАЯЦ: Только не ешьте, только не ешьте!.. Ради бога, только не ешьте!..

КОТ: Конечно, от жареной заячьей лапки я бы сейчас не отказался, но есть целого зайца, вместе со шкурой... — фу! Я ж не собака какая-нибудь.

ЗАЯЦ: Спасибо, спасибо, только не ешьте, ради бога...

КОТ: А что же ты от меня не убегал?

ЗАЯЦ: Да так как-то, знаете ли, растерялся. У вас такие сапоги!.. Пережду, думаю, затаюсь, ха-ха... Не получилось... Вот...

КОТ: Да, так всегда: кто пережидает, тот и пропадает.

ЗАЯЦ: Пропал, пропал... Только не ешьте... И шляпа у вас... Прелесть!.. Только не ешьте...

КОТ: Поесть я ещё успею. А сейчас у меня высокая цель — женить хозяина на принцессе. Понимаешь?

ЗАЯЦ: Понимаю, понимаю... то есть, нет, не совсем...

КОТ: Я и сам не совсем. (*Поёт.*)

Я сам не совсем, я оставил свой дом,
И знаю лишь то, что нужна мне принцесса.

ЗАЯЦ: Простите, я вас понимаю с трудом:
Я серый, я только что вышел из леса.

КОТ: Ты, заяц, мне должен помочь
Добыть королевскую дочь.
К хозяину я вместе с нею вернусь.

ЗАЯЦ: Конечно, конечно, а как же иначе!
Но только прошу вас...
КОТ: Ты, заяц, не трусь!
Ты лучше, косой, пожелай мне удачи.
ЗАЯЦ: Но как же смогу я помочь
Добыть королевскую дочь?
КОТ: Давай рассуждать по порядку.
ЗАЯЦ: Давай... то есть, давайте... простите...
КОТ: Принцесса — она кто?
ЗАЯЦ: Кто?
КОТ: Она дочь короля.
ЗАЯЦ: Разумеется.
КОТ: Значит, мне надо с королём что?..
ЗАЯЦ: Что?..
КОТ: По крайней мере, познакомиться.
ЗАЯЦ: Да, да... Само собой...
КОТ: А для первого знакомства надо иметь...
ЗАЯЦ: Что?
КОТ: Что? — Подарок!
ЗАЯЦ: Да, да. Конечно, конечно.
КОТ: Вот ты этим подарком и будешь. Ясно?
ЗАЯЦ: Ясно... то есть... И что?.. И король меня съест?
КОТ: Это уж твоя забота. Если снова будешь пережидать, — съест обязательно.
Думай, заяц. Шевели мозгами.
ЗАЯЦ: Да, да, я шевелю.
КОТ: Да не ушами, а мозгами. И ногами. Дорогу ко дворцу знаешь?
ЗАЯЦ: А как же! За рекой — поле, за полем — луг, за лугом — лес, а вот за лесом...
КОТ: Постой, постой. А там, за рекой разве не королевский дворец виднеется?
ЗАЯЦ: Да вы что?! Это же замок сеньора Карабаса. Это ему принадлежат и поля,
и луга, и... Очень богатый сеньор и, по слухам, людоед.
КОТ: Как ты сказал? Людоед? Нет, туда нам не надо.
ЗАЯЦ: Конечно, конечно. А королевский дворец за лесом. Я, правда, там никогда
не бывал, как-то не доводилось...
КОТ: Теперь доведётся. Вперёд!
ЗАЯЦ: Только после вас.
КОТ: Нет уж, скачи вперёд и не вздумай убежать.
ЗАЯЦ: Что вы, что вы! Я поскакал?

Кот запевает песню и отправляется вслед за Зайцем.

Пускай я голодный,
Зато благородный,
Мне с детства знакомо
Понятие «честь»...

Занавес закрывается.

Интермедия

Перед занавесом — снова нарядный Кот.

КОТ: Коты, особенно благородные, с детства знают, что аппетит приходит во время еды, а фантазия работает только на голодный желудок. Другой бы на моём месте съел зайца — и всё. Ну, может быть, кусочек принёс бы хозяину. Всё бы вместе с этим зайцем и кончилось. Я же, молодец, сдержал себя. Замечу, кстати, что сдержанность — это тоже признак благородства. Фантазия моя от голода ещё больше разыгралась. И я вслед за ней, и за зайцем, разумеется, бегом, бегом, бегом, — и вот мы оба во дворце короля.

Картина вторая

Покои в королевском дворце. Окно забрано красивой решёткой, увитой плющом. Полудетский Король лежит в кресле-качалке. Перед окном — Принцесса. Она поёт.

Хмель зелёный по решётке вьётся.
Одноко моё сердце бьётся.
За окошком — облака,
В облаках — два голубка,
И один вокруг другого вьётся.

КОРОЛЬ (качаясь): Как сладко ты поёшь, дочка. Так бы всё слушал и слушал, слушал и слушал...

ПРИНЦЕССА (вздыхает):

Ах, папа!..

Превратиться бы сейчас в голубку,
Поменять на перья эту юбку,
Улететь бы из дворца,
От придворных, от отца...
И никто б не удержал голубку.

КОРОЛЬ (*переставая качаться*): Что за перья? При чём тут юбка? Ничего не понимаю: кто куда собрался лететь?

ПРИНЦЕССА: Ах, папа!.. Во дворце такая скуча. Неужели вам самому не хочется встать, наконец, с этого кресла, сесть, ну, скажем, в карету и поехать... поехать... куда глаза глядят?

КОРОЛЬ: Хочется. Хочется, дочка. Вопрос — куда? С трёх сторон моё королевство (глаза б на него не глядели!), с четвёртой — лес, туда и глядеть-то страшно, а за лесом — ещё страшнее: там, говорят, людоед. Была бы пятая сторона...

Неожиданно появляется Кот, придерживающий дрожащего Зайца.

КОТ: Прошу прощения, ваше величество! Зря вы боитесь леса. Лес — это такое чудо! Чего там только нет! Зайцы, например. Вот, прошу принять в подарок от моего сеньора маркиза де-Карабас.

От неожиданного появления Кота и от его напора Король явно растерялся, с третьей попытки выбрался наконец из качающегося кресла.

ЗАЙЦ: Только не ешьте!..

КОРОЛЬ: Маркиз де-Карабас? Уж не тот ли это, простите, людоед, что живёт за лесом?

КОТ: Людоед? Ха-ха-ха! Какие ужасы мы порой сочиняем друг про друга! У нас, например, ходят слухи, что у вас едят зайцев. Ха-ха-ха!

Король чути было не подтвердил это, но вовремя заметил, как отчаянно дрожит Зайц.

ПРИНЦЕССА: Бедненький зайчик, как ты дрожишь! Не бойся, мы тебя есть не будем. Ты такой милый...

ЗАЙЦ (*неожиданно и решительно*): Я могу сапоги чистить!

КОТ (*скрывая удивление*): Да, наши зайцы очень талантливы, легко поддаются обучению и порою могут превращаться...

КОРОЛЬ (*испуганно отскакивает от Зайца*): Ай! Ай-ай!..

КОТ: Чего вы так испугались, ваше величество?

КОРОЛЬ: У-у-у нас го-говорят, глупости, конечно, что ва-ва-ваш лю-людоед, то есть Карабас, то есть, извините, ваш господин умеет превращаться в кого угодно. И я вдруг подумал, что...

КОТ (*смеётся*): Какая забавная сказка! И вы решили, что он превратился в зайца?

Нет, нет. Заяц — это просто подарок, и пусть он превратится в вашего незаменимого помощника, пусть чистит сапоги... и всё такое, а мой хозяин маркиз де-Карабас приглашает вас и вашу очаровательную дочь погостить в его замке.

ПРИНЦЕССА: Ах!

КОТ (*поёт*):

За окошком солнце светит
И шумит зелёный лес, —
Всё на этом белом свете
Специально для принцесс.

ПРИНЦЕССА:

А я, бедная, одна
Всё скучаю у окна.
Я давно хочу в карете
Прокатиться через лес,
Потому что всё на свете
Интересно для принцесс.

КОТ: Почему же вы одна
Всё томитесь у окна?

ПРИНЦЕССА: Ах! Вы просто читаете мои мысли! Как только я увидела на вас сапоги, так сразу догадалась, что вы кот необыкновенный. Надо же — погостить в замке! (К Королю.) Папочка, пожалуйста, согласитесь, поедем! Мне так хочется побывать в замке, где придворные — коты, а слуги — зайцы.

Король мнётся в нерешительности.

КОРОЛЬ: Видишь ли, дочка, придворный этикет...

КОТ: Я понимаю, ваше величество, как трудно бывает побороть свои предрассудки. Гарантирую вам полную безопасность. Но вы, на всякий случай, вооружитесь как следует, возьмите надёжную охрану или там... я не знаю...

КОРОЛЬ (уязвлённо): Нет, нет, что вы, что вы! Я нисколечко не боюсь. Я абсолютно вам доверяю. Я поеду один.

ПРИНЦЕССА: А я?

КОРОЛЬ: Я имею в виду: один со своею дочерью и без всякой охраны. Вот!

ПРИНЦЕССА: Ах, папочка!

КОТ: Браво! Вы отважный человек! Итак — в путешествие!

Все запевают бодрую предпоходную песню.

ПРИНЦЕССА:

Мы едем в путешествие,
Мне это очень нравится,
И я не знаю даже,
Как вас благодарить.

КОТ: Когда Король отважен
И дочь его — красавица,
Какие тут вопросы?
О чём тут говорить?!

ВСЕ: Трам-там, браво котам!
Одна нога здесь, другая — там!

КОРОЛЬ: Мне всё ещё не верится,
Что нынче еду в гости я,

КОТ: Там ждут вас угощения,
Напитки, пироги!

ПРИНЦЕССА:

Я вся, прошу прощения,
Дрожу от удовольствия!

ЗАЙЦ: Позвольте, я кому-нибудь
Почищу сапоги...

ВСЕ: Трам-там, браво котам!
Одна нога здесь, другая — там!

КОТ: Всё, всё, ваше величество! Надо торопиться. Даю вам час на сборы. Прихватите побольше нарядов. А я — одна нога здесь, другая там — побежал предупредить хозяина, он ведь тоже должен приготовиться к встрече таких гостей.

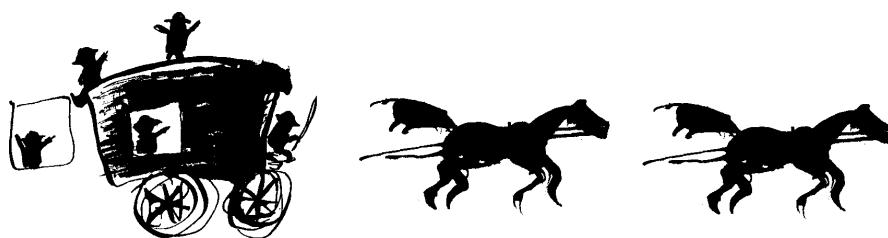
КОРОЛЬ: Но как же?..

КОТ: Дорога до замка проста: за лесом луг, поле, а там — по бережку, вдоль реки, до самых ворот. Ваш новый помощник её отлично знает. Он вам всё покажет.
(На ухо Зайцу.) И только попробуй меня подвести, — уши оторву!

ЗАЙЦ (тихо Коту): Простите, я не совсем понял, ведь Карабас — людоед?..

КОТ (тихо): Потом поймёшь, а сейчас береги уши. (Громко.) Прощайте, господа, до встречи в замке моего сеньора маркиза де-Карабас!

Кот убегает. Занавес закрывается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Интермедиа

После небольшого музыкального вступления перед занавесом появляется нарядный Кот с гитарой.

КОТ: Ах, люди, люди! Взрослые, дети, мальчики, девочки, — хоть бы кто-нибудь из вас оценил по-настоящему наш кошачий талант! «Кис, кис, кис! Ты почему ко мне не идёшь? Кыш! Кыш! Кыш! Ты куда полез?! Ты почему меня не слушаешься? Кис, кис, кис!..» Ну разве можно так разговаривать с сообразительным, самостоятельным, находчивым животным? Тем более со своим верным другом! (Поёт.)

Если только приглядеться,
то заметить может всякий,
Говорю об этом прямо и смело:
Благородный кот умнее
и находчивей собаки,
От кота меньше шума, больше дела.
Мур-мур, мяу-мяу,
Мы работаем на славу!
Если точным был расчёт,
Будет слава и почёт.

А мой расчёт был очень прост — выдать своего господина за маркиза де-Карабас!

Кот бодро бежит на месте, мимо него с кислыми лицами проплывают косари.

Эй, косари! Кому принадлежат эти обширные поля?

КОСАРИ: Маркизу де-Карабас.

КОТ: Отлично! Только советую вам немедленно прикрыть свои кислые физиономии счастливыми улыбками. Иначе король, который скоро должен проехать по этой дороге, останется вами недоволен. Ясно?

КОСАРИ: Ясно!

Косари уплывают со счастливыми лицами. Кот, продолжая петь, бежит дальше.

КОТ: Кот способен на такое,
что почти невероятно,
Если кто-то его любит и ценит.
И поэтому мне вдвое
и почётно, и приятно
Оказаться перед вами на сцене.
Мур-мур, мяу-мяу,
Мы работаем не славу!
Если точным был расчёт,
Будет слава и почёт.

А мой расчёт — говорю это вам не ради хвастовства, но и без лишней скромности, — мой расчёт оказался абсолютно точным, совершенно верным и в меру игравым. Мур-мяу!

Мимо проплывают жнецы с серпами и кислыми лицами.

Эй, жнецы! Кому принадлежат эти бескрайние поля?
ЖНЕЦЫ: Маркизу де-Карабас.

КОТ: А почему я не вижу улыбок на ваших тусклых физиономиях? Король будет вами недоволен. Ясно?

ЖНЕЦЫ: Ясно!

Счастливые жнецы упираются. Кот бежит дальше.

КОТ: Всё хорошо, отлично, великолепно! Теперь только бы успеть. Мой хозяин уже наверное заждался меня на берегу реки. Вперёд! (Убегает.)

Картина третья

Берег реки около моста. На мосту — Жак. Вбегает запыхавшийся Кот.

КОТ: Хозяин!.. Хозяин!.. Уф... Не могу, дай отдохнуться... (Стаскивает сапоги.)
Лапы горят с непривычки. Уф... Так бежал, что даже про голод забыл.

ЖАК: От кого ж ты, мой бедный, убегаешь? Собаки, что ли, за тобой гонятся?

КОТ: Фу! Фу! Слушай меня внимательно, хозяин, и делай, что скажу, без лишних вопросов. Быстро раздевайся и в воду. Сейчас по этой дороге проедет королевская карета, в карете — твоя будущая невеста, а ты — маркиз де-Карабас.

Уф...

ЖАК: Я маркиз?

КОТ: Да, да, маркиз. Сиди в воде, кричи: «Караул! Спасите, — кричи, — помогите!»

ЖАК: Я ничего не понял. Может, тебе солнце голову напекло или ты от испуга умом повредился? Кто ж тебя так напугал?

КОТ: Весь страх, хозяин, ещё впереди. А сейчас делай, что говорю, и не рассуждай, — карета уже приближается.

Заметив приближающуюся карету, Кот, держа сапоги в лапах, начинает бегать по берегу, отчаянно крича.

Сюда! Скорее сюда! На помощь! Мой господин тонет! (Жаку.) Да раздевайся же ты живее! (К дороге.) Помогите!

Жак раздевается и залезает в воду. Кот, продолжая кричать, прячет его одежду. Появляется королевская карета с лихим Кучером на козлах. Карета останавливается, из неё выскакивает Заяц, за ним робко выглядывает Король.

ЗАЯЦ: Вот видите, я здесь. Я не обманул, не убежал... А что, собственно, тут происходит?

КОТ (*тихо Зайцу*): Делай, как я, и не задавай лишних вопросов. Ясно? (*Кричит.*)
На помощь!

ЗАЯЦ: Ясно. (*Кричит.*) На помощь!

КОТ: Беда!

ЗАЯЦ: Беда! Да...

КОТ: Ужасное несчастье!

ЗАЯЦ: Несчастье, ужа-а-асное!

КОТ: Мой господин маркиз де-Карабас тонет.

ЗАЯЦ (*в сторону*): Какой же это Карабас? Карабас — людоед... Ничего не понимаю. (*Громко.*) Да, да! Тонут и маркиз, и Карабас, все. Караул!

КОРОЛЬ (*робко*): Что случилось, мой друг?

КОТ (*поёт*): Ужасное несчастье! Ужасная беда!

ЗАЯЦ: Спасите! Помогите! Скорее все сюда!

КОРОЛЬ: Что случилось, господа?

КОТ и ЗАЯЦ: Ах, беда, беда, беда!

Ах, маркиз!

КОРОЛЬ: Где маркиз?

КОТ и ЗАЯЦ: Посмотрите сами вниз.

КОРОЛЬ: Минуточку, минуточку, сейчас, сейчас, сейчас.

КОТ: Смотрите, в речке тонет маркиз де-Карабас!

КОРОЛЬ: Вижу, кто-то там нырнул.

ЗАЯЦ: Он, наверно, утонул!

КОТ: Ах, маркиз!

КОРОЛЬ: Где маркиз?

КОТ и ЗАЯЦ: Посмотрите сами вниз.

КОРОЛЬ: Я вижу, как купается в реке простолюдин.

КОТ: Там тонет мой хозяин, мой добрый господин.

Эй, хозяин, что молчишь?

Почему ты не кричишь?

ЖАК: Караул!

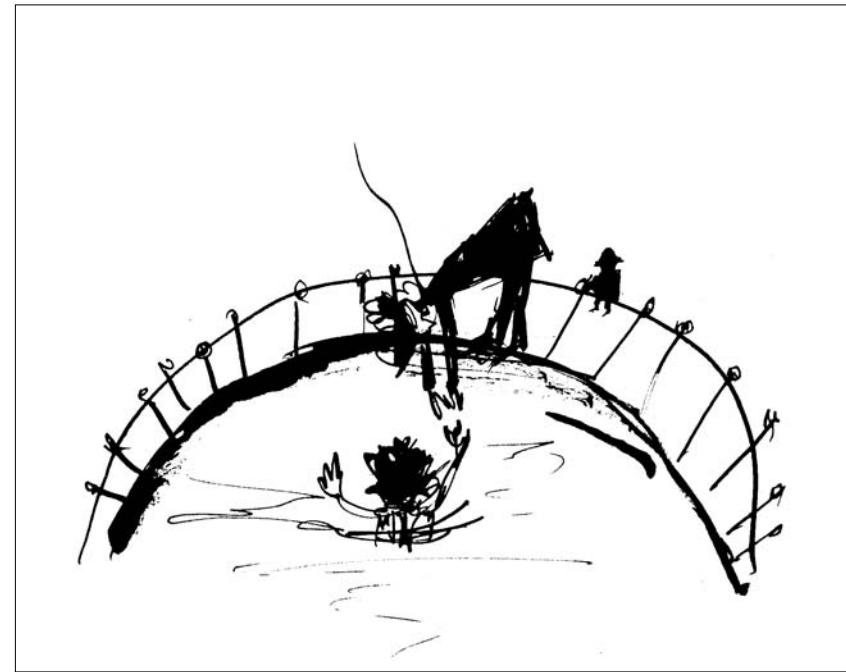
ЗАЯЦ: Караул!

Он, наверно, утонул!

КОРОЛЬ: Ах! Его надо спасать!

КОТ: Конечно. Но я не умею плавать. Коты, они вообще...

ЗАЯЦ: И зайцы вообще...

КОРОЛЬ: Ну это просто вообще...

ПРИНЦЕССА (*высовываясь из кареты*): Папа, что там случилось?

КОРОЛЬ: Дочка! Только не переживай. Наше путешествие отменяется: сеньор де-
 Карабас, кажется, уже вообще...

ЗАЯЦ: И мне тоже так кажется.

ЖАК: А-а-а!!!

КОРОЛЬ: Нет, он ещё не совсем. (К Кучеру.) Что ты сидишь?! Не видишь? —
 маркиз тонет.

ЗАЯЦ: Да, да, тонет маркиз.

КУЧЕР: Но, ваше величество! Я плаваю ещё хуже, чем кот или заяц. Может, спустить
 в реку лошадь?

ЖАК: А-а-а!!!

ПРИНЦЕССА: Спустите лучше ему верёвку.

ЗАЯЦ: Да, верёвку, разумеется, верёвку! (В сторону.) Сейчас как вытащим людоеда,
 вот смеху будет...

ЖАК: А-а-а!!!

*Заяц вместе с Кучером, перегнувшись через ограду моста, спускают в воду
 верёвку. Кот надевает сапоги.*

КОТ: Господа, господа! Видите ли, разбойники, те самые, что столкнули моего
 господина в воду, украли у него буквально всё: лошадь, шпагу, платье...

ЗАЯЦ: Сапоги.

КОТ: Сапоги.

ЗАЯЦ: Деньги.

КОТ: Что? А, ну да, разумеется, деньги. Но об этом я уж и не говорю. Я говорю лишь о том, что маркизу не пристало предстать перед королём... Пристало предстать — не очень удачный оборот. Короче, не может же он явиться перед вами голым, а тем более — перед вашей дочкой.

КОРОЛЬ: Ах, об этом я не подумал.

КОТ: Зато об этом подумал я. Вы, я надеюсь, воспользовались моим советом и захватили с собой пару-другую скромных королевских нарядов?

ПРИНЦЕССА: Ах, дорогой Кот, вы как будто в воду глядели!

КОТ: Вот именно, Принцесса, как будто в воду. Ха-ха-ха! (Жаку.) Сеньор Карабас, смело вылезайте из воды, мы все отвернёмся.

Король и Принцесса отворачиваются. Жак вылезает на берег.

В карету, хозяин, быстро в карету. Наш ушастый друг поможет вам переодеться.

ЗАЯЦ (Жаку): Да, да, сеньор, я с удовольствием, я... (В сторону.) Господи! Только бы он меня не съел, только бы не съел!..

Жак и Заяц скрываются в карете.

КОТ (Королю): Как путешествие, ваше величество? Дорога вас не утомила?

КОРОЛЬ: Прекрасно, прекрасно, мой друг! Я так давно никуда не выбирался из двора.

ПРИНЦЕССА: А какой чудный лес, какие поля, луга!

КОРОЛЬ: И всё это владения вашего господина?

ПРИНЦЕССА: А у его подданных такие счастливые лица!

КОТ: Увы, это так.

КОРОЛЬ: Увы? Почему же увы?

КОТ: Потому, государь, что сеньор Карабас очень одинок. И эти владенья ему — ни к чему. Увы! (Поёт.)

Мой хозяин, увы, одинок,
Рядом нету того, с кем бы мог
Он гулять по лесам и лугам,
По полям и речным берегам.

ПРИНЦЕССА:

Ах, ах, как скучно ему
Всюду бродить одному.

КОТ: А вокруг небылицы и бред,
Будто мой господин — людоед,
Только всё это глупая ложь,
И добреё его не найдёшь.

ПРИНЦЕССА:

Ах, бедный ваш господин, —
Плохо, когда ты один.

КОТ: Скажу вам по секрету: он очень скучает.

ПРИНЦЕССА: Ах, как я его понимаю!

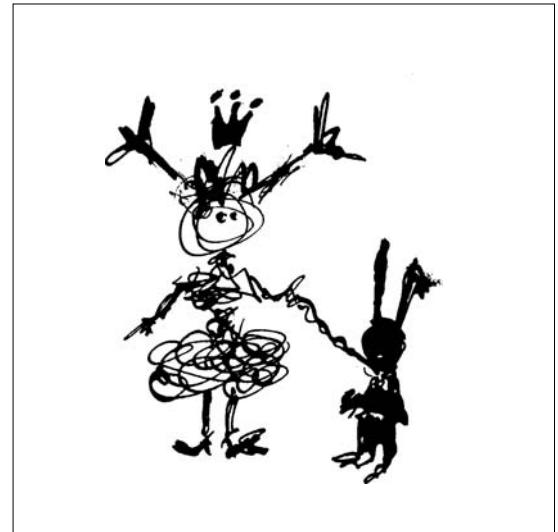
КОТ: Сознайтесь, Принцесса: ведь краешком глаза вы успели заметить, что маркиз де-Карабас весьма привлекателен и совсем не похож на людоеда?

ПРИНЦЕССА (потупившись): Ах!..

КОРОЛЬ (улыбаясь): Шалун! Вы смущаете мою дочь такими вопросами.

Из-за кареты в сопровождении Зайца выходит шикарно одетый Жак.

КОТ: А вот и мой господин. Позвольте, ваше величество, представить вам владельца всех этих лесов, полей, лугов и вон того замка — сеньора маркиза де-Карабас.

КОРОЛЬ: Я счастлив, маркиз. Не могу себе простить, что не познакомился с вами раньше.

КОТ: Я давно говорил маркизу: «Почему бы тебе, хозяин, не познакомиться с королём?» Но он у меня такой стеснительный. (*Тихо Жаку.*) Скажи что-нибудь.

ЖАК: Да, я такой...

КОРОЛЬ: Стесняться не надо, я человек простой, и мы с дочкой очень благодарны вам за приглашение.

КОТ (*тихо Жаку*): Отвечай, что хочешь, но только помни, что ты маркиз.

ЖАК (*тихо Коту*): Какое приглашение? Куда?

КОТ (*Королю*): Маркиз смущён тем, что из-за этой нелепой истории с разбойниками не успел сделать все необходимые распоряжения по встрече дорогих гостей.

ЖАК: Да, эта нелепая история...

ПРИНЦЕССА: Не переживайте, милый маркиз. Вот как надо поступить: мы медленно-медленно, не торопясь, пойдём вместе с вами по этому живописному берегу. А пока мы так идём, ваш очаровательный друг и помощник... (*с улыбкой оглядывается на Кота, и тот отвечает ей галантным поклоном*) успеет добежать до замка и обо всём распорядиться. Хорошо я придумала?

КОРОЛЬ: Браво, браво, моя дорогая! Мне тоже будет приятно размять ноги. Сеньор Кот! Вы можете воспользоваться моей каретой.

КОТ: Благодарю, ваше величество. И, если позволите, я возьму с собой и вашего длинноухого.

КОРОЛЬ: Разумеется.

ЗАЯЦ (*садясь в карету вслед за Котом*): Вот уж там-то меня обязательно съедят.

Карета уезжает. Король машет ей вслед платком. Жак и Принцесса стоят, глядя друг на друга.

ПРИНЦЕССА: Почему вы молчите, маркиз?

ЖАК: Я просто не знаю, что сказать.

ПРИНЦЕССА: Какой вы загадочный! Про вас рассказывают такие уж... такие удивительные истории...

ЖАК: Для вас, Принцесса, я, кажется, готов даже на самое невероятное.

ПРИНЦЕССА: Ах, маркиз, вы хотите меня напугать? А я вас ни капельки не боюсь.

ЖАК: Принцесса!..

Под нежную лирическую мелодию занавес закрывается.

Интермедиа

Перед занавесом нарядный Кот.

КОТ: Мяу! Вы заметили? Да? Ну, конечно! — мой хозяин и эта Принцесса влюбились друг в друга, так сразу и влюбились, с первого взгляда! Кто ж этого не заметит! Любо-о-овь! (Поёт.)

Любовь!

Она, как птичка или рыбка!

Любовь!

Она, как маленькая мышка!

Мелькнёт

едва заметная улыбка,

И вот

бежишь за нею, как мальчишка.

Весна!

Коты весною очень чутки

И на

любовь и нежность очень падки.

Потом

на свет являются малютки,

Во всём

на нас похожие котята.

Любо-о-овь!

Ах! Теперь вот я думаю и сам удивляюсь, как ловко всё это у меня тогда получилось. А тогда мне ни думать, ни удивляться было некогда. Ведь самое трудное и самое, между нами говоря, опасное оставалось ещё впереди. В замке-то жил настоящий маркиз Карабас, и не просто маркиз, — маркиз-людоед!

Картина четвёртая

Зал в замке Людоеда. За накрытым столом сидит сам Людоед. Он ест с нескрываемым аппетитом, но настроение у него всё равно неважное.

ЛЮДОЕД (поёт):

Я несчастный Людоед — ам-ам!

Кто бедняжку пожалеет? —

Мне чем дальше, тем труднее
Добывать себе обед. Ам-ам!
Я сначала съел доверчивых соседей,
После выманил из леса всех медведей,
Всех придворных съел и вдруг
Обнаружил, что вокруг
Уцелело только несколько слуг.
Что же будет Людоед — ам-ам! —
Кушать завтра на обед? Ам!

Людоед продолжает есть. Крадучись, появляется Кот в сопровождении дрожащего Зайца. Людоед, увлечённый едой, замечает их не сразу.

ЗАЙЦ: Ой-ой, какой огромный!

КОТ: Я сам такого не ожидал. Прекрати дрожать. Он же людоед, а не зайцеед.

ЗАЙЦ: А вдруг он и зайцев любит.

КОТ: Тем более нужно сохранять достоинство.

ЗАЙЦ: Достоинство! Хорошо вам говорить.

КОТ: Что уж тут хорошего? Для людоеда, поди, что кот, что заяц, — одна еда.

ЛЮДОЕД (*отрываясь от обеда*): Кто сказал «еда»? (Замечает Кота и Зайца.)

Ба! Вот так гости! Никогда не видел котов в сапогах.

КОТ: Приятного аппетита.

ЗАЯЦ: ...ита... ита...

ЛЮДОЕД: Да, выглядите вы аппетитно, у меня уже слюнки потекли.

ЗАЯЦ (*пытаясь улизнуть*): Всего хорошего.

КОТ (*удерживая Зайца*): Мы из общества любителей живой природы.

ЛЮДОЕД: Живая природа — это моя слабость.

КОТ: Какие слабости могут быть у такого великана?! Мой друг просто потрясён вашей... вашим... Я так взволнован, мне трудно найти подходящее слово...

Он потрясён вашим величием. (К Зайцу.) Верно я говорю?

ЗАЯЦ: Да, да, па... па... потрясён...

ЛЮДОЕД: Вижу, вижу!

КОТ: Но если быть до конца откровенным, — пожалуйста, не сочтите это за грубость, — лично я всё же разочарован.

ЛЮДОЕД (*озадачен*): То есть как это «не сочтите»? Как это «разочарован»?

КОТ: Вы позволите мне присесть, сеньор Карабас, если не ошибаюсь? (*Бесцеремонно усаживается за стол*.) А где, простите, ваши слуги? Почему никого не видно?

ЛЮДОЕД: Они стараются лишний раз не попадаться мне на глаза. Вас разочаровало отсутствие слуг?

КОТ: Нет, нет, я просто понял, откуда берутся эти глупые, эти нелепые слухи, дорогой Карабас! Причиной всему — ваш непомерно большой рост.

ЛЮДОЕД: Какие слухи? При чём тут мой рост?

КОТ: Конечно, вы велики, теперь я это вижу собственными глазами. Но знали бы вы, каких только небылиц про вас не сочиняют!

ЛЮДОЕД: Небылиц?

КОТ: Да. Мой друг может подтвердить.

ЗАЯЦ: Я па... па... потрясён.

КОТ: Говорят, и, между прочим, серьёзные люди, что вы можете превращаться в кого угодно. Смешно! Чего только не насочиняют про великих людей!

ЛЮДОЕД (*обиженно*): Но я действительно умею превращаться.

КОТ: Как? Не может быть! Вы шутите?

ЛЮДОЕД: Какие шутки! Хотите, я превращусь, ну, к примеру, в собаку?

КОТ: Нет, в собаку, пожалуй, не стоит.

ЛЮДОЕД: Ну, тогда в медведя... или нет, я превращусь во льва.

КОТ: Прямо сейчас?

ЗАЯЦ: Нет, нет, мы не хотим.

ЛЮДОЕД (*ублеченно*): Да, да, именно во льва, конечно во льва! Прямо сейчас!
(*Поёт.*)

Сильнее,
страшнее,
свирепей льва едва ли
Вы где-то
кого-то
когда-либо встречали.
Его царём зовут не зря,
И никогда никак
Не превратиться вам в царя,
А для меня —
пустяк!

Людоед превращается в рычащего льва. Кот в ужасе отскакивает в сторону, а Заяц просто лишается чувств. Довольный произведённым эффектом, Людоед принимает прежний вид.

ЛЮДОЕД: Ну, как? Больше вы не сомневаетесь в моих способностях?

КОТ (*преодолевая страх*): Весьма убедительно. Мой друг потрясён окончательно.

Хотя, впрочем...

ЛЮДОЕД: Что? Какие ещё «впрочем»?!

КОТ: Видите ли, с научной точки зрения это, в конце концов, объяснимо: ведь в своём обычном виде вы по величине, да и по величию мало чем отличаетесь ото льва.

ЛЮДОЕД: Ах, вот в чём дело! Но мне ничего не стоит превратиться и в кого-нибудь совсем на меня не похожего. Например, в муху.

КОТ: Нет, муху я могу не разглядеть, у меня проблемы со зрением. Лучше в мышь, если вам, конечно, не трудно.

ЛЮДОЕД: Не трудно. Какие разговоры!? В мышь, так в мышь.

Людоед превращается в мышь.

КОТ: Минуточку! Не превращайтесь обратно: обидно, если мой друг не увидит этого чуда. Очнись, ушастый. Синьор Карабас, помогите привести его в чувства.

Людоед-мышь подбегает к Зайцу, щекочет его, Заяц приходит в себя, Кот бросается на мышь и съедает её.

КОТ: Вот, наконец, и пообедал. Какая гадость! Между нами говоря, я терпеть не могу мышей. Но ради дружбы... готов даже на это.

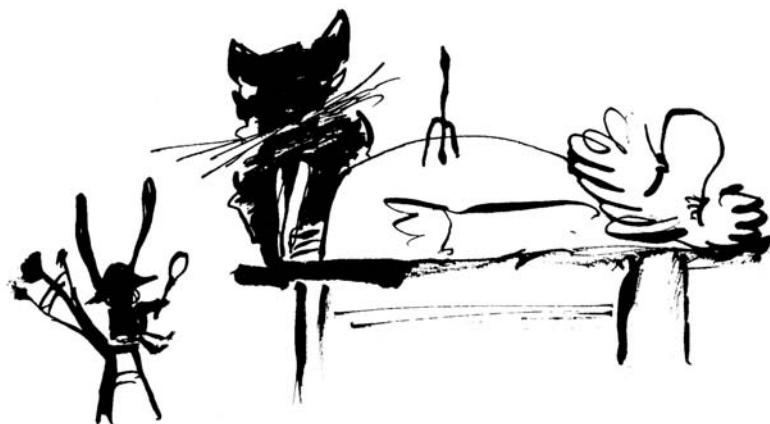
ЗАЯЦ: Что это было?

КОТ: По слухам, это был людоед. Теперь уже не проверить.

ЗАЯЦ: Где людоед?

КОТ (*показывает на свой живот*): Здесь. Ушастый, ты стал свидетелем знаменательного события. Да где же, наконец, эти слуги? Ведь с минуты на минуту в замок прибудет новый хозяин, новый маркиз де-Карабас! Трубите в трубы!

Под звуки фанфар занавес закрывается.

Финал

Перед занавесом нарядный Кот.

КОТ: С тех пор, друзья мои, многое изменилось. Хозяин наконец привык, что его зовут маркизом де-Карабас, Принцесса вышла за него замуж и родила много-много очаровательных котяток. Дедушка Король приезжает в замок навестить внуков, а Заяц рассказывает всем сказку о том, как мы с ним победили ужасного Людоеда. Я сменил старый плащ на новый, привык носить сапоги

и хорошо питаться, но... Но иногда мне хочется взять в лапы гитару и вспомнить свою голодную молодость.

Кот берёт гитару и поёт.

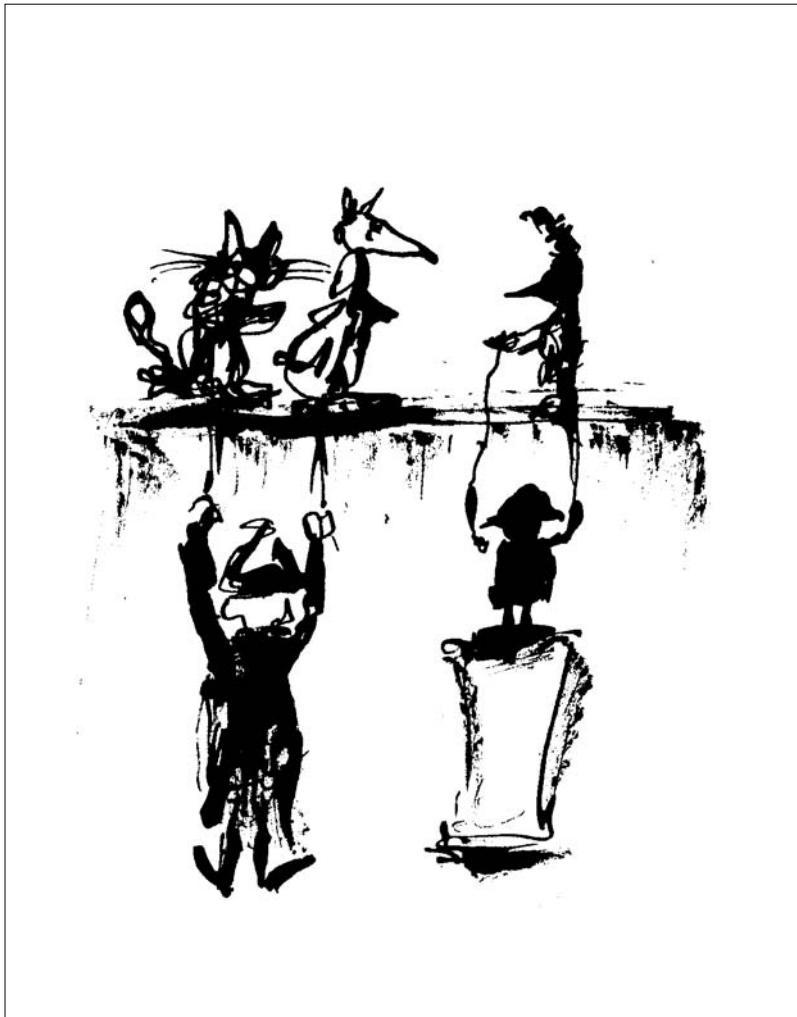
Пускай я голодный,
Зато благородный,
Мне с детства знакомо
Понятие «честь».
Хорошее правило
Мне мама оставила:
Сперва заработать,
А после — поесть.
Если хозяину плохо,
Могу ли спокойно я жить?
Нет, нет! До последнего вздоха
И до последнего оха,
Да, да, до последнего оха
Я буду ему служить.

Во время песни занавес раскрывается, и мы видим уютно расположившегося на большом диване, одетого по-домашнему Зайца в окружении стайки милых каранузов, а за диванной спинкой пристроились старый Король и Жак де-Карабас с Принцессой. Кот присоединяется к компании. Занавес закрывается.

КОНЕЦ

ПИНОККИО

Пьеса в двух действиях для театра кукол
по мотивам повести Карло Коллоди

НА СЦЕНЕ ПОЯВЛЯЮТСЯ

ПЕППИНО
НИНУЧЧА

}

*итальянские
актёры*

ПИНОККИО
ДЖЕППЕТТО
СВЕРЧОК
ДРОЗД
КЛОУНЫ
ПУЛЬЧИ
АРЛЕКИН
МАНДЖАФОКО
КОТ
ЛИСА
СЫЧ
ВОРОН
ФЕЯ
КРОЛИКИ
ПОПУГАЙ
РЫБА
ЧЕРНОБОРОДЫЙ
РЫЖЕБОРОДЫЙ
ГОСПОДИНЧИК
ОСЁЛ

ПЕППИНО и НИНУЧЧА
вместе с двумя
помощниками
играют эти роли,
используя
КУКЛЫ и МАСКИ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Занавес открывается. За ним растерянный человек, которого как бы застали врасплох. Это Пепино.

ПЕППИНО: Вот так всегда — готовишься, готовишься, а занавес открылся и... Нет, так не годится. Придётся повторить. (*Занавес закрывается и открывается снова.*) Почтеннейшая публика!.. Нет. Что это за начало: «Почтеннейшая публика!» Скверное начало, неинтересное. Попробуем ещё раз.

Занавес снова закрывается и после небольшой паузы открывается. Пепино стоит молча в заготовленной позе. Пауза затянулась. Из кулисы выходит женичина. Это Нинучча.

НИНУЧЧА: Пепино, ты умер?

ПЕППИНО: Что за скверная привычка появляться в самый неподходящий момент?

НИНУЧЧА: Одному богу известно, какой момент для тебя подходящий. (К публике.) Сто лет рассказывает одну и ту же историю и до сих пор не придумал начала.

ПЕППИНО: Мне не надо ничего придумывать. Эта история правдива, как сама жизнь. Но жизнь — такая хитрая штука: хочешь сделать одно, а получается совсем другое. А если плохо начнешь — кончишь ещё хуже. Разве ты этого не знаешь?

НИНУЧЧА: Бедняжка, я тебе помогу. Начни с того, как мастер Вишня подариł старому Джеппетто говорящее полено.

ПЕППИНО: Да? А может, лучше с того, как это полено попало к мастеру Вишне?

НИНУЧЧА: Нет, нет. Чем ближе к делу, тем лучше. Джеппетто взял свой столярный инструмент и...

ПЕППИНО: Джеппетто взял инструмент... Всё, Нинучча, уходи, ты мне мешаешь.

Нинучча уходит за ширму. Пепино надевает маску Джеппетто.

ДЖЕППЕТТО: Смастерю-ка я деревянного человечка, научу его ходить, плясать, кувыркаться и пойду с ним бродить по свету, зарабатывать... (*Полено высекает из рук Джеппетто и бьёт старика по голове.*) Ох! Уже заработал. Старая развалина — всё из рук валится. Ничего, вот сделаю себе помощника

и назову его Пиноккио... Красивое имя — Пиноккио... (*Полено смеётся и опять вырывается из рук.*) Да что ж это за непоседа у меня получается? (*Пытается совладать с поленом.*) Стой, тебе говорят! Не успел родиться, а уже проявляешь неуважение к своему отцу. Худо, дитя мое, очень худо. (*Снимает маску.*)

ПЕППИНО: Думаете, просто смастерить деревянного человечка? А вы попробуйте.

Джеппетто долго трудился, до позднего вечера. Зато человечек, скажу я вам, получился, что надо. (*Показывает готового человечка.*) С руками, с ногами, с длинным носом. (*Надевает маску Джеппетто.*)

ДЖЕППЕТТО: Вот только уши я забыл тебе сделать. За что же я буду тебя таскать?

Пиноккио...

ПИНОККИО: Пиноккио! Пиноккио! Есть хочу. Хочу есть!

ДЖЕППЕТТО: Да, да, малыш, разумеется. Я должен был это предусмотреть, а в доме — ни крошки. Вот беда.

ПИНОККИО: Есть хочу! Я умираю от голода.

ДЖЕППЕТТО: Потерпи, потерпи, сынок, самую малость. Я скоро вернусь. (*Уходит.*)

ПИНОККИО: Есть хочу! О, я бедный, несчастный, голодный ребенок! (*Слышишься писк.*) Кто здесь? А ну, выходи. (*Появляется Сверчок.*) Ты кто такой?

СВЕРЧОК: Я Говорящий Сверчок: Я живу в этом доме больше ста лет...

ПИНОККИО: Глупая букашка! Живи еще сто лет, пока не помрешь, а с меня довольно. Что это за дом, в котором нет ни крошки! И что это за отец, которому нечем накормить своего единственного ребенка!

СВЕРЧОК: Бедный Пиноккио! Ты еще не знаешь, как плохо бывает детям, которые по неразумию...

ПИНОККИО: Ой-ой-ой! Заскрипел! Скажи еще, что я обязательно должен пойти в школу и прилежно учиться.

СВЕРЧОК: Разумеется. Иначе ты превратишься в настоящего осла.

ПИНОККИО: Осла? Не тебе меня учить, говорящая таракашка. У меня своя голова на плечах.

СВЕРЧОК: Деревянная голова.

ПИНОККИО: Что ты хочешь этим сказать?

СВЕРЧОК: Когда-нибудь ты это поймешь.

ПИНОККИО: Я уже понял, что ты слишком задаёшься. Ну, держись у меня, старая жужелица!

Пиноккио бросает в Сверчка молотком. Сверчок с писком исчезает. Из-за ширины, держась за голову, высекаивает Пеппино, за ним — Нинучча.

НИНУЧЧА: Он опять угодил тебе прямо в голову.

ПЕППИНО: Нинучча, это не имеет никакого отношения к моей истории. (*Машет на неё руками.*)

НИНУЧЧА: Ухожу, ухожу... Сумасшедший.

Нинучча скрывается за ширмой. Пеппино надевает маску Джеппетто.

ДЖЕППЕТТО: Вот я и вернулся. И не с пустыми руками.

ПИНОККИО: А что ты мне принёс? Я чуть не умер от голода.

ДЖЕППЕТТО: Сейчас увидишь. (*Достаёт груши.*) Раз, два...

ПИНОККИО: Груши!

ДЖЕППЕТТО: Три и четыре. Ужин небогатый, но нам с тобой хватит. Верно?

ПИНОККИО: Верно, верно. (*Набрасывается на еду.*) В другой раз я бы ни за что не согласился есть неочищенные груши... Но сейчас... Так уж и быть... я не стану капризничать... (*Доец последнюю грушу.*) Это всё? А где же твой ужин?

ДЖЕППЕТТО: Ты прибавил его к своему и съел всё без остатка.

ПИНОККИО: Неужели? Ай-ай-ай!

ДЖЕППЕТТО: Конечно, ты мог бы разделить его со мной, но...

ПИНОККИО: Разделить... без

остатка — ай-ай-ай — это слишком сложно. Ведь я же никогда ничему не учился.

Прав был Говорящий Сверчок: я обязательно должен пойти в школу.

ДЖЕППЕТТО: Как приятно отцу слышать всё это! Конечно, мой милый, всё так и будет, как ты говоришь. (*Достаёт азбуку.*) Получай!

ПИНОККИО: Что это?

ДЖЕППЕТТО: Это азбука. С ней ты пойдёшь в школу, научишься там писать, считать...

ПИНОККИО: Папа Джеппетто, а куда подевалась твоя куртка?

ДЖЕППЕТТО (*смущённо*): Хм... Мне пришлось её продать.

ПИНОККИО: Чтобы купить мне азбуку?.. Какой ты у меня хороший. Я обещаю тебе, что буду очень стараться, выучусь всему, всему, всему, заработка кучу денег и куплю тебе много-много разноцветных курток.

ПЕППИНО (*снимает маску Джеппетто*): Все мальчишки — мастера давать такие обещания. Однако утром Пиноккио действительно взял азбуку под мышку и отправился прямой дорогой в школу. Он весело шагал навстречу ласковому утреннему солнцу. Птицы пели, музыка играла... Но дорога вела прямо вперед, а музыка доносилась откуда-то сбоку.

ПИНОККИО: Стоп! Остановитесь, глупые ноги! Куда вы меня несёте? У меня же голова на плечах, я должен подумать и решить... Школа — там, а музыка — там...

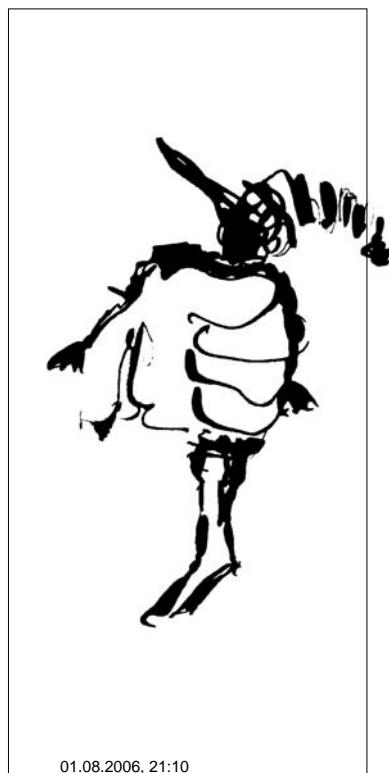
ДРОЗД (*появляется на ветке*): Пин-пин-пиноккио! Не сворачивай с прямой дороги, не забывай о своем обещании.

ПИНОККИО: Зачем идти в школу, когда учителя сидят на каждом сукне. Кыш, белая ворона!

ДРОЗД. Я, извиняюсь, не ворона. Я дрозд.

ПИНОККИО: Ах, тысячу раз прошу меня простить! Кыш, белый дрозд! (*Дрозд улетает.*) Так-то! Разумеется, я пойду к музыке. Школа никуда не убежит.

Вместе с помощниками Пеппино сооружает на сцене театральный портал с фонарями и яркими флагами. Нинучча надевает клоунскую маску и бьёт в большой барабан.

ПИНОККИО: Ух ты! Скажите пожалуйста, что здесь такое?

КЛОУН: Именно то самое, что написано на афише.

ПИНОККИО: Видите ли, как раз сегодня я... собирался научиться читать.

КЛОУН: Браво, осёл! Здесь написано: «Кукольный театр», но следует читать: «Большой кукольный театр синьора Манджафоко».

ПИНОККИО: И сколько надо платить за вход?

КЛОУН: Всего четыре сольдо.

ПИНОККИО: Я бы с удовольствием, но как раз сегодня... А вы не дадите мне четыре сольдо?

КЛОУН: Я бы с удовольствием, но как раз сегодня — не могу.

ПИНОККИО: А, может быть, вы согласитесь купить у меня азбуку?.. Всего за четыре сольдо?..

КЛОУН: Я бы с удовольствием, но как раз вчера я уже научился читать.

ПЕППИНО: «Беру азбуку за четыре сольдо», — крикнул какой-то старьёвщик, проходивший мимо. И в один момент новая азбука, за которую бедный Джеппетто отдал свою единственную куртку, была продана.

Звучит гонг. Занавес театра раскрывается, и перед счастливым Пиноккио начинается кукольное представление.

ПУЛЬЧИ: Здравствуй, Арлекин! Как я рад, что тебя встретил.

АРЛЕКИН: Ха-ха-ха! Говори прямо, Пульчи, что тебе от меня надо...

ПУЛЬЧИ: Помоги мне взобраться на дерево и привязать эту верёвочку вон к тому сунку.

АРЛЕКИН: Ха-ха-ха! Признавайся, Пульчи, — по-моему, ты задумал что-то очень забавное.

ПУЛЬЧИ: Да. Я хочу повеситься, потому что меня укусила моя любимая собачка.

АРЛЕКИН: Ха-ха-ха! Какая глупость, Пульчи! Сейчас я тебе помогу. У меня есть замечательное средство от глупости. (*Бьёт Пульчи дубинкой.*)

ПУЛЬЧИ: Ай! Ой! Стой! Я уже поумнел. Одолжи мне твою дубинку, я пойду научу мою любимую собачку уму-разуму.

ПИНОККИО: Уважаемый Арлекин! Мне так хочется поумнеть, а свою азбуку я — увы! — продал, чтобы посмотреть ваше увлекательное представление.

АРЛЕКИН: Ха-ха-ха! Смотри-ка, Пульчи, кто к нам пришёл.

ПУЛЬЧИ: Деревянный человечек.

ПИНОККИО: Меня зовут Пиноккио.

АРЛЕКИН: Ты уверен, что он деревянный?

ПУЛЬЧИ: Конечно. Это же сразу заметно.

АРЛЕКИН: Ха-ха-ха! Тогда я, пожалуй, не стану его бить. Моя замечательная дубинка может сломаться об его деревянную голову. (*Смеётся.*)

ПУЛЬЧИ: А не хочешь ли, дружище, повисеть на моей замечательной верёвочке? Может, это поможет тебе поумнеть. (*Хохочет.*)

ПИНОККИО: Ах вы, тряпочные уроды! Выманили у бедного человека целых четыре сольдо за своё дурацкое представление, а теперь ещё вздумали надо мной смеяться! Ну погодите! Сейчас я вас обоих научу уму-разуму так, что только опилки посыпятся.

Пиноккио залезает на сцену и устраивает там потасовку. На шум из-за кулис выходит Пеппино в маске синьора Манджафоко.

МАНДЖАФОКО: Что за шум? Что за кавардак в моём театре?

АРЛЕКИН и ПУЛЬЧИ (хором): Простите, синьор Манджафоко, мы ни в чём не виноваты.

МАНДЖАФОКО: Почему на сцене посторонние? Ты кто такой?

ПИНОККИО: Мне трудно ответить на ваш вопрос, уважаемый синьор. Я ещё не стал тем, кем бы мне хотелось.

МАНДЖАФОКО: Сейчас я тебе помогу, сухая деревяшка! Ты станешь растопкой в моём очаге.

ПУЛЬЧИ: Бедный человочек!

ПИНОККИО: Ах я бедный, ах несчастный, ах старый, одинокий, безутешный папа Джеппетто!

МАНДЖАФОКО: Не понимаю, о ком ты говоришь.

ПИНОККИО: Я говорю о моём любимом отце, синьоре Джеппетто, который продал последнюю куртку, чтобы я мог пойти в школу и стать умным, образованным человеком.

Манджафоко начинает чихать.

АРЛЕКИН и ПУЛЬЧИ: Будьте здоровы, синьор.

АРЛЕКИН (к Пиноккио): Эй, перестань дрожать. Слышишь, хозяин чихает — значит, он тебя пожалел.

ПУЛЬЧИ: Это верная примета. Он всегда чихает от жалости.

Манджафоко перестает чихать.

ПИНОККИО: О мой любимый, мой одинокий отец! За что судьба так несправедлива к тебе?

Манджафоко чихает с новой силой.

АРЛЕКИН и ПУЛЬЧИ: Будьте здоровы!

МАНДЖАФОКО: Мне жаль твоего отца, малыш. Наверное, ему горько будет услышать, что ты сгорел в моём очаге.

ПИНОККИО: О! Он не переживет этого. Я его единственный сын, его надежда и опора.

Манджафоко чихает.

АРЛЕКИН и ПУЛЬЧИ: Будьте здоровы!

ПИНОККИО (*причитает с нарастающим пафосом*): Кто, кроме меня, позаботится о нём в старости?!

Манджафоко чихает.

АРЛЕКИН и ПУЛЬЧИ: Будьте здоровы!

ПИНОККИО: Кто, кроме меня, заработает несколько сольдо, чтобы купить пару маленьких груш на ужин моему бедному отцу?!

Манджафоко плачет и чихает.

АРЛЕКИН и ПУЛЬЧИ: Будьте здоровы!

МАНДЖАФОКО: Довольно! Перестань меня мучить. Возьми пять золотых для своего почтенного папаши и убирайся отсюда! (*Чихает.*)

АРЛЕКИН, ПУЛЬЧИ и ПИНОККИО: Будьте здоровы, синьор Манджафоко!

Манджафоко уходит, чихая.

АРЛЕКИН и ПУЛЬЧИ: Ура!

ПИНОККИО (*переводя дух*): Вот так приключение! Прав был Говорящий Сверчок: из-за своего деревянного легкомыслия я чуть не погиб ужасной смертью. А мой бедный отец... Он даже не догадывается, что его единственный сын - лодырь и обманщик. Вместо того, чтобы идти в школу... Ай-ай-ай! Я так перед ним виноват!

Занавес театра закрывается.

ПЕППИНО (уже без маски): Вот так-то, дорогие мои. И это были не пустые слова.

Пиноккио твердо решил исправиться, его доброе сердце...

НИНУЧЧА (*выходит с масками и реквизитом*). Сто лет слышу эту «правдивую» историю, но, хоть убей, не могу поверить и половине из того...

ПЕППИНО: О, женщина! Ты хочешь меня разозлить, да? Нарочно!

НИНУЧЧА: Ой, ой, вы только посмотрите на него: глаза горят, волосы дыбом!..

Прикрой лицо, а то я умру от страха. (*Даёт ей маску Кота.*) Успокойся.

Всё бы тебе шуметь, разбойник! (*Сама надевает маску Лисы.*)

КОТ: Мяу! Перестань меня дразнить, а то...

ЛИСА: Тихо. Смотри, кто сюда идёт.

ПИНОККИО (*бежит*): Мой дорогой отец! Теперь у меня есть деньги, чтобы купить тебе самую замечательную куртку и много-много груш. А себе я куплю новую азбуку и буду ходить в школу.

КОТ: Вот этого я тебе не советую.

ПИНОККИО (*останавливается*): Почему?

КОТ: Посмотри на меня — я ослеп, читая умные книги.

ЛИСА: А я на пути к знаниям лишилась одной ноги.

Лиса старательно хромает. На ветке появляется Дрозд.

ДРОЗД. Пин-пин-пиноккио! Не слушай этих жуликов, а то потом наплачешься.

Кот ловко хватает и съедает Дрозда.

ПИНOKКИО: Бедный Дрозд!
Почему вы так плохо с ним обошлись?

КОТ (*облизываясь*): В другой раз будет знать, что неприлично вмешиваться в чужие разговоры. Да... Да... Вот видишь, теперь и не вспомнить, о чём мы только что беседовали.

ЛИСА: Я помню. Мы говорили о том, что деньгами нужно распоряжаться с умом.
(К Пиноккио.) Ты сказал, что у тебя есть деньги?

ПИНOKКИО: Да, целых пять золотых.

КОТ: Целых пять!..

ЛИСА: Всего пять? А хочешь, чтобы их стало сто или даже тысяча?

ПИНOKКИО: Ещё бы!

ЛИСА: Тогда пойдём с нами.

КОТ: Да, да, мы тебе устроим.

ПИНOKКИО: Не понял...

ЛИСА: Мы идём в страну Лопухов. Это совсем недалеко.

КОТ: Цель близка!

Во время разговора Кот всё время норовит залезть к Пиноккио в карман.

ЛИСА: В стране Лопухов есть тысяча способов из каждой монеты сделать целую кучу денег. Идём.

ПИНOKКИО: Нет. Не уговаривайте. Однажды я уже свернул с прямой дороги и чуть не поплатился за это жизнью.

ЛИСА: Как знаешь. (К Коту.) Пойдём, брат.

КОТ: Пойдём, сестрёнка.

Кот и Лиса уходят.

ПИНOKKIO (*один*): Ай-ай-ай! Опять такая трудная задача: там ждёт меня отец, а там — тысяча золотых.

Появляется тень Говорящего Сверчка.

ПИНOKKIO: Кто ты?

СВЕРЧОК: Я — тень Говорящего Сверчка.

ПИНOKKIO: Чего тебе от меня надо?

СВЕРЧОК: Ничего. Хочу дать тебе совет: вернись к своему горемыке-отцу, он сейчас плачет и убивается, не зная, где ты пропадаешь.

ПИНOKKIO: Я вернусь к нему завтра с целым мешком золотых монет.

СВЕРЧОК: Вот ещё один совет: не доверяй тем, кто обещает сделать тебя богатым уже завтра. Они, как правило, или сумасшедшие, или мошенники.

ПИНOKKIO: Довольно. У меня уже голова болит от твоих советов.

СВЕРЧОК: Деревянная голова.

ПИНOKKIO: Опять за своё? Сущеная козявка!

СВЕРЧОК: Прощай. Да хранит тебя небо от бед и грабителей.

Тень исчезает.

ПИНOKKIO: Какие ещё грабители?.. Пусть только попробуют на меня напасть.

Я им так прямо и скажу: не на того напали, синьоры. Проваливайте-ка лучше подобру-поздорову... Ой...

Появляются Кот и Лиса, переодетые грабителями. Пиноккио, заметив их, прячет деньги в рот.

ЛИСА: Жизнь или кошелек!

КОТ: Зачем нам кошелек!? Деньги давай! Ну!

ЛИСА: Ну же! (*Хватает Пиноккио.*) Куда ты спрятал деньги, мерзавец?

КОТ: Он хочет унести их в могилу, ха-ха-ха!

ЛИСА: Сейчас мы покончим с тобой, а потом возьмёмся за твоего папочки.

ПИНOKKIO (*не разжимая челюстей*): Нет, нет! Не убивайте моего бедного отца!

КОТ: Ага! Деньги у него во рту.

ЛИСА: Открой рот, негодяй!

КОТ: Скажи дяде «а». Мяу!. Он меня укусил! Ах ты, деревянный!..

ЛИСА: Постой. Давай его повесим, тогда ротик сам откроется.

КОТ: Откроется, говоришь? Попробуем.

Вешают Пиноккио на ближайшем суху. Смотрят, ждут. Пиноккио молча болтает руками и ногами.

ЛИСА: Что ж, голубчик, повиси, подумай, а утром мы придём тебя проводать.

Кот и Лиса уходят.

ПЕППИНО (без маски): Страшное зрелище! Конечно, повесить деревянную куклу — не то же самое, что живого человека, но всё-таки... (*Снимает Пиноккио с суха.*) Я бы не стал показывать вам такие ужасы, если бы этого не произошло на самом деле. Но нет, всё случилось именно так. Разбойники ушли, а Пиноккио остался висеть на суху. Верёвка всё туже сжимала ему горло и, чувствуя приближение смерти, несчастный прошептал еле слышно: «Ах, отец мой! Если бы ты был здесь!» Потом он закрыл глаза, стиснул зубы, вытянул ноги и повис неподвижно.

НИНУЧЧА (*выходя из-за ширмы.*): Ой, Пеппино, когда ты рассказываешь, как он стиснул зубы и вытянул ноги, я всегда плачу — это так трогательно.

ПЕППИНО: О, святая мадонна! Эта женщина сведёт меня с ума!

НИНУЧЧА: Что я такого сказала?

ПЕППИНО: Запомни раз и навсегда — это я, я рассказываю историю.

НИНУЧЧА: Конечно, ты.

ПЕППИНО: Это моя история...

НИНУЧЧА: Конечно, твоя. Всё твоё, и деревянная голова твоя...

ПЕППИНО: Замолчи сейчас же, или я...

Пеппино бросается к Нинучче, спотыкается и падает.

НИНУЧЧА (*помогая ему подняться*): Ах ты мой непутевый. Разве так можно? Ты ведь уже не мальчишка.

Нинучча уводит со сцены хромающего Пеппино. На ширме три врача — Сыч, Ворон и Говорящий Сверчок — склонились над неподвижно лежащим Пиноккио. Рядом с ними — Фея с голубыми волосами.

ФЕЯ: Синьоры! Я хочу узнать ваше мнение, синьоры, о том, жив или мёртв этот злосчастный деревянный человечек.

ВОРОН: По моему мнению, человечек скорее мёртв, чем жив, хотя в момент освобождения от верёвочной петли он прошептал: «Теперь мне лучше», что позволяет условно считать его живым.

СЫЧ: К сожалению, я не могу согласиться с уважаемым доктором Вороном, ибо человек, сказавший «теперь мне лучше», по моему убеждению, скорее жив, чем мёртв, хотя, принимая во внимание, что это были его последние слова, условно его можно считать мёртвым. Я кончил.

ФЕЯ: Последнее слово за вами, дорогой Сверчок. Вы молчите?

СВЕРЧОК: Я утверждаю, что этот деревянный человечек — продувная bestия. (*Пиноккио начинает вздрагивать.*) Это негодник, мошенник, бездельник, бродяга... (*Пиноккио всхлипывает.*) Это непослушный мальчишка, который загонит в гроб своего обездоленного отца. (*Пиноккио зарыдал в голос.*)

СЫЧ: Когда мёртвый рыдает — это верный признак того, что жизнь к нему возвращается.

ВОРОН: Я с вами категорически не согласен. Когда живой рыдает вот так — это значит, что жить ему больше не хочется.

ФЕЯ: Благодарю вас, синьоры. Не скажете ли вы на прощание, что может помочь несчастному больному?

ВРАЧИ (*хором*): Горькое лекарство. Самое горькое лекарство.

ФЕЯ: Благодарю вас.

ВРАЧИ: Прощайте, уважаемая Фея. Прощайте.

Врачи удаляются.

ПИНOKКИО: Это правда, что вы — Фея?

ФЕЯ (*смеётся, подает Пиноккио кубок*): Выпей лекарство, мой мальчик.

ПИНOKКИО: Это лекарство?

ФЕЯ: Выпей, и через несколько дней ты будешь здоров.

ПИНOKКИО: Оно горькое?

ФЕЯ: Горькое.

ПИНOKКИО: Нет, горькое я пить не буду.

ФЕЯ: Мой мальчик, ты болен очень серьёзно.

ПИНOKКИО: Лучше умереть, чем глотать такое ужасное лекарство.

ПЕППИНО и НИНУЧЧА (*появляясь из-за ширмы*): В это мгновение чёрная дверь со скрипом отворилась и в комнату вошла чета Кроликов, чёрных, как чернила.

На ширме появляются Кролики, несущие чёрный гроб.

ПИНOKКИО: Кто это? Чего вы от меня хотите?

КРОЛИКИ: Мы пришли за тобой.

Гроб открывается.

ПИНOKКИО: За мной? Но ведь я ещё не мёртвый.

КРОЛИКИ: Ещё не мёртвый, но через несколько минут будешь мёртвым.

ПИНOKКИО: Нет! Я не хочу умирать. (*Быстро выпивает лекарство.*) Всё. Я выпил лекарство.

КРОЛИКИ: Что ж, на сей раз мы зря прогулялись.

Кролики с гробом уходят.

ПИНOKКИО (*радостно прыгая и размахивая руками*): Убирайтесь, убирайтесь прочь! Проваливайтесь, пошли все отсюда! Не очень-то я вас испугался.

ФЕЯ: Я вижу, лекарство подействовало быстрее, чем я думала. Успокойся, сядь и расскажи по порядку, что с тобой случилось.

ПИНОККИО: Ну... Сначала я пошёл в школу, а... синьор Манджафоко дал мне пять золотых... а Кот и Лиса говорят: пойдём с нами, а я говорю: нет, не пойду, а в лесу на меня грабители: а-а-а! Давай деньги! А я — раз! — и укусил, а они: а-а-а! И повесили меня на суху, а потом...

ФЕЯ: Потом я нашла тебя и велела принести в мой замок. Так где же твои золотые монеты?

ПИНОККИО: Я их... потерял.

Нос у Пиноккио начинает расти.

ФЕЯ: Где потерял?

ПИНОККИО: Где-то в лесу.

Нос вырос еще чуть-чуть.

ФЕЯ: Тогда мы их обязательно найдём — в нашем лесу ничто не теряется насовсем.

ПИНОККИО: Нет, теперь я точно вспомнил: я их не потерял, я их проглотил вместе с вашим лекарством.

Нос становится невероятно длинным. Фея смеётся.

ПИНОККИО: Почему вы смеётесь?

ФЕЯ: Потому, что ты соврал.

ПИНОККИО: Я соврал?..

ФЕЯ: У твоего вранья слишком длинный нос, чтобы его не заметить.

ПИНОККИО: Ой! Ой-ой-ой! Простите меня, милая Фея. Я больше никогда...
Никогда...

ФЕЯ: Все мальчишки так говорят. Надо бы тебя проучить, но мне жаль твоего отца.
Он огорчится, застав тебя здесь в таком виде.

ПИНОККИО: Как, папа Джеппетто придёт сюда?

ФЕЯ: Да, я пригласила его. Так что, будь добр, приготовься к встрече.

Фея хлопает в ладоши, и нос Пиноккио принимает прежний вид.

ПИНОККИО: Спасибо вам, милая Фея. Вы такая добрая. Я обещаю, что никогда больше не буду вас огорчать.

ФЕЯ: Посмотрим, посмотрим.

ПИНОККИО: А когда придёт мой отец?

ФЕЯ: Мне кажется, он уже спешит сюда по лесной дороге.

ПИНОККИО: Я побегу к нему навстречу, можно?

ФЕЯ: Только смотри, никуда не сворачивай.

ПИНОККИО: Не сверну!

ФЕЯ: Посмотрим.

Пиноккио бежит по лесу.

ПИНОККИО: Мой дорогой отец... Я так тебя люблю... Я никуда не сверну...

Навстречу Пиноккио выходят Нинучча и Пеппино в масках Лисы и Кота.

ЛИСА: Ты посмотри, братец, кто бежит. Это же наш миленький Пиноккио.

КОТ: Просто никуда от него не спрячешься.

ЛИСА: Вот и молодец. Идём скорее, мы ещё успеем.

ПИНОККИО: Куда?

КОТ: Куда, куда? В страну Лопухов.

ЛИСА: Ты зароешь свои монеты на
Лопушином поле, польёшь водой
из Лопушиного ручья, и к утру из
каждого золотого вырастет...

КОТ: Лопушиное дерево.

ЛИСА: Что?.. Да, да, дерево, а на каждой веточке... по золотой монете —
знай собирай.

КОТ: Собирай себе в мешок, как груши.

ПИНОККИО: Нет, сейчас я не могу.

ЛИСА: Вот, опять!

КОТ: Вот, опять!

ЛИСА: Сейчас или никогда.

КОТ: Сейчас или никогда.

ПИНОККИО: Но мой бедный отец...

ЛИСА: Какой же он бедный! Ты принесёшь ему мешок золота, и он станет богаче короля.

КОТ: Папочка будет гордиться тобой.

ЛИСА: Ну, соглашайся.

КОТ: Ну!..

ЛИСА: Ну!..

ПИНОККИО: Я согласен!

Пеппино и Нинучча снимают маски.

ПЕППИНО: Не прошло и получаса, как вся компания остановилась на большой лесной поляне.

НИНУЧЧА: Вчера ты говорил, что это был пустырь за городом.

ПЕППИНО: О, мамма мия! Пустырь, поляна — какая разница! Или ты думаешь, на пустыре монеты лучше прорастают?

НИНУЧЧА: Да, да, да! Всё так и было на самом деле, только никому не известно где!

ПЕППИНО: Всё! Рассказывай сама, раз такая умная. Я больше слова не скажу.

Рассерженный Пеппино уходит, активно жестикулируя.

НИНУЧЧА: Пеппино... Обиделся. Что ж тут рассказывать — вы и сами, небось, обо всём уже догадались. Глупенький Пиноккио закопал свои монеты... вот здесь и... побежал к ручью... за водой. Тем временем Кот с Лисой быстренько их откопали и... убежали... Пеппино... Ну где же ты?.. Пеппино!..

Растерянная Нинучча уходит.

ПИНОККИО (*приносит воду, поливает*): Ай да я! Ай да молодец! Вот удивятся папа Джеппетто и моя добрая Фея... Да, а в чём же я потащу столько монет, ведь у меня нет с собой мешка?..

На ветке появляется Попугай:

ПОПУГАЙ: Мозгов, мозгов у тебя нет — вот что главное. Облопушили!

ПИНОККИО: Что ты сказал?

ПОПУГАЙ: Сказал, что денежки твои уже давно убежали.

Пиноккио быстро разрывает землю и убеждаетя, что монеты исчезли.

ПИНОККИО: А где же монеты? Эй, Кот,

Лиса, где вы?

ПОПУГАЙ: Осёл! Осёл! Облопушили!

Попугай улетает.

ПИНОККИО: Ах, глупая моя голова! Зачем я поверил этим проходимцам?

Нинучча вытаскивает на сцену сопротивляющегося Пеппино и встаёт перед ним в до смешного торжественную позу.

НИНУЧЧА: Пеппино! Я обещаю больше никогда не вмешиваться в твою историю!

ПЕППИНО (рассмеявшись): О! Ради этого я готов на всё. (Включается в игру.) Пиноккио отругал себя как следует...

ПИНОККИО: Почему я никогда не слушаю тех, кто желает мне добра, тех, кто меня любит и кто в тысячу раз умнее меня?!

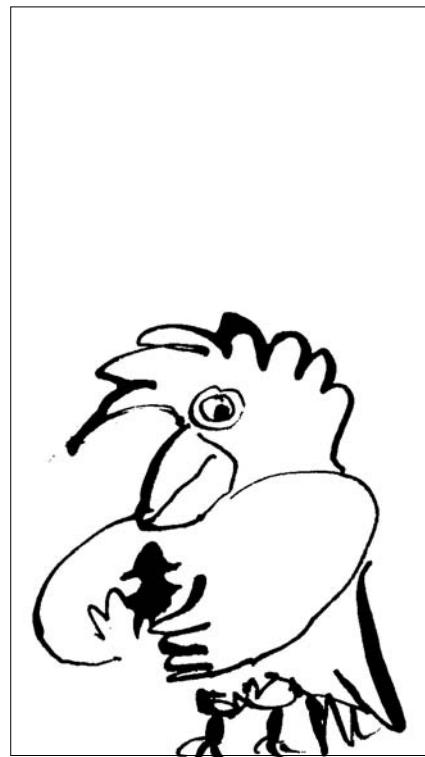
ПЕППИНО: Отругал и отправился искать обратную дорогу к замку Феи с голубыми волосами.

ПИНОККИО (бежит): Скорее, скорее. Больше меня ничто не остановит... (Осторожно наваливается, оглядывается.) А где же замок? Он стоял здесь, я точно помню... (Обращает внимание на мраморную плиту.) Что это? (Читает.) «Здесь похоронена Фея с голубыми волосами, умершая в страданиях от того, что её очень огорчил обманщик по имени Пиноккио».

Пиноккио долго сидит перед плитой неподвижно, потом падает на неё и начинает громко рыдать, причитая.

ПИНОККИО: О моя милая бедная Фея, почему ты умерла? Почему я, такой плохой, не умер вместо тебя, такой хорошей? Где теперь мой отец? Скажи, скажи, где мне его искать...

Пиноккио продолжает беззвучно рыдать. Утирая слёзы, на сцену выходит Пеппино.

ПЕППИНО: Удивительно и непонятно даже мне самому, как Пиноккио умудрился прочитать надпись на мраморной плите. Но не удивляйтесь этому слишком сильно, потому что самое удивительное в моей истории ещё впереди.

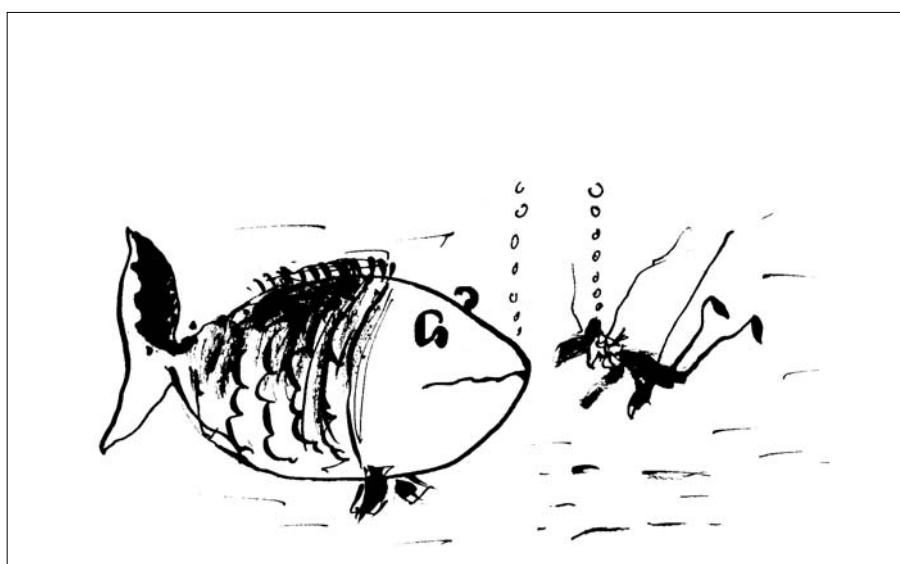
НИНУЧЧА (*деловито направляется к занавесу*): Всё, всё, Пеппино. Ты устал, пора отдохнуть.

ПЕППИНО: Нет... Я, разумеется... (*Захлёбывается слезами.*)

НИНУЧЧА: И не спорь со мной. Всё. Антракт.

Занавес закрывается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Волнуется занавес, как бурное море. Блещут молнии, гремит гром.

ПЕППИНО: Вот буря так буря! (Бьёт в барабан, изображая гром.) Гроза! (Бьёт в барабан.) Гром грохочет. (Бьёт в барабан.)

НИНУЧЧА (переставая трясти занавес): Пеппино, не стучи так сильно, опять порвёшь барабан.

ПЕППИНО: Волнуй, волнуй море, Нинучча. Буря ещё только начинается. (Бьёт в барабан.)

НИНУЧЧА (ворчит): Каждый день то буря, то землетрясение... Волную, волную...
(Волнует море.)

ПЕППИНО: Видите? Вы видите маленькую точечку на самом горизонте? Это старый Джеппетто борется с огромными волнами. Бедный Джеппетто! Он ждал, ждал своего Пиноккио, искал его повсюду, а потом решил, что непослушный мальчишка уплыл в Америку — в те времена непослушные мальчишки частенько так поступали, — и вот старик сел в лодку и отправился вслед за ним через бурный океан. Несчастный Джеппетто! Кто теперь спасёт его от такой бури?

ПИНОККИО (плывёт по бурному морю): Отец! Я спасу тебя. Держись, мой дорогой, мой любимый папа Джеппетто. Я плыву к тебе. Я тебе помогу!

ПЕППИНО: Ах, маленький добрый Пиноккио! Ему ли сражаться с большим-пребольшим, просто огромным, сердитым океаном!

Волна выбрасывает Пиноккио на берег.

ПИНОККИО: Никчёмная я деревяшка! Эй!.. Э-ге-гей!..

РЫБА (*появляется*): В чём дело?

ПИНОККИО: Синьора Рыба!

РЫБА: Я вижу, вы хотите о чём-то меня спросить?

ПИНОККИО: Да. Вы плаваете по морю днём и ночью. Не повстречалась ли вам случайно маленькая лодочка с моим отцом?

РЫБА: Лодочка? Она, конечно, утонула во время бури. Это очевидно.

ПИНОККИО: А мой отец?

РЫБА: Его, скорее всего, проглотила страшная Акула. Поверите ли, в наших водах никому нет от неё спасения.

ПИНОККИО: Она большая, эта Акула?

РЫБА: Как вам сказать? Пожалуй, с пятиэтажный дом.

ПИНОККИО: Мамочка!

РЫБА: Вот именно. Будьте здоровы. (*Исчезает*.)

ПИНОККИО: Легко сказать: будьте здоровы. Если даже я не умру от тоски и печали, то всё равно скоро погибну от голода.

Пепино в чернобородой маске катит через сцену тачку с углем.

ПИНОККИО: Синьор! Буря выбросила меня на этот берег. Не дадите ли вы мне пару сольдо, чтобы я не погиб от голода?

ЧЕРНОБОРОДЫЙ: Стыдно попрошайничать. Разве ты старик или калека? Помоги мне довезти уголь, и я дам тебе четыре сольдо.

ПИНОККИО: Уголь? Хотите, чтобы я возил какой-то уголь? Ха-ха!

ЧЕРНОБОРОДЫЙ: Тогда отрежь кусок от своего высокомерия — на ужин тебе хватит. (Уходит.)

ПИНОККИО: Высокомерие? Откуда мне знать, что такое высокомерие? (Появляется Пеппино в рыжебородой маске с мешком на спине.) Синьор! Войдите в положение бедного деревянного человечка, умирающего от голода. Всего одно сольдо, синьор.

РЫЖЕБОРОДЫЙ: С удовольствием, только сперва помоги мне донести мешок.

ПИНОККИО: А он тяжёлый?

РЫЖЕБОРОДЫЙ: Думаю, не тяжелее твоего положения, приятель.

ПИНОККИО: Но я никогда не был выночным животным.

РЫЖЕБОРОДЫЙ: Значит, я ошибся — твоё положение вполне сносно. (Уходит.)

ПИНОККИО: Наверное, это была шутка. Но только мне теперь не до смеха. (Появляется Нинучча с кувшином, в маске с голубыми волосами.) О добрая донна, мне очень плохо. Позвольте глотнуть водички из вашего кувшина.

ФЕЯ: Пей на здоровье, мой мальчик.

ПИНОККИО (узнав Фею): Вы?..

ФЕЯ: Что тебя так удивило?

ПИНОККИО: Вы... вы похожи...

ФЕЯ: Пей. (Пиноккио пьёт.) Бедный деревянный человечек.

ПИНОККИО: Да, да, это тот же голос... Ах, милая

Фея, ну скажите же мне, что это действительно вы!.. Если бы вы знали... Я так страдал!

ФЕЯ: Как же ты, деревянный плутишка, догадался, что это я? Ведь я сильно изменилась с тех пор.

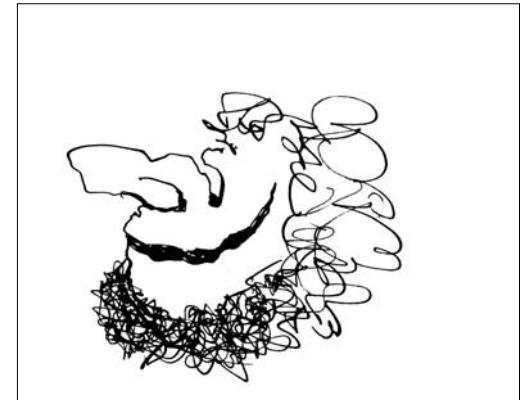
ПИНОККИО: Изменились? Ну и что ж? Ведь я всё так же вас люблю, милая Фея. Но вы и в самом деле здорово выросли. Как вам это удалось?

ФЕЯ: Это моя тайна.

ПИНОККИО: Мне бы тоже хотелось стать хоть чуточку больше.

ФЕЯ: Деревянные человечки не растут.

ПИНОККИО: Ах! Мне осточертело быть деревянным! Я хочу быть настоящим человеком.

ФЕЯ: И ты станешь им, если заслужишь.

ПИНОККИО: Как?

ФЕЯ: Ты должен привыкнуть быть хорошим мальчиком. Вот и всё.

ПИНОККИО: А разве я?..

ФЕЯ: Хорошие мальчики послушны, а ты...

ПИНОККИО: А я непослушный.

ФЕЯ: Они прилежно учатся.

ПИНОККИО: А я — лентяй и бродяга.

ФЕЯ: Хорошие мальчики всегда говорят правду.

ПИНОККИО: А я всегда говорю неправду... Но ведь это правда, что вы не умерли?

Скажите, милая Фея.

ФЕЯ (улыбаясь): Как будто бы правда.

ПИНОККИО. Ура!.. Можно... вы будете моей мамой?

Фея берёт Пиноккио на руки и нежно прижимает к груди.

ПЕППИНО: Пиноккио был так рад увидеть Фею снова живой...

ПИНОККИО: Я был просто счастлив!

НИНУЧЧА (снимает маску Феи): А Фея пообещала, что через год он станет настоящим мальчиком...

ПЕППИНО: Если всё это время будет хорошо себя вести...

НИНУЧЧА и ПЕППИНО: И прилежно заниматься.

ПЕППИНО: Год пробежал совсем незаметно.

НИНУЧЧА: И вот наконец...

ПЕППИНО: И вот наконец...

НИНУЧЧА (надевает маску Феи): Завтра я исполню твоё желание.

ПИНОККИО: Какое? Ведь у меня так много желаний.

ФЕЯ: Завтра ты уже не будешь деревянным человечком, а станешь... настоящим...

ПИНОККИО: Мальчиком?!

ФЕЯ: Ты рад этому?

ПИНОККИО: Ещё бы! Если только это не шутка.

ФЕЯ: Иди и пригласи по этому случаю своих друзей на чай с тортом. Но помни: прежде чем стемнеет, ты должен вернуться домой. Понял?

ПИНОККИО: Обещаю вернуться не позже, чем через час.

ПЕППИНО: Вы слышали: обещаю не позже, чем через час.

НИНУЧЧА: Обещаю! Да так говорят все мальчишки, когда хотят, чтобы их отпустили погулять.

ПЕППИНО: Конечно, но теперь он стал совсем другим человеком.

ПИНОККИО: Теперь моему слову можно верить.

ПЕППИНО: Да, теперь уже ничто не заставит его нарушить своё обещание.

НИНУЧЧА: Так уж и ничто?

ПЕППИНО: Давай спорим.

НИНУЧЧА: Что я буду спорить — ведь это твоя сказка. (*Уходит.*)

ПЕППИНО: Вот именно — это моя сказка.

Пеппино тоже покидает сцену. Вдруг раздаётся позвякивание бубенчика и появляется пестрый фургон, запряжённый ослом. На козлах сидит Господинчик, рыжий, с большим, всегда улыбающимся, ртом.

ПИНОККИО: Что это? Неужели в наш город приехал бродячий цирк?

ГОСПОДИНЧИК: Не угодно ли прокатиться, молодой человек?

ПИНОККИО: Разумеется, угодно... То есть, конечно, только... не сейчас...

ГОСПОДИНЧИК: Не сейчас, через час мы будем далеко от вас.

ПИНОККИО: Я же не знаю, куда вы едете.

ГОСПОДИНЧИК: Зато я знаю, куда вам хочется. Мы едем в Страну Развлечений.

ПИНОККИО: Куда-куда?

ГОСПОДИНЧИК: В страну, где выходные дни по четвергам, а в неделе шесть четвергов и одно воскресенье.

ПИНОККИО: А когда там ходят в школу?

ГОСПОДИНЧИК: Да никогда. У нас и школы-то нет! Ни школы, ни учителей, ни учебников.

ПИНОККИО: А что же есть?

ГОСПОДИНЧИК: Одни развлечения и больше ничего. Разве этого не достаточно?

ОСЁЛ: Берегись, Пиноккио!

ПИНОККИО: Что это? Осёл разговаривает?

ГОСПОДИНЧИК: Эка невидаль! В Стране Развлечений таких ослов видимо-невидимо. Садись живее.

ПИНОККИО: Я бы с радостью, но не могу — моя мама будет огорчена...

ГОСПОДИНЧИК: К чему думать о груст-

ном, отправляясь в страну, где в неделе шесть четвергов и одно воскресенье?!

ПИНОККИО: Не уговаривайте меня, я обещал...
ГОСПОДИНЧИК: Нет, нет, никакого насилия.

Прощай.

ПИНОККИО: Постойте!.. Неужели правда, что у вас нет ни учителей, ни учебников?

ГОСПОДИНЧИК: Ха-ха! Даже эти слова считаются у нас непристойными.

ПИНОККИО: Постойте...

ГОСПОДИНЧИК: Ну?..

ПИНОККИО: А правда?..

ГОСПОДИНЧИК: Ну?..

ПИНОККИО: Я... Я хочу ехать с вами.

ГОСПОДИНЧИК: Так в чём же дело! Поехали!

Н. Шубалов

Пиноккио залезает в фургон, и повозка уезжает, весело звеня бубенчиками.

НИНУЧЧА: Вот вам и обещание! Я же говорила!

ПЕППИНО: Говорила, говорила... Но ты же не захотела со мной спорить.

НИНУЧЧА: Ха! Спорить! Тогда бы ты всё рассказал иначе.

ПЕППИНО: Ах, если бы я мог, конечно, рассказал бы иначе. Но в том-то и штука.

Ах, этот гадкий деревянный мальчишкаА! Ведь он уже вот-вот готов был стать настоящим человеком, и... И я вам скажу... Нет, я вам лучше покажу, чем кончилось это возмутительное путешествие. О, мама мия!

Пеппино и Нинучча надевают клоунские маски.

КЛОУН НИНУЧЧА: Только в нашем цирке, только по четвергам — большая группа лопоухих ослов! Ленивее зверя нет на свете. У нас они пляшут в ослином балете!

КЛОУН ПЕППИНО: Бесплатные карусели! Дружно сели и поехали, вместо учения, от воскресения до воскресения!

КЛОУН НИНУЧЧА: Беспрогрызная лотерея! Кто всех быстрее съест килограмм шоколаду — получит ёшё, в награду. А кто не успел, и тот не внакладе: все перемажутся в шоколаде!

ПИНOKKIO: Ай да страна! И я ещё сомневался, ехать мне сюда или не ехать. Осёл бы я был, если бы упустил такой случай.

КЛОУН ПЕГПИНО (*в мешке по пояс*): Бег в мешках не ради успеха, а исключительно ради смеха. Никто от вас ничего не хочет, один упадет, а все хохочут!

КЛОУН НИНУЧЧА: Лучшее развлечение для населения — кривые зеркала. (*Появляется Пиноккио с ослиными ушами.*) Эй, прохожий, подойди, полюбуйся своей... своей милой физиономией.

ПИНOKKIO (*смотрит в зеркало, смеётся*): Ох-хо-хо! Вот это да! Вот так страшилище! (*Подходит к другому зеркалу.*) А тут-то ещё страшнее. Ну, потеха! И уши, как у осла. (*Щупает свои уши и настораживается.*) Ой! А простое зеркало у вас есть?

КЛОУН НИНУЧЧА: Мои зеркала — что может быть проще! В одном ты толстый, в другом ты тощий. И не зеркала виноваты, если уши твои длинноваты. Хаха-ха! (*Убегает.*)

ПИНOKKIO: Как это уши? Что значит, длинноваты? Да у меня вообще не было ушей — папа Джеппетто забыл их сделать. Нет, наверное, я заболел. Ну конечно, у меня жар. Ой, мамочка, как мне плохо!

Пиноккио падает, закрыв лицо руками. Появляются доктора: Ворон, Сыч и Сверчок.

СЫЧ: Что скажете, доктор Ворон?

ВОРОН: Двух мнений тут быть не может — у мальчика ослиная лихорадка.

СЫЧ: Полностью разделяю вашу точку зрения: лихорадка ослиная обыкновенная, болезнь обычна в этих местах.

ПИНOKKIO: Я так и знал. Лечите меня скорее, лечите. Я согласен выпить горькое лекарство.

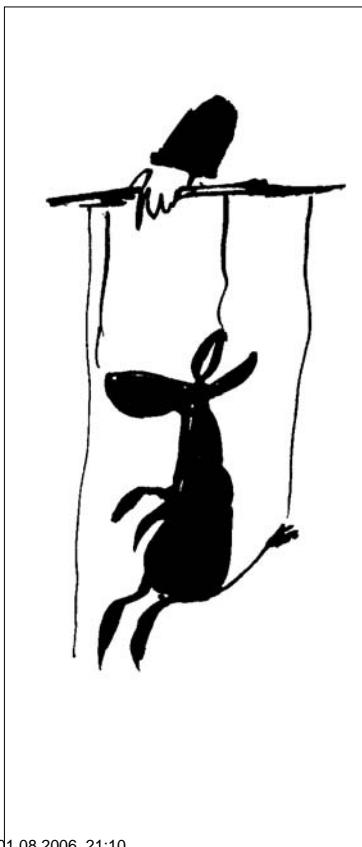
СЫЧ: К сожалению, эта болезнь не поддаётся лечению.

ПИНOKKIO: Так что ж, я так и буду всю жизнь ходить с ослиными ушами?

ВОРОН: И не только с ушами.

ПИНOKKIO: Что вы имеете в виду?

СВЕРЧОК: Ты сам прекрасно всё понимаешь. Я давно предупреждал тебя об этом. Кто не

слушает умных советов, кто решил, что учиться совсем не обязательно, рано или поздно превращается в осла, и с этим ничего нельзя поделать.

ВОРОН: Летим, доктор Сыч?

СЫЧ: Летим, коллега, летим.

Врачи улетают.

ПИНОККИО: Подождите, не улетайте! И я... и-а, и-а...

Пиноккио превращается в осла.

ПОПУГАЙ (*пролетая мимо*): Осёл, осёл! Я узнал тебя. Ты и без ушей был ослом и теперь нисколько не изменился. Осёл!

ГОСПОДИНЧИК (*появляется с хлыстом в руке*): О! Какое удачное превращение!

Поздравляю! Теперь четверги для тебя кончились, и все дни станут, допустим, понедельниками, ха-ха-ха! За работу, длинноухий! (*Бьёт осла, тот кричит.*) Знаю, знаю, что ты хочешь сказать: «Ах, зачем я уехал от моей любимой мамочки!..» Могу тебя утешить: в нашей стране много ослов и все говорят одно и то же. Пошёл! (*Бьёт осла, тот бежит и кричит.*) Да, да, да, понимаю. Конечно, лучше было бы тебе учиться в школе. Но и на это у меня есть утешительный ответ: как раз ученьем мы с тобой и займёмся. Я научу тебя зарабатывать деньги... для меня. Ха-ха-ха! Ты станешь артистом ослинного цирка. Танцуй! (*Бьёт осла, тот неуклюже подскакивает и кричит.*) Выше! Выше! (*Бьёт осла, тот кричит и падает.*) Эти артисты такие нежные — только что издох мой лучший танцовщик осёл Умберто. Умберто пятый. А и потанцевал-то всего ничего. Правда, Умберто четвертый танцевал ещё меньше. Теперь твоя очередь. Ты будешь Умберто шестой. Пошёл!

Господинчик бьёт осла хлыстом, тот поднимается и бежит, подскакивая. Из-за ширмы выбегает Нинучча.

НИНУЧЧА: Хватит! Баста! Я больше не могу смотреть, как издеваются над бедным животным. Прекрати!

ПЕППИНО (*выскакивая из-за ширмы*): Нинучча! Ты опять вмешиваешься не в своё дело. Ни слова! Я очень зол на этого бездельника, на этого обманщика, на этого... на этого... Молчи! Сколько раз он давал обещание исправиться и... Не защищай его! На этот раз я должен наказать его как следует.

НИНУЧЧА: Как это — на этот раз? Что ты говоришь? Ведь ты же рассказываешь только то, что случилось на самом деле.

ПЕППИНО: Конечно... Но всё равно, я на него очень зол. И не спорь со мной, когда я в гневе, — это опасно для жизни!

*Картинно рыча и яростно врацая глазами, Пеппино скрывается за ширмой.
Звучит цирковой марш.*

ПОПУГАЙ: Сегодня и всегда по четвергам в нашем цирке новая звезда балета Осёл Умберто шестой! Торопитесь! Только по четвергам! Умберто шестой!

Звучит бравурная музыка, осёл бежит по кругу, смеинко подскакивает. Господинчик подстегивает его хлыстом.

ГОСПОДИНЧИК: Пошёл! Вальс! Выше! Вальс! Быстрее! (Осёл спотыкается и падает.) Что такое? Звезда балета капризничает? А ну, живо вставай. (Осёл пытается встать и не может.) Ах бездельник! Ты сломал ногу? Как ты посмел сломать ногу, не заработав для меня ни одного сольдо. Ах ты плут! Ах негодяй! Ах, что я с тобой сделаю! Я сдеру с тебя шкуру, набью её соломой и поставлю чучело у входа в цирк. Нет, я натяну эту шкуру на барабан и буду бить в него со всей силы перед началом представления... Нет, я не желаю больше с тобой возиться — я просто утоплю тебя в море, чтоб в другой раз ты знал, как меня обманывать. Вот!

НИНУЧЧА: Ах, жестокий ты человек! Ну скорее же скажи ребятам, что бедный Пиноккио не погиб.

ПЕППИНО: Да, действительно, мошенник и на этот раз каким-то чудом вышел сухим из воды. Вернее, он не был сухим и даже из воды он не вышел, но всё-таки спастись ему удалось, я сам не знаю как. Не знаю!

НИНУЧЧА: А я знаю!

Нинучча скрывается за ширмой. На ширме появляется Рыба.

РЫБА: Чудеса... Просто какая-то, я бы сказала, мистификация. Хотела полакомиться утонувшим ослом — мы, рыбы, знаете ли, любим всякие деликатесы — только прокусила шкуру, как вдруг оттуда...

Рядом с Рыбой «всплывает» Пиноккио.

ПИНОККИО: Ах, синьора Рыба, вы спасли меня от неминуемой жестокой смерти. Не знаю, право, стоит ли мне благодарить вас за это — кому нужна эта глупая никчёмная деревяшка?

РЫБА: О! Я вспомнила — однажды мы с вами уже встречались, и тогда вы тоже называли себя никчёмной деревяшкой. Смотрите, не превратилось бы это у вас в дурную привычку.

ПИНОККИО: Видите ли, синьора...

РЫБА: Берегитесь!

Сцена погружается в темноту.

ГОЛОС ПИНОККИО: Что произошло? Я снова умер?

ГОЛОС РЫБЫ: Я так и знала. Нас проглотила страшная Акула.

ПИНОККИО: Как здесь темно, темнее, чем в ослиной шкуре. Зато гораздо проще. Эге-ге-гей!.. Какое эхо. Эге-гей!

ГОЛОС: Ау!..

ПИНОККИО: Странное эхо. И огонёк, я вижу огонёк.

Пиноккио идёт по направлению к огоньку и видит, что у догорающей свечи сидит старый, совсем седой Джеппетто.

ДЖЕППЕТТО: Ау! Кто здесь?

ПИНОККИО: Не может этого быть!.. Неужели это ты, мой дорогой, мой любимый, мой бедный папа Джеппетто?

ДЖЕППЕТТО: Пиноккио! Пин... Пин... оккио...

Папа Джеппетто обнимает Пиноккио, и оба плачут от счастья.

ПИНОККИО: Папа Джеппетто! Прости меня, прости меня за всё.

ДЖЕППЕТТО: Сынок, я видел, как ты плыл мне на помощь по бурному морю. Но моя лодка перевернулась и меня проглотила страшная Акула.

ПИНОККИО: И меня страшная Акула.

ДЖЕППЕТТО: Да, но меня она проглотила на два года раньше. К счастью, она тогда же проглотила тонущий корабль. Матросам удалось спастись, а всё, что было на корабле, досталось мне. У меня была еда, пресная вода, свечки, спички... От всего этого остался последний огарочек свечи...

ПИНОККИО: Папа Джеппетто, мы вместе совершим побег.

ДЖЕППЕТТО: Сынок, я уже думал об этом. Акула стара, у неё астма и больное сердце, поэтому она спит с открытым ртом, и тебе, конечно, удастся спастись, но я... я не умею плавать.

ПИНОККИО: Зато я — отличный пловец, я довезу тебя до берега, можешь не сомневаться. Пошли скорее, пока свечка не догорела.

Папа Джеппетто и Пиноккио уходят. Перед ширмой появляется Пеппино с куклой Пиноккио.

ПЕППИНО: И на этот раз Пиноккио сдержал слово, он довез до берега своего любимого папу Джеппетто, хотя сам едва не лишился чувств от усталости. Добравшись до берега, он сразу уснул крепко-прекрепко. Ему приснилось поле, на котором росли золотые деревья, шелестевшие золотыми листьями.

Следующая сцена представляет собой сон Пиноккио.

ПИНОККИО (*гуляет среди золотых деревьев*): Золотые деревья...

Из-за деревьев появляются Кот и Лиса.

ЛИСА: Видишь, Пиноккио, мы тебя не обманули.

ДРОЗД (*с ветки на дереве*): Не слушай этих жуликов, а то потом наплачешься.

КОТ (*ловит Дрозда и съедает*): Мы с сестрёнкой никогда никого не обманываем. (*Исчезают.*)

ПИНОККИО: Значит, я теперь богатый.

СВЕРЧОК: Не доверяй тем, кто обещает сделать тебя богатым: они, как правило, или сумасшедшие, или мошенники.

ПИНОККИО: Но ведь эти деревья...

СВЕРЧОК: Деревянная голова...

Золотые деревья исчезают.

ПОПУГАЙ (*пролетая*): Облопушили! Облопушили!

ПИНОККИО: Ах, никчёмная я деревяшка!

РЫБА (*проплывая*): Не превратилось бы это у вас в дурную привычку.

ПИНОККИО: Нет, я больше не хочу быть деревянным, не хочу! Лучше умереть, чем жить без мозгов, без сердца...

Появляются чёрные Кролики, несущие гроб.

КРОЛИКИ: Мы пришли за тобой.

ПИНОККИО: За мной?.. С чего вы взяли?.. Я вовсе не собираюсь умирать. Если я умру, кто позаботится о моём бедном отце? Убирайтесь! Я не оставлю тебя, папа Джеппетто!

ФЕЯ (*появляется*): У тебя доброе сердце, мой мальчик, и я вижу, что ты уже стал настоящим человеком.

Сон кончается. Перед шицмой Пеппино с куклой Пиноккио.

ПЕППИНО: И вот что самое удивительное: когда, проснувшись, Пиноккио открыл глаза, он сам себя не узнал. На берегу моря, у ног старого седого папы Джеппетто лежала не деревянная кукла, а самый настоящий живой мальчик. Да, да. Хотите верьте, хотите нет, но именно так оно и было. Я говорю об этом с такой уверенностью, потому что этим мальчиком был я сам.

Из-за шицмы, открыв рот от удивления, появляется Нинучча.

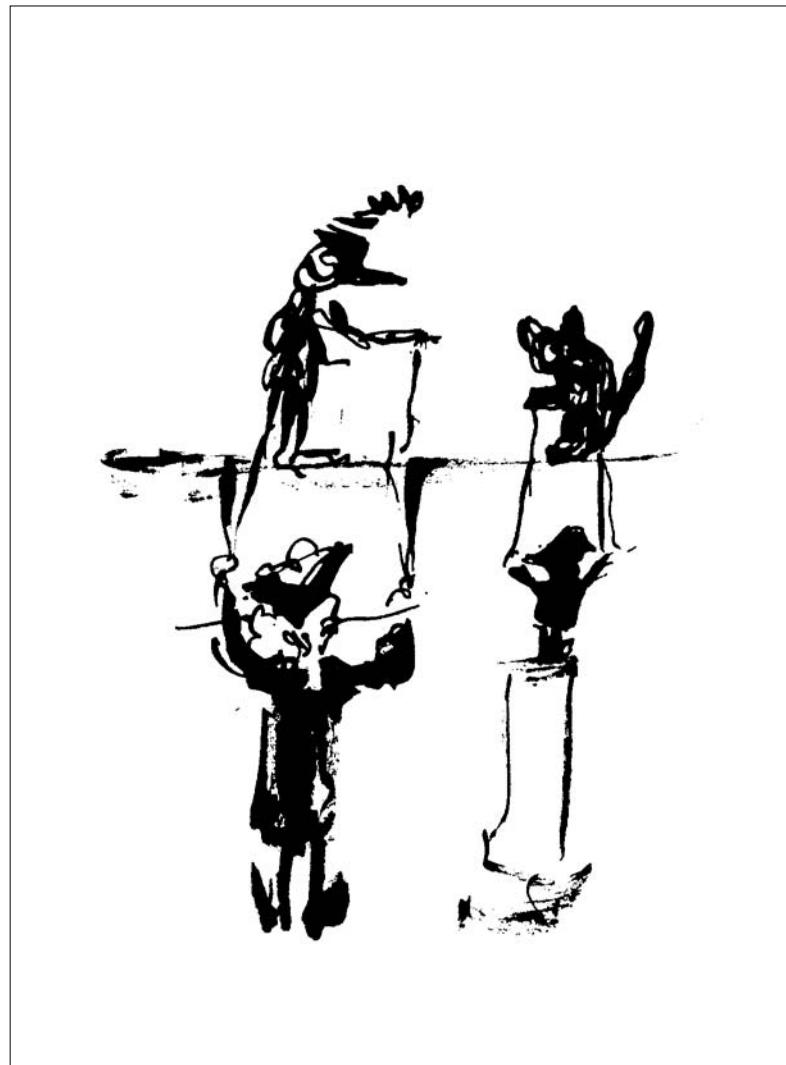
НИНУЧЧА: Пеппино!..

ПЕППИНО: Да. Да, дорогая Нинучча. Я никогда не рассказывал тебе об этом, всё как-то не приходилось. Но вот теперь ты знаешь всю мою историю — от начала до конца. Что же ты стоишь? У почтеннейшей публики уже чешутся ладошки. Кланяйся!

Нинучча, Пеппино и помогавшие им актёры кланяются.

КОНЕЦ

КАРАЛИК НОС

Пьеса в 2-х действиях
по сказке В. Гауфа

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ШУТ

ЛУКАС, звонарь

ЯКОБ, он же Кот, он же карлик Нос

МАРТА, зеленщица, мать Якоба

ГАНС, мясник

КРОЙТЕРВАЙС, колдунья,
она же Старуха, она же Птичница

ГЕРЦОГ

КНЯЗЬ

ГЛАВНЫЙ ПОВАР

ВЕТТЕРБОК, маг и чародей

МИМИ, его дочь, она же Гусыня

МЫШИ

КРЫСЫ

ПОВАРЯТА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Средневековый город в Германии. Кресты соборов, башни герцогского замка, островерхие крыши домов, арки торговых лавок. На колокольне уныло звонит колокол.

Интермедиа

ШУТ (*вторит колокольному звону*):

Бом — бим —
сладко спим.
Бим — бом —
потом встаём.
Бом — бим —
поедим.
Бим — бом —
потом попьём.
Бом — бим —
жить хотим.
Бим — бом —
и все помрём... бом... бом...

Эй, старина Лукас! Ты ещё жив?

ЗВОНАРЬ (*с колокольни*): Ты что, не слышишь, как я звоню?

ШУТ: Слышу, слышу — скучно звонишь. Я думал, ты повесился на колокольной верёвке и качаешься на ветру. Бим — бом...

ЗВОНАРЬ: Типун тебе на язык! Ишь, что выдумал, богохульник!

ШУТ: Это ещё вопрос, кто из нас богохульник. Уж я во славу божию отзвонил бы что-нибудь побимбомблямистей, подиньдондынькал бы повеселее на всех колоколах, а не бумкал, как ты, в один котёл — бум-бум, бум-бум, — будто на панихиде.

ЗВОНАРЬ: То-то говорят: шуту всё одно — что свадьба, что поминки. Нашёл время веселиться. Война! Третий месяц воюем, а ему, вишь, побимблямкать повеселее.

ШУТ: Думаешь, под твоё бумканье приятнее помирать, чем под моё диньдондрыньканье?

ЗВОНАРЬ: Вот пустозвон! Один звонишь, как целая колокольня. Видать, сам дьявол дёргает тебя за язык.

ШУТ (*изображает страшный испуг*): Чур, чур меня! Тыфу! Ты что, старина Лукас, совсем спятил? Поминать дьявола да ещё с такого высокого места! Или тебе стало скучно и захотелось поболтать с ним?

ЗВОНАРЬ: С кем?

ШУТ: Да с дьяволом.

ЗВОНАРЬ: Свят, свят, свят! Что ты несёшь? Перекрестись, отступник! Впрямь беду накличешь. (*Звонит в колокол.*)

Темнеет. Поднимается ветер, хлопают ставни, воют собаки, летят сорванные с деревьев листья. В призрачном лунном свете по городу проходит Старая Колдунья.

Картина первая

Базар. Рядом стоят лавки мясника Ганса и зеленицы Марты. Ганс разделяет туши. Якоб, сын Марты, наблюдает за его работой.

ЯКОБ: Послушай, Ганс, для кого ты рубишь эту говядину? Все мужчины ушли на войну.

ГАНС: Наш герцог любит покушать, а одной войной сыт не будешь.

ЯКОБ: Аихо ты воюешь с этими тушами!

МАРТА: Помолчи, Якоб. Только мешаешь работать господину Гансу.

ЯКОБ: Тебя бы, Ганс, на войну — ты бы им показал, как надо рубить.

МАРТА: Не приведи господь! Скорее бы она кончилась, эта война. И за что нам такое наказание?

ГАНС: За что?! Продали душу дьяволу, вот и воюем.

ЯКОБ: Как это? Продали душу? Продать можно мясо или овощи — это понятно.

А захочу я, к примеру, продать душу...

МАРТА (*испуганно*): Язык бы у тебя отсох! Слава богу, никто не слышал...

Оглядывается и замечает неожиданно неизвестно откуда появившуюся горбатую, длинноносую Старуху. В трясущихся руках с крючковатыми пальцами она держит большую пустую корзину.

СТАРУХА: Не бойкая, вижу, у вас торговля. Товар, поди, залежался.

ГАНС: Не говори не глядя, госпожа. Говядина свежая, остыть не успела.

СТАРУХА: А и остынет, так не беда — всё одно, мертвичина. (*Присматривается к травам.*)

МАРТА: Вот сельдерей, эстрагон... прямо с грядки, не завял ещё.

СТАРУХА (*роется в зелени*): Сама вижу, сама знаю...

МАРТА: Время такое — покупателей нет. Люди из дома-то не выходят. Может, вам надо?..

СТАРУХА (*раздражённо*): Сама знаю, что надо... Нет... Дрянной товар...

МАРТА: Грех вам так говорить. Повар сиятельного Герцога покупает только у меня.

СТАРУХА: У Герцога своя кухня, у меня — своя! Дрянной товар!

ЯКОБ: Да что, в самом деле! Своими паучьими пальцами всю зелень перемяла, — кто её теперь купит?

СТАРУХА (*заинтересованно приглядываясь к Якобу*): Не знаю, не знаю... (К Марте.) Слыши, голубушка, ему не нравятся мои пальцы.

МАРТА: Ах, не слушайте его, госпожа. Якоб! Как ты смеешь...

ЯКОБ: А что она сует свой нос?..

СТАРУХА: Да, да, да... И нос у меня неподходящий. Вот беда!.. Да... (*Дразнит Якоба.*) Капуста-то — дрянь, кочна не выбрать.

ЯКОБ: У самой, видать, кочан вместо головы.

Старуха смеётся, добольная удившейся провокацией.

МАРТА: Якоб, замолчи!

СТАРУХА: И голова моя ему не нравится... Погоди, минует восемьдесят лун, и у тебя будет не лучше.

ЯКОБ: Уж такой кочерыжки вместо шеи у меня никогда не будет, это точно.

МАРТА: Якоб!

СТАРУХА: Не будет, не будет, точно не будет. У тебя — никакой не будет.
(Хихикает.)

ЯКОБ: И нечего так трястись, а то, чего доброго, голова отвалится и полетит
прямо в корзину.

СТАРУХА (*хохочет*): Голова — в корзину! Смешно. Голова — в корзине.

Смеясь, изображает из капустных кочнов падающие в корзину головы.

Забавно... Ну вот, кое-что я для себя всё-таки выбрала. Кое-что. Не так уж
мало... Самой, пожалуй, не донести. (К Марте.) Скажи-ка своему сынику,
пушь мне поможет.

ЯКОБ: Нет, мама, я не хочу. Я не пойду с этой старухой...

СТАРУХА: Чего ты испугался? Я заплачу, за всё заплачу. (Роется в кошеле.)

МАРТА: Спасибо, добрая госпожа. Иди, иди, Якоб. Помоги старой женщине.

СТАРУХА: За всё надо платить: и за свиные туши, и за гнилые груши... и за
праведные души!.. (Расплачивается.) Пошли.

Якоб поднимает корзину и молча идёт за Старухой.

МАРТА (*вслед*): Скорее возвращайся, Якоб...

ГАНС: Ты знаешь, Марта, я не из пугливых, но от этой старухи у меня прямо
мороз по коже.

МАРТА: Я и сама дрожу. Зачем я отпустила Якоба? Ну да авось обойдётся.
Пресвятая дева Мария не попустит зла. А завтра я поставлю ей свечку, и
святому Якобу, и святому Иерониму... (Слышен колокольный звон.)

Интермедиа

ШУТ: Эй, старина Лукас!

ЗВОНАРЬ (*появляясь на колокольне*): Опять ты, бездельник! Что случилось?

ШУТ: Вот ты говоришь, дьявол...

ЗВОНАРЬ: Я не говорю!

ШУТ: Хорошо, хорошо. Ты не говоришь, я говорю: дьявол. А ты мне скажи вот
что: можно ли его увидеть?

ЗВОНАРЬ: Кого?

ШУТ: Кого, кого! — дьявола.

ЗВОНАРЬ: Свят, свят!.. Слава богу, нет. Самого его никак увидеть нельзя. Он есть

дух без мяса и костей. И ежели он не примет человеческого облика, ты его ни за что не увишишь.

ШУТ: А ежели примет?

ЗВОНАРЬ: Тогда другое дело. Тогда его от человека не отлишишь.

ШУТ: Эво! Столкнусь я, стало быть, с дьяволом нос к носу и не пойму даже, с кем имел дело?

ЗВОНАРЬ: Я тебе на это так скажу: лучше бы с ним нос к носу не сталкиваться и дела не иметь. А вот ежели он с тобой дело иметь захочет, то ты об этом непременно догадаешься. (Звонит в колокол.)

ШУТ: Звони громче, старина Лукас! Авось распугаешь нечистую силу. (К публике.) Только б нам не оказаться там, куда черти побегут от этого звона!

Убегает. По городу проходит Старуха, за ней — Якоб с корзиной.

СТАРУХА: Живей, живей, пока луна не зашла. Уже близко. А там я заплачу, не пожалеешь. За всё заплачу. За всё. (Уходят.)

Картина вторая

Кухня Старухи. Со всех сторон сбегаются мыши и крысы, радостным писком приветствуя хозяйку.

СТАРУХА: Пришли. Наконец-то. Устал, небось. Это мои помощники, не бойся. Они тебя не обидят. Сейчас разберёмся с покупками. (Опрокидывает корзину, из которой выпадают человеческие головы.)

ЯКОБ (в ужасе): Ой! Что это?

СТАРУХА (хихикая): Сама не пойму, где кочан, где голова. Забавно. На место! На место! После разберусь.

Головы запрыгивают в корзину.

ЯКОБ (*неуверенно*): Я, пожалуй, пойду...

СТАРУХА: Вот ешё! Как же я отпущу тебя просто так, не отблагодарив? Сейчас угощу кое-чём.

ЯКОБ: Может, не надо?

СТАРУХА: Надо, надо. За всё надо платить. Эй, помощники! Не спите. Не видите — гость торопится. (*Мышки и крысы зашиныряли по столу, таща пучки разных трав и кореньев.*) Знаю, тебе угодить не просто, всё-то тебе у меня не нравится. Но готовить я умею, сам убедишься.

Колдует над котлом, мыши подносят ей разные травы и коренья. Старуха по запаху выбирает из них нужные и бросает в котёл.

Шлаген, кохен, золлен, воллен,
Уберзетцен, видерхоллен,
Гегенубер, цвишен, нур,
Одер, унтер, бай, дафюр.
Шварц унд брау, рот унд blaу,
Лихт унд шаттен, дункельграу.
Кельтен, вермен, гутен нахт,
Альзо, аллес ист темахт.

Варево в котле булькает, извергая клубы душистого пара.

Вот и всё. Вот и готово. Попробуй, что получилось. Пришлось немного подождать, зато какой суп! Тебе понравится, пальчики оближешь. Свои хорошенечкие беленечкие пальчики.

Гадко хихикая, ставит перед Якобом плошку с варевом.

ЯКОБ (*ест*): Да... Такого я не ел у своей матушки... А уж она-то знает толк в поварстве... во всяких травах... в корешках... Какой незнакомый запах... запах... запах... (*Засыпает.*)

СТАРУХА: Заснул, бедняжка. Устал. Отдохни, голубчик. Спешить нам некуда. Сперва ты получишь всё, что я тебе обещала, и даже гораздо больше. (*Колдует.*)

Шварц унд брау, рот унд блау,
Лихт унд шаттен, дункельграу...

Старуха грубо будит спящего Якоба.

Вставай, лежебока! Проснись, дармоед!

Якоб просыпается, и оказывается, что во время сна он превратился в большого рыжего кота.

ЯКОБ-КОТ: Мяу! За что? Что плохого я вам сделал?

СТАРУХА (*смеётся*): Кто ты такой, чтобы рассуждать о плохом?! Твои усы ещё слишком коротки для этого.

Старуха скидывает свой убогий плащ и преображается.

Я — фея Кройтервайс. Сам Веттербок — великий маг и чародей Веттербок!
— боится меня. А ты говоришь «плохое»!

ЯКОБ-КОТ: Нет-нет... Я не хотел ничего такого...

СТАРУХА: Молчи, негодник! Сперва научись быть послушным, сумей мне угодить.

Даром что ли я стану кормить тебя? (*Бьёт Кота.*)

ЯКОБ-КОТ: Мяу! Я буду стараться, госпожа...

СТАРУХА: Да уж, без этого не обойтись. Ты поможешь мне одолеть Веттербока.

ЯКОБ-КОТ: Одолеть Веттер... Веттер...

СТАРУХА: Поможешь, но сначала... сначала — станешь моим поваром.

ЯКОБ-КОТ: Поваром?.. Мяу! Но ведь я...

СТАРУХА: Молчи! И зачем я превратила тебя в Кота? У котов такой противный голос. Поваром, я сказала! Мои слуги помогут тебе, всё покажут, всему научат. А ты старайся. И берегись, если мне не понравится твоя стряпня!

Вокруг котла кружились, луна.
Добро дотла сожги, война.
Мой час придёт, настанет срок —
Повержен будет Веттербок!

Старуха заскакала по комнате, мыши с писком забегали вокруг неё, и всё исчезло в клубах пара, поднявшегося над котлами и сковородками.

Интермедиа

Городская площадь Перед колокольней появляется Шут.

ШУТ (*звенит бубенцами*): Эй, старина Лукас!

ЗВОНАРЬ: Что шумишь как на ярмарке?

ШУТ: Чертей пугаю, тебе помогаю. У тебя своя колокольня, у меня — своя. (*Звонит.*)

ЗВОНАРЬ: Твоим погремком не чертей пугать, а ведьм привлекать.

ШУТ: О! Кстати о ведьмах. Скажи, можно ли отличить ведьму от порядочной женщины?

ЗВОНАРЬ: Очень просто: поджарить её на костре. Если ведьма, то враз сгорит. А праведницу бог в обиду не даст.

ШУТ: Костёр — это слишком того... горячо!

ЗВОНАРЬ: А иначе не отличить. Помнишь, у торговки Марты пропал сын?

ШУТ: Так уж давно, лет пять прошло.

ЗВОНАРЬ: Говорят, ведьма увела.

ШУТ: Врут. К тому времени все ведьмы у нас повывелись.

ЗВОНАРЬ: Так уж и все?

ШУТ: Все! Герцог последнюю на костре сжёг. Из-за чего и война началась: сосед то, князь хотел сам её сжечь. Моя, говорит, ведьма! А наш-то герцог: нет, говорит, моя! Я её сожгу! А князь: нет, я! А герцог: нет, я.. Я.. Я.. Я.. Я.. Так с тех пор и воюем.

Убегает, звеня бубенцами. Лукас звонит в колокол.

Картина третья

Снова старухина кухня. Якоб-Кот в белом поварском колпаке мечется между дымящимися котлами. Мыши ему помогают.

ЯКОБ-КОТ (*в изнеможении и отчаянии*): О мои лапы, мои бедные мягкие, пушистые лапки! Почему вы до сих пор служите мне? Почему вы не скажете: Всё! Хватит! Баста! Нам надоело бегать без отдыха туда-сюда, туда-сюда?.. А разве тебе, мой нежный розовый носик, не надоело без концанюхать все эти

травки-приправки, стручки-корешки? Мне так ох как всё это надоело! Вредная, прожорливая старуха! Она, видно, никогда не устанет требовать от меня всё новых и новых кушаний. Стоит мне только случайно повториться, так сразу — ах! — моя бедная мохнатая спинка! Как больно тебе достаётся от этой ведьмы, от этой жестокой... (Замечает остановившуюся рядом мыши.) Нет, нет, я ничего такого... Вы что расселись, лентяи! Хозяйка скоро вернётся. Быстро за работу!

Мышь забегали ещё быстрей. Травки и корешки полетели в котёл, над которым поднимаются клубы душистого пара. Якоб пробует получившееся блюдо.

Ах, как вкусно! Кто же всё это приготовил? Это всё я приготовил! Кто же ещё сумеет приготовить такое?.. (Насторожился.) Но это уже было... на прошлой неделе... (Мышь каверзно захихикали.) Ах, я несчастный! Ох, моя бедная спинка! Надо добавить что-нибудь такое... Что-нибудь... (Перебирает травки.) Вот. Откуда эта трава? Я никогда не пользовался ей, но почему-то мне знаком её запах... запах... запах... Апчхи!...

Якоб так громко чихнул, что в воздух взлетели не только тучи из муки, корешков и травок, но и все мыши, крысы, банки и сковородки. Всё скрылось в поднявшемся облаке. Но вот оно рассеялось, и мы видим спящего над плошкой Якоба и стоящую рядом с ним Старуху.

СТАРУХА: Заснул, бедняжка. Устал. Отдохни, голубчик. Спешить нам некуда. Сперва ты получишь всё, что я тебе обещала, и даже гораздо больше. (Колдует.)

Шварц унд брау, рот унд блау,
Лихт унд шаттен, дункельграу...

Якоб просыпается, с трудом расправляя плечи, но это уже не прежний Якоб и не Кот, а уродливый карлик с длинным носом на бесшееей голове и с тонкими, скрюченными пальцами. Однако он не замечает этого.

ЯКОБ: Ой! Я заснул?.. Как же это?..

СТАРУХА: Отдохнул, голубчик, и славно.

ЯКОБ: Поди уже поздно, матушка беспокоится. Я побегу?

СТАРУХА: Беги, беги, красавчик.

ЯКОБ: До свиданья. (*Убегает.*)

СТАРУХА: До скорого свиданья. (*Смеётся.*) Не зацепись носом за колокольню!

Интермедиа

ШУТ (*появляется, напевая*):

Кабы не был я шутом,
Дунул бы в монахи
И махал бы я крестом,
Чтобы ведьмы по кустам
Разбегались в страхе.

Замечает проходящего мимо Лукаса и, незаметно подкравшись, пугает его.

ЗВОНАРЬ: Вот баламут! И как тебя только земля носит?

ШУТ: А, старина Лукас, привет. Что это ты спустился с облаков на грешную землю? Уж не стащили ли черти твой колокол?

ЗВОНАРЬ: Прежде они тебя утащат в ад, дьявольская трещотка.

ШУТ: На что я нужен чертям со своими шутками?

ЗВОНАРЬ: Ничего! Перекуют тебя в своей кузне, вилы выкуют, чтобы грешников язвить.

ШУТ: Да ты, старина, тоже шутником стал! А вот ответь, по зубам ли нечистой силе такая шутка: превратить почтенного человека, ну скажем, в свинью?

ЗВОНАРЬ: Без божьего попущения — ни за что не превратит. Разве только человек сам того пожелает и продаст свою душу дьяволу.

ШУТ: А иначе не превратит?

ЗВОНАРЬ: Иначе — ни-ни, не превратит. Но может напустить такого дурману, что тебя родная мать не узнает.

ШУТ: Как так?

ЗВОНАРЬ: А вот так: на тебя, дурака, будет смотреть, а думать при этом, что перед ней свинья.

ШУТ: Ну?! Вот чёрт! (*Звенит бубенцами.*) Кыш! Кыш, нечистая сила! (*Убегая.*) Кабы не был я шутом, дунул бы в монахи...

Картина четвёртая

Базарная площадь. Лавки Ганса и Марты. Марта сильно постарела.

ГАНС: О чём задумалась, Марта?

МАРТА: О чём мне думать? Я уж давно думать перестала. Живу как трава: солнце встанет — и я встаю, сядет солнце — и я засыпаю...

ГАНС: Да, Марта. Давно ли ты была как весенний цветок, а теперь совсем завяла.

МАРТА: Семь лет прошло, как пропал мой Якоб, семь лет...

Появляется Якоб-карлик.

ЯКОБ: Вот и я.

МАРТА (с испугом): Что вам угодно, сударь?

ЯКОБ: Ты на меня сердишься?

МАРТА: Хотите что-нибудь купить?

ЯКОБ: Не сердись. Старуха завела меня, не знаю куда — еле нашёл обратную дорогу.

МАРТА: Не понимаю, чего вы от меня хотите?

ГАНС: И я в толк не возьму, чего тебе надо. Что ты привязался к бедной женщины?

ЯКОБ: Вы что, смеётесь надо мной что ли? Прежде никогда не слыхал, чтобы вы так шутили.

ГАНС: Сейчас ты у меня услышишь! А ну, пошёл прочь, гадкий уродец! (Подсту-
пает к Якову с кулаками.)

ЯКОБ: Кто уродец? Это я уродец?

*Зацищаясь, вытягивает руки и вдруг замечает, как они изменились. За-
мирает от неожиданности, потом быстро начинает себя ощупывать.*

Нет... Не может быть... Или это сон продолжается?.. Мама, ты не узнаёшь
меня? Это же я — твой сын Якоб...

МАРТА: Грех вам так надо мной смеяться. Все знают, что мой Якоб пропал семь
лет тому назад.

ЯКОБ: Как семь лет? О чём ты говоришь?...

*Смотрит на мать и начинает догадываться о случившемся, но не хочет
в это верить.*

Нет... Ведь я же ушёл сегодня утром. Неужели... Эта старуха — ведьма. Она
заколдовала меня. Вы понимаете?..

ГАНС: Ах, гадёныш! Долго ты будешь издеваться над нами?! Ты, видно, привык
быть битым на завтрак, на обед и на ужин. Так вот тебе!

*Ганс бьёт Якова, толпа собравшихся зевак со смехом помогает Гансу.
Якоб с криком отчаяния убегает.*

Интермедиа

Улица города. Утирая слёзы корявыми пальцами, идёт Якоб. Навстречу
ему — Шут.

ШУТ (видит Якова): О! Вот это красавец! Разрази меня гром, если не сам дьявол
тебя сотворил с божьего попущения.

ЯКОБ: Не смей надо мной смеяться, жалкий шут!

ШУТ (с издёвкой): Нет, ваше носастое сиятельство, вы дважды не правы: во-первых,
шут не может быть жалким, потому что его никто не жалеет, а во-вторых, я
не могу не смеяться, потому что хорошему шуту за хороший смех хорошо
платят. Другое дело, если у него плохо получается — тогда он получает по шее
или по спине, а то так и ещё пониже, как вы только что. Или мне показалось?

ЯКОБ: Да, меня действительно побили, но я не шут и смеяться над собой никому не позволю.

ШУТ: Вот теперь вы правы, но только отчасти. Так сказать, нос правды уже показался. Разумеется, вы не шут. (*Внимательно рассматривает Якоба.*) Нет, нет. Смешной, это верно, но не шут. А жаль. Вот если бы вы согласились стать шутом у нашего славного Герцога, то уж он бы никому не дал вас в обиду. Тогда бы вы сами любого могли трах-бах-в дых-зуб-в глаз-шарахнуть, или, проще говоря, щёлкнуть по носу.

Бесцеремонно щёлкает Якоба по длинному носу.

ЯКОБ: Что ты прицепился к моему носу?!

ШУТ: А к нему не мудрено прицепиться, он хорошо для этого приспособлен. Но я не хотел вас обидеть. Я хотел дать вам мудрый совет: ступайте к Герцогу, вы найдёте друг в друге массу достоинств.

Нет ничего плохого в том,
чтобы быть у Герцога шутом... О!

Убегает, довольный своим экспромтом.

ЯКОБ: Ты прав. Я пойду к Герцогу, но только не за тем, чтобы стать шутом. Что ни говори, — за семь лет у колдунья я кое-чему научился.

Уходит. Снова мрачнеет небо, поднимается ветер, и появляется Старуха-колдунья.

СТАРУХА: Иди, красавчик, иди. Иди, куда тебе хочется, — всё равно попадёшь туда, куда мне нужно.

Дороги нету под луной,
Где б разминулся ты со мной.
Пойдёшь по той иль по другой, —
Везде ты будешь мне слугой,
Моим оружием в жестоком
Бою с великим Веттербоком!

Из-за несущихся по небу туч показалась кроваво-красная Луна.

Н. Шувалов

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Интермедия

Радостно звонят колокола. Толпа в карнавальных масках веселится на площади. Возле колокольни появляется Шут, смахну уплетающий на ходу жирный кусок жареной дичины.

ШУТ (*не переставая жевать*): Эй! Старина Лукас! (*Звон не прекращается. Шут откусывает и жует.*) Старина Лукас, э-ге-гей!.. (*Не дождавшись ответа, продолжает жевать.*) Лукас, старина-а-а!

Звон прекращается. На колокольне показывается Лукас.

ЗВОНАРЬ (*с колокольни*): Кто там? Что случилось? (*Узнаёт Шута.*) А, здорово, приятель.

ШУТ: Ну ты и разошёлся! Этак звонить можно только на голодный желудок. У сытого на такой перезвон проворства не хватит. (*Откусывает и жует.*)

ЗВОНАРЬ: Война кончилась, — теперь и назовёмся и наедимся. Сам-то, небось, уже не первую курочку доедаешь?

ШУТ (*подавившись*): Ты что, старина, — я курочек ешё и пальцем не тронул. А это была гусочка, пока ей не свернули шейку.

ЗВОНАРЬ: Что курочка, что гусочка — разница не велика.

ШУТ: Вот и я говорю: какая разница, где тебе свернут шею — на войне или на кухне? Вот Герцог с Князем воевали, воевали, а теперь вместе пируют. Им что война, что пир, — там кровища, тут винище. Гуляй, ребята!

ЗВОНАРЬ: Гуляй!

И опять радостно зазвонили колокола. Карнавальные маски закружились в танце.

Картина пятая

Герцогская кухня. Якоб в поварском колпаке мечется между дымящимися котлами и сковородами. Поварята еле успевают подносить ему всё необходимое. Главный повар наблюдает за работой. Звучит песня поварят.

Морковка и капуста,
Петрушка и горох...
Великое искусство —
Искусство поваров!

ПРИПЕВ:

Всё крутится, всё вертится,
Всё пышет, всё кипит.
У господина Герцога
Хороший аппетит.

Начищена посуда,
В печи довольно дров.
Мы всем покажем чудо
Искусства поваров!

Под соусом из лука
Паштет из комаров:
Волшебная наука —
Искусство поваров!

Три зёрнышка горчицы
На пять волшебных слов —
Не просто научиться
Искусству поваров!

ШУТ (*появляется, запыхавшись*): Двадцать седьмое кушанье — к столу!
ПОВАР: Тащите поросёнка.

Поварята с песней тащат поросёнка.

Живее, Жак! (К Шуту.) А гостю-то как, всё ли нравится?

ШУТ: Князь — гость настоящий, что попало есть не станет. Но, слава тебе господи, пока не капризничает. (Убегает.)

ПОВАРЁНОК: Не зря стараемся. (Получает от Повара ложкой по лбу.)

ПОВАР: Работать! (К Якобу.) Ах, господин Якоб! Наш Герцог — большой охотник до вкусной пищи, и повара у него всегда были что надо, но ни один из них не знал и половины ваших секретов. Где вы только всему этому научились?

Якоб невозмутимо продолжает работать.

ПОВАР: Хм!

ШУТ (убегает): Двадцать восьмое кушанье — к столу!

ПОВАР: Тащите налима.

Поварята с песней тащат налима.

Шустрее, Шульц! (К Шуту.) Как там, доволен ли Герцог?

ШУТ: Пока, слава тебе господи, ест да похваливает. Удовольствие так и капает у него изо рта. (Убегает.)

ПОВАРЁНОК: Удовольствие — изо рта?! (Смеётся, получает по лбу.)

ПОВАР: Работать! (К Якобу.) За двадцать лет не припомню случая, чтобы наш Герцог всем остался доволен.

А уж ежели что, — так повару несдобровать! Ещё хорошо, если голова уцелеет, а то ведь бывало... Посмотрим, господин Якоб, удастся ли вам угодить нашему Герцогу.

ШУТ (появляется): Двадцать девятое кушанье — к столу!

ПОВАР: Тащите олени окорока.

Поварята с песней тащат окорок.

Приворнее, Питер!

ШУТ: Уже к тридцатому блюду приближаемся, а Герцог ещё ни в кого блюдом не запустил, слава тебе господи! (Убегает.)

ПОВАР: Раз блюдом не запустил, значит, поварами доволен. (К Якобу.) И как это вы, господин Якоб, не перепутаете, чего, куда и сколько положить? И поварской книги у вас нет — всё в голове. Удивительно! Все-то травки вы по запаху различаете... Конечно, с таким носом...

ЯКОБ (*не вытерпев*): Сил больше нет! (Швыряет траву в котёл и отходит.)

ПОВАР: Так вот, я про ваш нос говорю...

ЯКОБ (*резко*): Оставьте, наконец, мой нос в покое!

ПОВАР: Зря вы обижаетесь, господин Якоб. Я просто завидую вашему носу. (Поварёнок смеётся и получает по лбу.) Работать! Работать!

Интермедиа

ШУТ (*вытирая пот*): Хитро устроен человек: ноги бегают, руки хватают, брюхо варит, а голова... ест! Вот и выходит: кто ест, — тот и голова. (Громко.) Да здравствует Герцог! Уже неделю ест, бедняжка, без остановки. Пиรует. Зато и ногам достаётся.

Показывает, как подгибаются ноги. Появляется Якоб с корзиной. Шут склоняется перед ним в издевательском поклоне.

О! Ваше носастое сиятельство! Как самочувствие?

ЯКОБ: Я уже привык к твоим шуткам и перестал обижаться.

ШУТ: Плохо наше шутовское дело, если наши шутки летят мимо цели, даже такой внушительной, как ваш... Ну да ладно.

Якоб собирается уйти, но Шут преграждает ему дорогу.

А ваше-то дело ещё хуже.

ЯКОБ: С чего ты взял?

ШУТ: Зря вы меня не послушали, не пошли в шуты. (Таинственно.) Повар — это слишком опасная профессия: когда у Герцога болит живот, повар должен бояться за свою голову. Шутка! (Хохочет.)

ЯКОБ: Кому нужна такая голова? Я и сам ей не очень-то дорожу. С таким носом даже родная матушка не может меня узнать. Вот иду я на базар, будто бы

за травами, а сам всё надеюсь, вдруг матушка посмотрит на меня и скажет:
Якоб, сыночек, неужели это ты?

ШУТ: Постойте, постойте... Не про старуху ли Марту вы говорите? Про зеленщицу Марту, у которой семь лет назад украли сына?

ЯКОБ (*спохватившись*): Нет, нет, приятель. Не обращай внимания на мои глупые шутки. Придумывай свои, повеселее. (*Уходит.*)

ШУТ (*озадачен*): Хм... Шутки! Хороши шутки! Хоть мой нос и не чета вашему, но и он вдруг почуял, что здесь дело нечистое. Бьюсь об заклад — ещё не все ведьмы повывелись в нашем городе. Не все!..

Волна масок проносится через сцену, увлекая за собой Шута.

Картина шестая

Рыночная площадь. Но в лавке рядом с мясником Гансом место Марты заняла другая торговка, Птичница.

ГАНС: Какой сегодня день, соседка, четверг или пятница?

ПТИЧНИЦА: Почем мне знать? Знаю, что луна пошла на убыль, а четверг это или среда...

ГАНС: Если сегодня пятница, то, значит, придёт повар от Герцога. Он всегда по пятницам за зеленью приходит. Придёт — а Марты и нет.

ПТИЧНИЦА: Ну, нет и нет. Велика беда! Мало что ли зелени на базаре?

ГАНС: Он всегда у Марты покупал. Уж не знаю, чем она ему, уроду, приглянулась? Раз даже пощутить с ней задумал: я, говорит, твой сын Якоб. Но уж я тогда намял ему бока. Чуть без носа красавчик не остался. С тех пор со мной не разговаривает и мяса не покупает. Вон, идёт. Значит, сегодня пятница.

ЯКОБ (*входит с корзиной*): Добрый день... А где же моя ма... Где Марта?

ГАНС: Захандрила старуха. Хворь на неё нашла.

ПТИЧНИЦА: А вы, сударь, — герцогский повар, я знаю, мне о вас господин Ганс рассказывал. Купите гусичку.

ЯКОБ: Да нет, я за зеленью пришёл... Как же Марта?..

ПТИЧНИЦА: Да вы за неё не переживайте. Кто в травах знает толк, тот долго болеть не будет: какую травку заварит, какой корешок пожуёт — вылечится. Купите, купите гусочку. Ну...

Якоб замер в нерешильности, а Птичница говорит, будто ворожит, напускает дурману.

Взгляните, она так и просится на герцогский стол, такая гладкая, белая — прямо как невеста перед свадьбой.

ГАНС (*шутит*): Самое время её зажарить!

ПТИЧНИЦА: Без гусятины какой пир — мне ли вам рассказывать! Купите!..

ЯКОБ (*как в бреду*): Ладно, давай... (*Расплачивается.*)

ПТИЧНИЦА: Будьте счастливы, сударь.

ЯКОБ: Прощайте. (*Уходит.*)

ГАНС (*к Птичнице*): Вот и нашёлся женишок для твоей гусочки. Славный гусь!

Смеётся. Птичница засмеялась вместе с Гансом и вдруг растаяла в облаке тумана. Ганс, оборвав смех, так и замер с открытым ртом.

Интермедиа

Якоб возвращается с базара. На плече корзина с гусыней. Останавливается.

ЯКОБ (*будто очнувшись, к Гусочке*): И зачем я тебя купил, красавица ты моя? Не хотел ведь, стоял, о матушке думал... И будто меня кто под руку толкнул: купи, дескать... Я и купил. Да что теперь толковать. В замке-то пир горой, конца не видно. Надо спешить на кухню. Пошли, красавица. (*Берёт корзину и уходит.*)

СТАРУХА (*появляется*): Идите, идите, голубчики. А спешить вам не обязательно. Я сама обо всём позабочусь.

Часы уже заведены,
Пошёл последний круг луны.
Замкнётся круг, и точно в срок
Удар получит Веттербок.

Луна скрывается за набежавшими тучами.

Картина седьмая

Пир в герцогском замке. Герцог и Князь сидят за накрытым столом с кубками в руках. Их развлекает Шут.

ГЕРЦОГ: Здоровье дорогого гостя!

КНЯЗЬ: Здоровье почтенного хозяина!

ГЕРЦОГ: Твоё здоровье, Князь!

КНЯЗЬ: Твоё здоровье, Герцог!

ШУТ: Ax! А кто подумает о здоровье бедного Шута? Никто, если он сам о себе не вспомнит. (*Наполняет кубок.*) Твоё здоровье, славнейший из шутов!.. Нет, много ли здоровья поместится в такой маленький кубок? (*Берёт кубин.*) Твоё здоровье... Нет, на такой кувшин моего здоровья, пожалуй, не хватит. А пить, не думая о здоровье, могут только знатные сеньоры. Бедняжки! Кто о них позаботится?! Будьте здоровы, сеньоры!

Пьёт одновременно из кубка и кувшина.

КНЯЗЬ (*смеясь*): У тебя славный шут, Герцог.

ГЕРЦОГ: А разве мой повар хуже?

КНЯЗЬ: И повар у тебя славный, что говорить!

ГЕРЦОГ: А если б ты его ещё и увидел, так уж точно бы признал, что другого такого повара нет на всём белом свете.

КНЯЗЬ: Неужели он так хорош?

ГЕРЦОГ (*к Шуту*): Что скажешь, Шут? Хорош ли наш повар?

ШУТ: Повар?.. (*Нюхает обедки.*) Хорош. Лучше и быть не может. Ещё чуть-чуть лучше, — и станет совсем плохо. Прикажете позвать?

КНЯЗЬ: Да, прикажем.

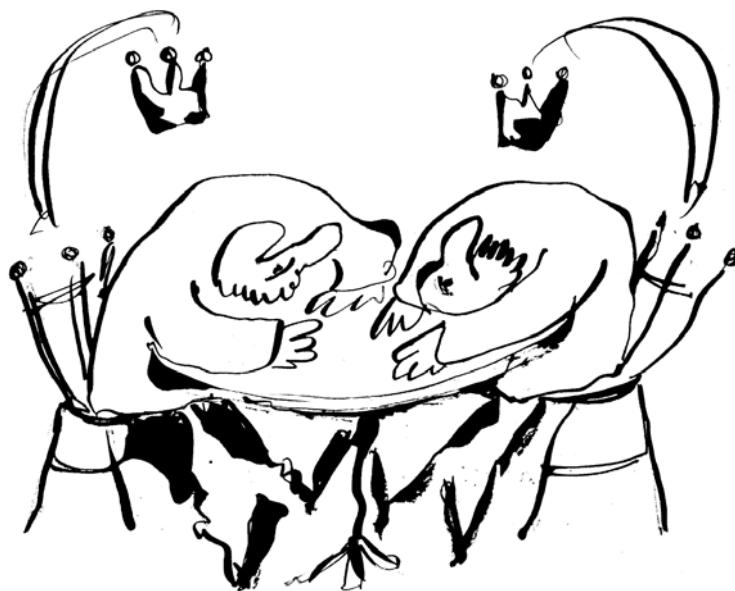
ГЕРЦОГ: Позови.

Шут убегает.

КНЯЗЬ: Ещё день-другой, — и я, пожалуй, соглашусь, что твой повар отстает от моего всего на пару шагов.

ГЕРЦОГ: Нет, Князь! Ты будешь у меня есть и пить до тех пор, пока не признаешь, что мой повар обогнал твоего шагов на десять.

КНЯЗЬ: Никогда! Таких паштетов, как у меня...

ГЕРЦОГ: Будут! Будут тебе паштеты.

КНЯЗЬ: Но не такие...

ГЕРЦОГ: Ещё лучше!! Если ты не согласишься, что лучше, — я объявлю тебе войну!

ШУТ (*вбегая*): Семьдесят пятое кушанье — самого господина Якоба — к столу!

На огромном блюде поварята вносят карлика Якоба.

ЯКОБ: Моё почтенье, сеньоры.

ГЕРЦОГ (*хохоча*): Ну как?

КНЯЗЬ: Хорош, право слово. (К Якобу.) Ты, стало быть, господин Якоб?

ГЕРЦОГ: Я зову его Карлик Нос.

КНЯЗЬ: Карлик Нос? Браво! Ты, Карлик Нос, неплохой повар. За две недели ты приготовил столько отличных кушаний. Но почему до сих пор ты ни разу не угостили нас королём всех блюд — паштетом «Сюзерен»?

ЯКОБ (*в растерянности*): «Сюзерен»?..

ГЕРЦОГ: Паштет «Сюзерен»? Я никогда о таком не слыхал. В чём дело, Нос?

ЯКОБ: Я... Я приберёг его к прощальному ужину.

ГЕРЦОГ: Ах приберёг! Побереги лучше свою голову. Он приготовит его завтра, любезный Князь. Ты понял, Нос?

ЯКОБ: Да, ваша милость. Завтра.

КНЯЗЬ: Сомневаюсь, что тебе удастся это. Ведь для паштета «Сюзерен» нужна травка вкусночиха, а её запаха я не почувствовал ни в одном из твоих кушаний. Видно, эта травка не растёт в ваших краях.

ГЕРЦОГ: Как это — не растёт?! А где же она растёт?

КНЯЗЬ: В наших краях растёт...

ГЕРЦОГ: В ваших растёт, а в наших — нет? Если к завтраку паштет не будет готов, я прикажу подать к столу его собственную голову. (К Якубу.) Ты понял, Карлик Нос?

ЯКОБ: Да, ваша милость. Мою голову.

ШУТ: А я бы предпочёл головку сыра или, на худой конец, головку лука...

ГЕРЦОГ: Пошёл прочь, дурак!

ШУТ: Прочь так прочь, я непрочь. Будьте здоровы, ваша милость. (Беззаботно танцует.) Гуляй, ребята!

И снова закружились карнавальные маски.

Картина восьмая

Якоб сидит в своей каморке перед корзиной с купленной на базаре гусыней. Он беседует с ней, а может быть, сам с собой.

ЯКОБ: Паштет «Сюзерен» и травка вкусночиха!.. О судьба, судьба! За что же ты так преследуешь меня? Сперва превратила в уродца, разлучила с любимой матушкой — мало тебе этого. Все надо мной издеваются, смеются — и это ещё не всё. Завтра Герцог, которому я так старался угодить, прикажет отрубить мне голову и на блюде поднесёт её Князю вместо паштета «Сюзерен». (К Гусыне.) Так что, прощай, моя красавица. Твою судьбу будет решать уже другой повар, которому известна травка вкусночиха. А я действительно не знаю, как готовить этот дьявольский паштет. Проклятая ведьма этому меня не научила. Ох, попалась бы она мне сейчас!..

СТАРУХА (*незаметно появившаяся к концу этого разговора*): Опять ты не думаешь, о чём говоришь.

ЯКОБ (*вскакивает на ноги*): Ведьма!

СТАРУХА: Однажды ты уже был наказан за свою болтливость. Но ты ничего не понял. Я ведь не только проучила тебя за дерзость, я подарила тебе редкий дар, ты стал великим поваром. Но разве ты оценил мой подарок? Нет, куда там! — ты бранишь меня из-за какого-то паштета.

ЯКОБ: Этот «какой-то паштет» будет стоить мне головы!

СТАРУХА: Да уж, велика цена! Дрянная голова. Глупая голова. Разве такая догается, что я пришла помочь...

Гусыня жалобно кричит, волнуется.

ЯКОБ: Ты — помочь?

СТАРУХА: Да. Я приходила и раньше, но ты не узнал меня. А вот гусочка сразу признала хозяйку. (*Преображаясь в Птичницу.*) Купите гусичку, сударь!..

ЯКОБ: Так это ты?..

СТАРУХА: Да, да... Не волнуйся, твоя матушка уже здорова. А вот ты... Лихт унд шаттен, дункельграу!.. Разве ты забыл, что лучшие паштеты готовят из гусиной печени?

ЯКОБ (*послушно*): Я помню, но травка вкусничиха?..

СТАРУХА: Вкусничиха! Не знаю, не знаю... В каждом княжестве травки зовутся по-своему. Но неужели твой нос, твой удивительный, замечательный нос не поможет тебе найти то, что надо? Зарежь гусыню! Скорее зарежь гусыню, и нос сам подскажет, какой травки недостаёт. Зарежь гусыню!

Яacob, как зачарованный, берёт нож, подходит к корзине, но вдруг резко поворачивается к Старухе.

ЯКОБ: Нет! Я не верю тебе, ведьма. Ты снова морочишь меня. Убирайся прочь!
(*Замахивается на Старуху ножом.*)

СТАРУХА (*отступая*): Как знаешь. Может, паштет из твоей головы окажется вкуснее, чем из гусиной печени. Как знаешь. (*Исчезает.*)

ЯКОБ (*в растерянности*): Как же это?.. Нет... В голове туман. Старуха права: паштеты готовят из гусиной печени. Почему же я раньше об этом не подумал? Конечно, конечно...

Идёт с ножом к Гусыне, но та отчаянно машет крыльями и кричит человечьим голосом.

ГУСЫНЯ: Нет, Якоб, нет! Не делай этого! Не верь колдунье. Она хочет погубить нас обоих.

ЯКОБ (удивлённо): Кто ты?.. Ведь ты же не простая гусыня — я вижу...

ГУСЫНЯ: Я — Мими, дочь волшебника Веттербока. Злая ведьма похитила меня и превратила в гусыню. Назло отцу она была бы рада убить меня, но по законам волшебства сама не может сделать этого.

ЯКОБ: Не бойся, Мими, я не стану её помощником. Но кто теперь поможет нам?

ГУСЫНЯ: Мы сами поможем друг другу.

ЯКОБ: Как?

ГУСЫНЯ: Главное — не терять времени. Иди за мной.

Якоб уходит вслед за Гусыней.

Интермедиа

Звонарь Лукас, стуча колотушкой, идёт по ночному городу. Люди в масках, смеясь, пугают его.

ЗВОНАРЬ: Время!.. Время!.. Время!.. (*Замечает крадущуюся вдоль стены тень.*)
Стой! Кто здесь крадётся?

ТЕНЬ (*страшным голосом*): Здесь крадётся тот, кто крадёт всё, что крадётся.

ЗВОНАРЬ: Стража!.. Стража!..

ШУТ (*выходя из тени*): Лукас! Это же я.

ЗВОНАРЬ: Ох!.. Ну скажи, можно ли так шутить на ночь глядя?

ШУТ: А я шучу, не глядя ни на что. Шучу круглосуточно. Или сучу круглосуточно — это уж как вам угодно. А ты что не пугаешь своим звоном нечистую силу?

ЗВОНАРЬ: Кроме нечистой силы есть ещё нечистые на руку, проще говоря, —очные воры. Им звон напочём. Их пугает только колотушка. Вот я и хожу дозором. (*Стучит колотушкой.*) Время!.. Время!.. А ты что здесь ночью делаешь?

ШУТ: Я охочусь.

ЗВОНАРЬ: За кем?

ШУТ: Спроси лучше: за чем? — За чудесами! Но если ты спрашиваешь, за кем, тогда я отвечу: за поваром Якобом, за нашим карликом Носом, потому что

ведёт он себя чудно. Как только стемнело, взял гусыню и вместе с ней — за ворота.

ЗВОНАРЬ: С гусыней — за ворота? Да... Может, затеял какое колдовство?

ШУТ: Может и колдовство. А может, просто хочет улизнуть: Герцог к утру обещал отрубить ему голову.

ЗВОНАРЬ: Ну да?

ШУТ: То-то и оно. Не потерять бы мне его из виду. Спокойной ночи! (Убегает.)

ЗВОНАРЬ: Ничего себе — спокойная ночь! Война кончилась, — теперь своим будут головы рубить. (Стучит колотушкой.) Время!.. Время!.. (Уходит.)

Картина девятая

Ночной лес. Через кроны деревьев пробивается лунный свет. За кустами мелькают светлячки. Входят Якоб и Гусыня.

ГУСЫНЯ: Вкусночиха расцветает ночью.

ЯКОБ: Как же мы её увидим в такой темноте?

ГУСЫНЯ: Когда расцветёт, тогда увидим. Это волшебная трава, мне про неё отец рассказывал.

ЯКОБ: А вдруг эта трава действительно у нас не растёт?

ГУСЫНЯ: Всё может быть. (*Бьют часы.*)

ЯКОБ: Это часы на ратушной башне. Полночь... Может, лучше убежать куданибудь подальше?

ГУСЫНЯ: Куда? Герцог всё равно тебя найдёт.

С двенадцатым ударом колокола по всей поляне начинают расцветать волшебные цветы.

ЯКОБ: Смотри, Мими!

ГУСЫНЯ: Это она! Это и есть травка вкусночиха.

ЯКОБ: Как красиво! А какой запах... Какой знакомый запах... Запах... Апчхи!..

Карлик чихает так, что все цветы облаком взлетают вверх, чихает и превращается в юношу, похожего на мальчика Якоба, но подросшего на семь лет.

ШУТ (*неожиданно появляясь*): Чудо! Чудо! Я же знал, что охочусь не напрасно.

Господин Якоб, поздравляю вас с удачным превращением.

ЯКОБ: Что произошло? Куда пропал мой нос? И пальцы мои перестали быть похожими на паучьи лапы...

ШУТ: Вы снова стали самим собой. Точь-в-точь как прежде, только чуть повыше, чуть постарше и чуть посимпатичнее. А ведьма осталась с носом!

Неожиданно появляется Старуха, злобно шипя и размахивая руками. Испугавшийся Шут прячется за кустами.

СТАРУХА: Жалкие, ничтожные букашки! Повыше, пониже, с носами, без носов, — какая разница! Всё равно, все вы — карлики, мелочь в моей великой войне с магом Веттербоком.

Уже грядёт последний час.
Уже все восемьдесят раз
Свой полный круг прошла луна,
Уже кончается война.

С восходом солнца — таков уговор! — один из нас должен признать себя побеждённым. Но это буду не я, потому что дочь Веттербока — в моих руках!

Старуха хватает Гусыню, та жалобно кричит и хлопает крыльями.

ЯКОБ (*бросается к Старухе*): Ведьма! Отпусти Мими!

СТАРУХА (*смеётся*): За всё в жизни надо платить. Или ты забыл об этом?

(Небо на горизонте начинает светлеть.) Вот, солнце уже восходит...

ЯКОБ: Пускай я останусь уродом, пускай навсегда...

СТАРУХА: Не та цена! Ну, солнце, скорее подымайся!..

Из-за горизонта с фонарём в руках, свет от которого Старуха приняла за солнечные лучи, таща за собой тележку, нагруженную выше головы, появляется маленький, невзрачный старичок в дорожном плаще и в широ-

кополой шляпе. Не обращая внимания на притаившуюся Старуху и замершего рядом с ней Якова, он останавливается, всматривается в звёздное ночное небо и начинает торопливо распаковывать свой загадочный багаж.

СТАРИК: Что за напасть! Уж близится восход,
Луна то светит, то уходит в тучи.
По звёздам путь так трудно узнавать,
Когда они едва-едва заметны.

Под стянутым верёвками покрывалом в тележке оказываются хитроумные астрономические приборы. Распаковав их, старик тотчас приступает к наблюдениям.

Но нет, я не ошибся — это здесь,
И место то, и время до восхода
Ещё осталось...

СТАРУХА (*растерявшиись*): Это Веттербок!..
СТАРИК (*по-прежнему не замечая Старуху*):

Что ж, поглядим, проклятая колдунья,
Как запоёшь ты, встретившись со мною
Лицом к лицу.

Раскладывает на покрывале магические инструменты и приспособления, подобно химику, готовящемуся, к проведению сложного, ответственного эксперимента.

Нет, слишком долго я
Терпел твоё коварство! Всё!.. Довольно!..
Я слишком добрым был. Теперь за всё
Сполня ты мне ответишь... Аллос, матнум...

Старуха, удерживая Гусыню, бьющуюся под её плащом, незаметно сзади подкрадывается к Веттербоку и замахивается на него распустившимся цветком вкусничихи. Но в это мгновение Якоб бросается к ней и вырывает цветок из корявых пальцев.

ЯКОБ: Не смей, колдунья!

ВЕТТЕРБОК (*от неожиданности отскакивает в сторону*):

Кто здесь? Что случилось?

СТАРУХА (*якобы удивлённая встречей*):

О! Веттербок!

ВЕТТЕРБОК: Да, это Веттербок!

Ты думала, конечно, что к восходу

Я опоздаю. Думала, что дочь

Я не сумею отыскать, и, значит,

Признать я должен буду пораженье.

Коварная! Как ты посмела дочь

Мою похитить?

СТАРУХА: Что ты, Веттербок!

Ведь это — шутка! Посмотри — она

Цела и невредима...

Доспехи из-под плаща Гусыни и бережно опускает её на траву.

ВЕТТЕРБОК: Кройтервайс!

Довольно шуток. Ты в своём коварстве

Границ не знаешь. До восхода солнца

За всё то зло, что сделала ты людям,

С тобой я рассчитаюсь.

СТАРУХА: Нет! Не надо!

Веттербок начинает растянуться и преображаться. В его руках вспыхивает магический кристалл.

Позволь мне только...

ВЕТТЕРБОК: Аллос, магнум, фур!

Веттербок направляет магический луч на Старуху, и она с криками проклятия исчезает в клубах ядовитого дыма. Чихая и маша руками, появляется Шут. Когда дым рассеивается, все видят, что Гусыня превратилась в прекрасную белокурую девушки.

ШУТ: Вот эта шутка мне по душе! (*Замечает девушку.*) А это кто?

ДЕВУШКА: Я — Мими, дочь волшебника Веттербока.

ЯКОБ: Мими!

МИМИ: Якоб!

ВЕТТЕРБОК:

Довольно! Больше колдовством
Пугать друг друга мы не будем.
Мы кончим дело торжеством
На радость добрым, честным людям.

ШУТ: Эй, старина Лукас! Звони во все колокола!

Раздаётся радостный колокольный перезвон. Восходит солнце.

КОНЕЦ

ЩЕЛКУНЧИК

Сказка для Мари

Пьеса для театра теней
в 2-х действиях
по мотивам сказки
Э.Т.А. Гофмана

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР, часовых дел мастер
ЗВЕЗДОЧЁТ, кот Дроссельмейера
ЩЕЛКУНЧИК, заколдованный принц
МАРИ, крестница Дроссельмейера
КОРОЛЬ
КОРОЛЕВА
ПИРЛИПАТ, принцесса
МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ
МЫШИ, ПРИДВОРНЫЕ, ИГРУШКИ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Бездонное, тёмное небо, усеянное звёздами. Под ним — заснеженные крыши строений, силуэты шпилей, часы на ратушной башне. Пролетает хвостатая звезда, похожая на Вифлеемскую.

Ночь. Зима. Порою поздней
В тишине, во мгле морозной
Замороженные звёзды
Водят в небе хоровод.
Перепутав землю с небом,
Вниз слетают звёздным снегом,
И спешат за ними следом
Рождество и Новый год.

Авансцена освещается, и мы видим, что ратушная башня — это большие напольные часы, а то, что казалось силуэтом ночного города — интерьер кабинета часовых дел мастера Дроссельмейера. Сам хозяин склонился над игрушечным дворцом, заводит механизм, приводящий в движение танцующие фигуры. Бьют часы.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР:

Динь — дон,
часов звон.
В день рождества
жди волшебства.
Делают руки
хитрые штуки,
Петли, крючочки.
Стучат молоточки,
В железо бьют,
пружины выют.
Замок в саду,
лебедь в пруду,
Райские птицы,
принцессы, принцы.
В замке, смотри, —
кто там внутри...

КОТ (*появляется в часах, наблюдает за работой Дроссельмейера*): Мяу. Опять что-то сочиняете, господин Дроссельмейер? (*Дроссельмейер вздрагивает от неожиданности.*) Простите, если невольно вас напугал.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Нет, нет, дорогой Звездочёт. Ты не виноват. Я испугался собственной фантазии.

КОТ: Да уж, в своих фантазиях вы порой заходите слишком далеко. Бывает, слушаю, слушаю и перестаю понимать, что с вами на самом деле было, а что вы сочинили.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Какая разница, мой друг, было — не было: что сочинишь, то и будет. Вот сочинил, например, тебя, — теперь есть, с кем поболтать.

КОТ: Ну, это уж слишком! Меня никто не сочинял. Я здесь живу, можно сказать, с младенческого возраста.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Конечно, живёшь, натюрихи. Но говорить начал только тогда, когда мне захотелось слушать твои мудрые рассуждения, а до того — только мурлыкал. И звездочётом стал только после того, как я смастерили для тебя телескоп.

КОТ: Положим, на звёзды я любил смотреть и без вашего телескопа, но руки у вас действительно золотые и голова светлая.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Данке шён!

КОТ: Так что же вы там опять изобретаете?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: О мой славный друг Звездочёт! Я изобретаю, я сочиняю, я придумываю сказочный подарок к Рождеству для моей милой крестницы Мари. Смотри, как мило танцуют эти фигурки перед дворцом. (*Демонстрирует.*) Не правда ли?

КОТ: Не хочу вас обидеть, уважаемый господин Дроссельмейер, но по мне, — так это весьма скучное зрелище. Кружатся себе и кружатся.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: У тебя, Звездочёт, совсем нет фантазии. Ведь и звёзды на небе тоже ходят себе по кругу, ходят и ходят. А сколько в этом увлекательного и таинственного!

КОТ: То — небо, а то — заводная игрушка. Сравнили!

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Замолчи, сейчас же замолчи! И зачем я только тебя выдумал? (*Кот замолкает. Пауза.*) Хотя конечно ты прав. Мари не очень-то любит играть в мои хитроумные изобретения. Ей больше нравятся обычные куклы, сахарные фигурки или вот этот деревянный урод, который только и умеет, что колоть орехи.

Берёт деревянного Щелкунчика, колет орех, ест.

КОТ: Слушайте, мастер, стоит ли так переживать? Ваша-то фантазия где? Сочините что-нибудь про орехи и про урода... Про звёзды, наконец.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Легко сказать: сочините! Стоит только начать, а там как пойдёт, как пойдёт — и неизвестно, чем кончится. Может случиться такое, что...

КОТ: Не бойтесь. Если фантазия заведёт вас слишком далеко, я скажу «мяу». Ну, смелее. Кто там живёт в вашем дворце?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Кто живёт? Король живёт. И Королева. (*Демонстрирует.*)

КОТ: А Щелкунчик тоже там живёт? Вы ведь сочиняете сказку про Щелкунчика, верно?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Куда ж ты так спешишь?

КОТ: Так ведь Рождество на носу.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Всё равно, спешить не следует. Герой должен появиться в самый ответственный момент. Ясно?

КОТ: Ясно. А мыши?.. Мышь там живут?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Фу! Вечно ты придумаешь какую-нибудь гадость. Разумеется, живут. Натюралих.

КОТ: Нет, нет. Вы правы. Рождественская сказка должна начинаться возвышенно.

Например, так: «В тот год, когда хвостатая комета на небе вспыхнула в созвездии Мышей...»

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Вот это для начала неплохо.

Абансцена гаснет. Освещается экран с дворцовым интерьером.

ГОЛОС ДРОССЕЛЬМЕЙЕРА:

В тот год, когда хвостатая комета
На небе вспыхнула в созвездии Мышей,
У старых Короля и Королевы —
Такое счастье! — родилась малютка,
Прелестная принцесса Пирлипат.

На экране торжественная церемония целования малютки Пирлипат Королём и Королевой. Голоса: «Слава принцессе Пирлипат!» Залпы салюта.

Динь-дон -
во дворце перезвон.
Все в возбуждении —
принцессы рождение!
«Прелесть малютка»
Залпы салюта.
Крики «Слава»
слева и справа,
Справа и слева:
«Виват, Королева!»
«Виват Королю! Виват
маленькой Пирлипат!»
Праздник вокруг. Радость вокруг.
Прелесть, какая малышка!

Счастливы все. И вдруг... И вдруг...

КОТ (*на авансцене*): Вдруг пробежала мышка.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Опять?!

КОТ: Что значит опять? Мыши во дворце живут, сами говорили. Что сказано, то сказано.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Да, ты прав.

КОТ: Вот теперь — опять. Опять я прав.

По экрану бежит маленький мышонок. Все замирают.

КОРОЛЕВА (*в испуге*): А-а-а! (*Падает вместе с Пирлипом.*)

КОРОЛЬ: Эй, слуги, сюда! (*Прибегают слуги*)

С королевой беда.

Воды Королеве!

Слуги приносят воду, льют из бочек на Королеву. Королева приходит в себя. Пирлип плачет. Король берёт её на руки.

Дочка, не плачь, замолчи, я прошу!

Боже! Я шума не переношу.

Молчи... Умоляю... Ужасные звуки!

За что мне такие муки?!

Возьмите.

(*Отдаёт дочь придворным.*)

Машите на дочку веером.

(*Придворные дамы машут веерами.*)

Сейчас же пошлите за Дроссельмейером.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР (*На авансцене с поклоном*): Придворный часовых дел мастер

Дроссельмейер всегда готов служить вашему величеству.

КОРОЛЬ: Молчи, Дроссельмейер! Я в гневе. Мы все — в беде: Королева в воде,

Принцесса в слезах, слуги в испуге, — и всё потому, что по дворцу моему бегает мышь. Что ты молчишь?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР:

Бегает мышь? Но так было всегда.

Ещё в незапамятные года...

КОРОЛЬ: Молчи, я сказал! Даром тратишь слова.

У тебя светлая голова.

Ты должен немедленно нас спасти,

Что-то придумать, изобрести.

Иначе... Иначе... Что ты молчишь?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР:

Я думаю, как уничтожить мышь.

Дроссельмейер замирает в поклоне. Экран гаснет.

Дроссельмейер начинает танец-пантомиму, сопровождая действие текстом:

Динь-дон,
в голове звон.
Ну-ка умело
берись за дело.
Мысли с толком —
по разным полкам.
Делают руки
хитрые штуки,
Петли, крючочки.
Стучат молоточки,
В железо бьют,
пружины вьют.
Стук-щёлк —
будет толк.
Придумано смело,
сработано ловко.
Готово дело —
вот *Мышеловка*.

Удивительное изобретение. Айн вундербарес штюк! (Демонстрирует.) Глупая мышь видит сало, жадно хватает его и... А-а-а! (Прищемляет себе палец.) О! У! Майн гот! Ферштейн зи?.. Вы поняли, как она работает?

КОТ (на башне в звёздном колпаке и с телескопом):

Друг Дроссельмейер, остановись!
Дорого стоит мышиная жизнь.
К небу глаза подними повыше:
Видишь комету в созвездии Мыши?

По небу проплыает хвостатая комета.

Я наблюдаю за ней в телескоп.
Я составляю по ней гороскоп.
Сходятся Крест, Треугольник и Круг.
Это беду предвещает, мой друг:
Звёздами точно и ясно предсказано,
Что трогать мышей нельзя безнаказанно.
Ты понимаешь меня?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР:

Позволь!

Но что же мне делать, если Король
Так приказал? Я не смею ослушаться.
Звёзды скорее на небе потушатся,
Чем я решусь не исполнить приказ.

КОТ: Как не исполнить? Вот тебе раз! Я ничего не понимаю. Разве не вы сочиняете сказку?.. Тогда зачем же вам слушаться какого-то короля?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Ах, мой учёный друг! Не так просто всё объяснить. Конечно, мне не обязательно было самому ввязываться в эту историю. Я мог бы поставить на своё место кого-нибудь другого — мало ли на свете механиков и изобретателей! Но поздно об этом жалеть. Что сказано — то сказано, что сделано — то сделано, что придумано — то придумано.

КОТ: Но ведь и меня вы придумали. Тогда почему же Короля слушаетесь, а меня — нет?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Смотрел бы ты лучше в телескоп.

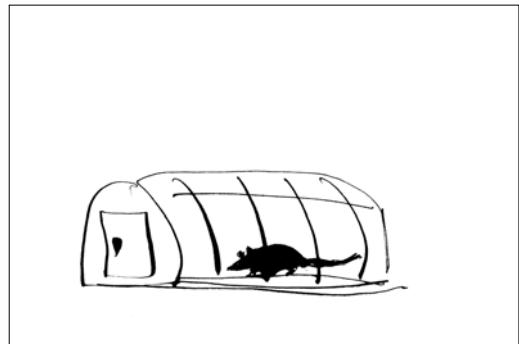
КОТ: Я вас предупреждаю... Звёзды предупреждают...

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Поздно. Теперь что будет, то и будет. Трик-трак! — берегись, враг. Мышеловки уже защёлкали по всему дворцу. Слышиште? Теперь вы уже нигде не встретите ни одной мыши, и Королева может спокойно любоваться своей маленькой, своей миленькой, прелестной Пирлипатхен.

На экране Королева качает люльку Пирлипат и напевает колыбельную.

КОРОЛЕВА:

Засыпай, моя красавица, бай-бай.
Мышка больше не появится, бай-бай.
С кем теперь она кусается, бай-бай,
Нас с тобою не касается, бай-бай.
Баю-баю, спи, малышка,
Не придёт к нам злая мышка,
Баю-бай, баю-бай,
Пирлипатхен, засыпай...

*Королева сама клюёт носом и прекращает петь.
Появляется Мышиный Король.*

МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ:

Квикс-пикс, пи-пи.
 Спи, Королева, Принцесса, спи.
 Ночью встречаются
 Тиши и Мрак.
 Маятник мается
 тик-так.
 Время пришло
 платить за зло.
 Страшна будет месть
 за мышиную честь,
 За мышиную кровь, за мышиную боль, -
 За всё отомстит Мышиный Король.
 Квикс-пикс, пи-пи!

КОТ (*на авансцене*): Мяу! Мастер, попридержите свою фантазию. Что вы сочинили?
 Откуда этот семиголовый урод?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Не знаю, доннер веттер! Не знаю. Я предупреждал — в сказках всегда полно неожиданностей. Я его не звал — сам явился.

КОТ: А что же ваши мышеловки?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Мышеловки! Мышеловки — для дураков, а у этого — видишь?
 — семь голов.

КОТ: Ничего себе подарочек к Рождеству! Может, теперь, наконец, пора появиться Щелкунчику?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Нет. Ещё рано.

КОТ: То рано, то поздно... Может, мне с ним по-нашему, по-кошачьему, без разговоров?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Нет, нет, я запрещаю тебе вмешиваться в эту историю.

КОТ: Вам, значит, можно, а мне — нет?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Молчи, Звездочёт.

КОТ: Не очень-то мне и хотелось разговаривать. Мяу.

МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ (*на экране*):

За мышиную кровь, за мышиную боль, —

За всё отомстит Мышиный Король.

Квикс-пикс, пи-пи!

Мышиный Король склоняется над колыбелью принцессы. Пирлипат громко плачет, потом начинает смеяться. Королева просыпается, и мы вместе с нею видим, что принцесса стала ужасно уродлива.

КОРОЛЕВА: О! Что это — сон или колдовство?

Какое ужасное существо!

Кто это?

МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ: Ваша прелестная дочь.

КОРОЛЕВА: На помощь!

МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ:

Никто вам не сможет помочь.

За мою семью, квикс-пикс,

За мою родню, квикс-пикс,

Свершилась теперь расплата! Пи-пи!

(*С писком исчезает.*)

КОРОЛЕВА: Ах, В чём же дитя виновато!?

Королева плачет. Пирлипат противостоященно смеётся. На шум прибегает Король.

КОРОЛЬ: Что происходит? Что это значит?

То кто-то смеётся, то кто-то плачет.

С ума посходили? Сейчас ведь ночь.

КОРОЛЕВА: Король, взгляните на вашу дочь. (*Пирлипат хохочет.*)

КОРОЛЬ: Где моя дочь? Что за глупые шутки!

Я здесь не вижу своей малютки. (*Пирлипат смеётся.*)

КОРОЛЕВА: Ах! Неужели не поняли вы ещё,
Что наша дочь превратилась в страшилище?

КОРОЛЬ: Боже! За что же?! Когда же? Не верю я.

КОРОЛЕВА: Но это она. (*Пирлипат хохочет.*)

КОРОЛЬ: Разбудить Дроссельмейера!

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР (*на авансцене с поклоном*):
Да, государь мой, я здесь, я не сплю.
Я рад даже ночью служить королю.

КОРОЛЬ: Хоть ты помолчи, часовщик, сделай милость.
Ты видишь, в кого моя дочь превратилась?
(*Пирлипат хохочет. Все остальные молчат.*)
Ну?.. Что молчишь?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Это... это ужасно...
Ужасно, но...

КОРОЛЬ: Время ты тратишь напрасно.
Ты мастер известный и без промедления
Обязан исправить недоразумение.
Ты близко знаком с чудесами науки,
К тому ж у тебя — золотые руки.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР:
Но, ваше величество, я — часовщик,
Обычный механик. Чинить я привык
Часы и игрушки... А тут я растиерян...

КОРОЛЬ: Ты должен найтись, а не то, будь уверен,
Шутить я не стану, и ты, милый мой,
Простишься со светлой своей головой.

КОТ (*на авансцене*): Мяу! Нет, не могу молчать. Я же предупреждал — не
троньте мышей, это не ваше дело.

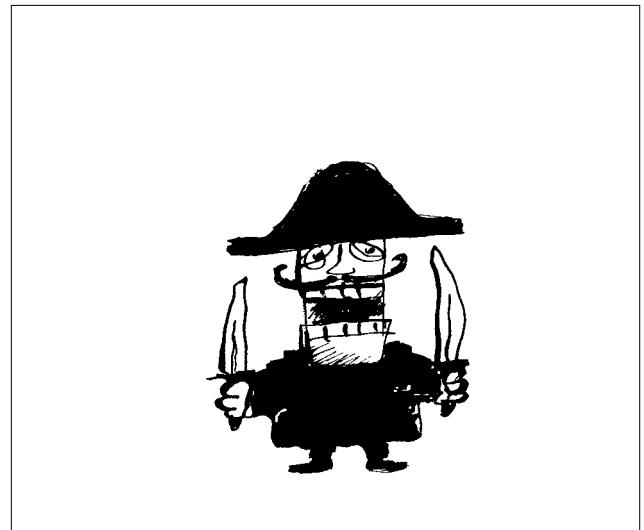
ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Ах, мой заботливый друг! Я предупреждал, ты предупреждал...
Я сам не предполагал, что так всё обернётся.

КОТ: Теперь уж, право, не знаю, смогу ли я вам чем-нибудь помочь. Теперь, как
говорится, мяу!

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР:
Спокойно, приятель. Всему есть причина.
Возможно, в принцессе сломалась пружина.
Я должен проникнуть в это устройство,
Затем чтоб понять его странные свойства.

Дроссельмейер берёт с экрана Пирлипата и в танце разбирает её как часовой механизм.

Дзынь-бум,
в голове шум.
Снова умело
берусь за дело.
Мысли с толком —
по разным полкам.
Делают руки
хитрые штуки,
Петли, крючочки.
Стучат молоточки,
В железо бьют,
пружины вьют.
Свинчено, склёпано,
смотано, связано,
Сшито, заштопано.
склеено, смазано,
Скручено,
изучено,
поделено,
умножено,
Измерено,
проверено,
собрано,
сложено, —
И вот мой ответ:
НЕТ!

Возращает Пирлипат на место. Она хохочет.

КОРОЛЬ: Нет? Что значит нет?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Нет, мой король. Наука бессильна. В результате проведённой операции я установил, что с годами ваша дочь станет... ещё страшнее. Положение без-вы-ход-но-е.

КОРОЛЬ: Как смел произнесть ты такие слова?!
Раз так, Дроссельмейер, — твоя голова
Уже почти отделилась от тела.
Позвать палача! (*Экран гаснет.*)

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Безнадёжное дело.

КОТ (*в колпаке и с телескопом*):

Надежда есть, мой бедный друг.
Комета прочертила круг,
Покинула созвездье Мыши
И унеслась куда-то выше.
Не зря смотрел я в телескоп,
Не зря чертил я гороскоп.
Надежда есть, мой добрый друг:
Она в орехе Кра-ка-тук.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: В орехе Кракатук? В моей сказке не было никакого Кракатука.

КОТ: В сказке и меня могло не быть. Но, уж коль скоро вы меня выдумали, извольте, господин сочинитель, прислушиваться к моим советам. Звёзды говорят, что вы должны отыскать волшебный орех Кракатук и угостить его ядрышком принцессе Пирлипат.

Когда орех принцессы съест,
Сойдутся снова Круг и Крест,
И красота к ней возвратится.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР:

Возможно ль?

КОТ: Всё это случится.

Так говорит моя наука.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР:

Спасибо, друг мой Звездочёт.
Ну что ж, раз так, — тогда вперёд,
В поход, на поиск Кракатука!

Дростельмайер надевает плащ и вместе с котом покидает сцену. Свет гаснет. Остаётся только усыпанное звёздами небо.

Сладкие сны
спустились с луны
И растеклись, как молоко.
Сказке ещё до конца далеко.
Всё, что приснится, —
то и случится.
В день Рождества
жди волшебства.

Звёздное небо гаснет. В зале зажигается свет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На небосводе призрачно мерцают звёзды, ожившие созвездия плывут кудато, плавно покачиваясь.

Сладкие сны
спустились с луны
И растеклись, как молоко.
Сказке ещё до конца далеко.
Всё, что приснится,
то и случится.
В день Рождества
жди волшебства.

На авансцене спит Дрессельмейер. Кот появляется, потягиваясь.

КОТ: Господин Дрессельмейер! (Дрессельмейер вскакивает, проснувшись.) Простите, если ваша фантазия опять вас напугала.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР (спросонок): Ты о чём, Звездочёт?

КОТ: Я о себе. Вот пришёл — вижу, вы спите. Надо, думаю, разбудить. Ведь дело не ждёт.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Да, дело не ждёт, но и я сплю не просто так.

Поди представь,

где сон, где явь,

Где ночь, где день,

где свет, где тень.

Время сплело

добро и зло.

Разве тебе не известно, что лучшие фантазии приходят во сне?

КОТ: Пожалуй. Только, проснувшись, легко забыть всё, что приснилось.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Нет, нет, напротив — я помню всё так ясно, будто это и не во сне было, а наяву. Мы с тобой, Звездочёт...

КОТ: Как? И я там был? Тогда, пожалуйста, поподробнее.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Не перебивай. Мы с тобой шестнадцать лет странствовали по всему свету в поисках волшебного ореха Кракатук.

КОТ: Коты так долго не живут.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Не перебивай, я сказал! Шестнадцать лет...

КОТ: И что, нашли?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Нет, не нашли. Но очень соскучились по нашему дому, по нашему славному Нюорнбергу.

КОТ: И тут я сказал: «Раз уж мы всё равно не знаем, где искать этот проклятый Кракакут, почему бы нам не поискать его дома, в нашем славном Нюорнберге?»

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Да, но... откуда тебе это известно?

КОТ: Должно быть, нам снился один и тот же сон. Во всяком случае, мы ведь вернулись? Мы ведь дома, верно? Ну-ка, поглядите внимательно, не завался ли где-нибудь этот злосчастный орех.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР (*оглядевшись, находит золотой орех, какие обычно вешают на ёлку*):

Вот, гляди-ка, не он ли это?

КОТ: Весьма возможно.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: А я-то собирался повесить его на новогоднюю ёлку.

КОТ: На нём что-то написано.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР (*присматривается*): Ну да, на нём и написано «Кра-ка-тука». Ваше величество! Ваше величество!

Зажигается экран с дворцовыми интерьерами.

КОРОЛЬ (*бегает*): Ну и дела! Ни минуты покоя.
Кто здесь кричит?

Что стряслось?

Что такое?

Кто это?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР:
Я Дроссельмейер.

КОРОЛЬ: Наглец!

Как ты посмел разбудить весь дворец?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР (*с поклоном поднося орех*):

Прилежнейший из ваших слуг

Пришёл с орехом Кракатук.

КОРОЛЬ: Кракатук? Помнится, однажды я уже велел отрубить тебе голову?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Ваше величество! Я отыскал средство, которое вернёт красоту
малютке Пирлипат.

КОРОЛЬ: Малютке? Наглец! За такие слова
Точно слетит у тебя голова.
Да, разозлил ты меня не на шутку.

Съишен смех Пирлипата.

Вот, полюбуйся на эту малютку.

В сопровождении Королевы появляется Пирлипат огромного роста.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР:

Боже! Ведь я и забыл, что идёт
Бедной принцессе семнадцатый год.
За эти годы, ваше величество,
Стран я объездил большое количество
И отыскал то, что сможет помочь
И исцелит вашу бедную дочь.
(*Показывает орех.*)
Прошу принять из верных рук
Орех волшебный Кракатук.
Когда орех принцессы съест,
Сомкнутся в небе Круг и Крест,

Предначертание свершится,
И красота к ней возвратится.

Передаёт орех на экран.

КОРОЛЬ: Ну, берегись, если это насмешки.

КОРОЛЕВА:
Девочка с детства любила орешки.

Пирлипат тянется к ореху.

Хочешь, моя дорогая, орешка?
На, моя радость, попробуй-ка, съешь-ка.

Отдаёт орех Пирлипат. Та пытается его раскусить.

Дочка была гениальный ребёнок —
Грызла орехи буквально с пелёнок.

ПИРЛИПАТ (*вытильвывает орех, не раскусив*):
Твёрдый орех! (Плачет.)

КОРОЛЕВА: Что ты смотришь, отец?
Ты можешь ребёнку помочь, наконец?

КОРОЛЬ (*берёт орех, пробует раскусить*):
Вот наказанье!

КОРОЛЕВА (*к Пирлипат*):
Не плачь, моя прелесть.

КОРОЛЬ: Ах! Чёрт возьми! Я сломал себе челюсть.

КОРОЛЕВА:
Боже мой, как вы бездарны и грубы.
КОРОЛЬ: Сами попробуйте. (*Отдаёт орех.*)
КОРОЛЕВА (*пробует раскусить*): О мои зубы!
Некому здесь пожалеть Королевы.

Все плачут, рыдают и стонут.

КОРОЛЬ: Господи! Как надоели мне все вы!
Молчать! Я, Король, заявляю при всех:

Тому, кто расколет злосчастный орех,
Помимо богатства и прочих наград,
Я в жёны отдам нашу дочь Пирлипат.

Неожиданно на рабочем столе Дроссельмейера оживает деревянный Щелкунчик.

ЩЕЛКУНЧИК: Господин сочинитель! Вы, кажется, совсем забыли обо мне.

ДРОССЛЬМЕЙЕР: Кто здесь?

ЩЕЛКУНЧИК: Я тот, о ком вы собирались сочинить сказку для своей любимой крестницы. Поверьте, Мари будет очень этому рада.

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Щелкунчик! Да, да, ты напомнил о себе в самый подходящий момент.

Сейчас

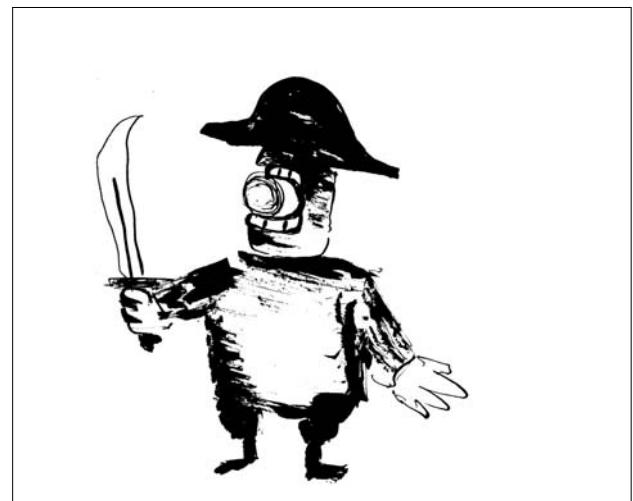
как раз
настает твой час.
Ждёт тебя успех.
расколи орех,
Испели Пирлипат, —
станешь знатен и богат.
Смелей вперёд!

Щелкунчик появляется на экране рядом с Пирлипатом.

ПИРЛИПАТ (*смеётся*): Ой, какой урод!

ЩЕЛКУНЧИК:

Принцесса, прошу вас не гнать меня прочь.
В несчастье должны мы друг другу помочь.
Мы оба, простите, не очень красивы —
Над нами смеются недобрые силы.
Но я вас спасу от позора и мук,
Разгрызть я сумею орех Кракатук.
(*Берёт орех и разгрызает его.*)
Теперь остаётся вам ядышко съесть —
И можно забыть про мышиную месть.

Пирлипат съедает ядрышко ореха и превращается в красавицу. Превращение сопровождается небесными знамениями.

ПИРЛИПАТ:

Я стала красивой, как прежде была.

Я этого долгие годы ждала.

ЩЕЛКУНЧИК:

Принцесса! Свершилось великое чудо.

ПИРЛИПАТ (*отстраняясь*):

Прочь, гадкий урод! Убирайся отсюда!

Пирлипат уходит. Грустный Щелкунчик остаётся один. Появляется Мышиный Король.

МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ (*гадко смеясь*):

Квикс-пикс, пи-пи!

Что, получил? Не надо пытаться

В силе волшебной со мною тянуться.

И не кичись своим благородством —

Слаб ты ещё, чтоб бороться с уродством.

Квикс-пикс, ха-ха-ха!

КОТ (*с телескопом на авансцене*): Мяу! (*Экран гаснет.*)

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: В чём дело?

КОТ: Я сказал «мяу», потому что сказки так не сочиняют. Только-только —
наконец-то! — появился герой, как вдруг... нате вам!

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Послушай, Звездочёт...

КОТ: Нет. Вы что, совсем не думаете о своей крестнице? Разве может Мари
понравиться такая история?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Почему же нет?

КОТ: Почему?! Если вы будете так шутить, я сломаю ваш телескоп и уйду жить
на крышу. Сами-то посудите: расколдовали принцессу, а она стала ещё про-
тивнее, чем была. Спасителя своего выгнала. А этот семиголовый...

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Ну, ну, успокойся, Звездочёт. Сказка ещё не кончилась. Разве
тебе не интересно, что будет дальше?

КОТ: А что будет дальше?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Как? Ты меня об этом спрашиваешь? Или звездочки разучились
узнавать будущее по звёздам? Разве в твоём гороскопе ничего об этом не сказано?

КОТ (уклончиво): Мяу... Сказано, но... пока всё как-то неотчётливо, туманно, неопределённо...

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР: Тогда, я думаю, нам ничего другого не остаётся, как довериться фантазии.

Представь: Пирлипат после преображенья
Буквально влюбилась в своё отраженье
И всюду, где только придумать могла,
Велела поставить она зеркала.

На многочисленных экранах появляется Пирлипат, отражающаяся в зеркалах.

ПИРЛИПАТ:

Ах! Загляденье! Восторг! Восхищенье!
Очень удачно моё превращенье.
Всем хороша — и лицом, и нарядом.
Каждый захочет пристроиться рядом.
Глупый Щелкунчик, урод крепкозубый,
Выскочка, шут деревянный и грубый.
Уж возомнил себя чуть ли не мужем.
Нет уж, простите, — такой нам не нужен!

Неожиданно на экране появляется Мари.

МАРИ: Ах ты, противная кривляка!
Как ты смеешь так говорить о
милом, добром, благородном
Щелкунчике, который вернул
тебе красоту?

ПИРЛИПАТ: Кто ешё тут?

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР (удивлённо): Это же Мари!

КОТ: Ну да. Стоило мне о ней подумать, как она тут же появилась.

МАРИ (к Пирлипат): Я не позволю тебе обижать Щелкунчика.

ПИРЛИПАТ:

Можешь себе его взять для потехи.

Пусть хоть всю жизнь тебе колет орехи. (Смеётся.)

МАРИ: И возьму! А ты... А ты... Я не хочу жить с тобой в одной сказке!

Mari разбивает зеркало. Пирлипат исчезает. Mari нежно берёт в руки деревянного Щелкунчика.

Миленький, бедный Щелкунчик. Я бы никогда так с тобой не поступила.

Появляется Мышиный Король. Mari пугается.

МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ:

Мари! Мари!

На меня смотри.

Ты не знаешь,

кого защищаешь.

К чему тебе такие заботы?

У нас со Щелкунчиком старые счёты.

Придётся ему от меня пострадать,

Если ты не захочешь отдать.

Все свои куклы.

МАРИ: Бери. Я согласна.

МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ:

Прекрасно!

На экране появляются куклы Мари.

И всё же придётся ему пострадать,
Если ты мне не захочешь отдать
Все свои сладости.

МАРИ: С радостью.

На экране появляются сладости.

МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ:

И всё же я должен его наказать,
Если ты мне не захочешь отдать
Все свои книжки с картинками...

ЩЕЛКУНЧИК (*оживает*): Хватит!

Дорого он мне за это заплатит!
Спасибо, Мари. Твоё унижение
Он кровью искупит на поле сраженья.

Обнажает саблю.

МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ:

Квикс-пикс! Храбрец!
Скоро тебе конец
Останется лишь труха.
Квикс-пикс, ха-ха!

ЩЕЛКУНЧИК:

Я оскорблений не потерплю.
Все семь голов тебе отрублю.

МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ:

Мышью рать
недолго собрать.
Мыши, ко мне!
Готовьтесь к войне.
Квикс-пикс, пи-пи!

*Со всех сторон появляются полчища
мышией и начинают угрожающие при-*

ближатся к Щелкунчику. Куклы окружают Щелкунчика, пытаясь его защищить. Начинается бой.

ЩЕЛКУНЧИК:

Не убежиши,
трусливая мышь!
У нас с тобой
будет честный бой.

Сражаются. Бой героев переносится на небо, мимо пролетают кометы, звёзды приходят в движение.

МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ:

Зубы крепки, —
разгрызу в щепки!

ЩЕЛКУНЧИК:

Злодей, молчи!
За всё получи!

ДРОССЕЛЬМЕЙЕР:

Отчаянный бой! Всё вокруг содрогнулось.
И даже как будто бы небо качнулось,
Качнулось, как маятник или весы...
И в это мгновенье забили часы.

Бьют часы.

ГОЛОС: В день Рождества
жди волшебства!

КОТ: Как только хрустальные стрелки сомкнулись,
Все звёзды на небе на место вернулись,
В цепочку построились все Зодиаки,
В моём гороскопе все хитрые знаки,
Все линии, числа, фигуры и пятна
Наполнились смыслом, и стала понятна
Причудливой повести этой развязка.
К концу приближается мудрая сказка.

ЩЕЛКУНЧИК (Мышиному Королю):

Ты обидел Мари, —
За это умри!

Щелкунчик наносит последний, сокрушательный удар и на наших глазах превращается в прекрасного сказочного принца. Навстречу к нему спешили Марии. Их окружают игрушки.

Злодея убив, я разрушил заклятье.
Исчезло моё деревянное платье.
Повержены в битве Коварство и Злоба.
Отныне, Мари, я ваш рыцарь до гроба!
Всё так и предсказано. Только в начале
Мы этого чуда не замечали.

АРОССЕЛЬМЕЙЕР.

Свершилось оно
или просто приснилось, —
Но сказка в подарок Мари

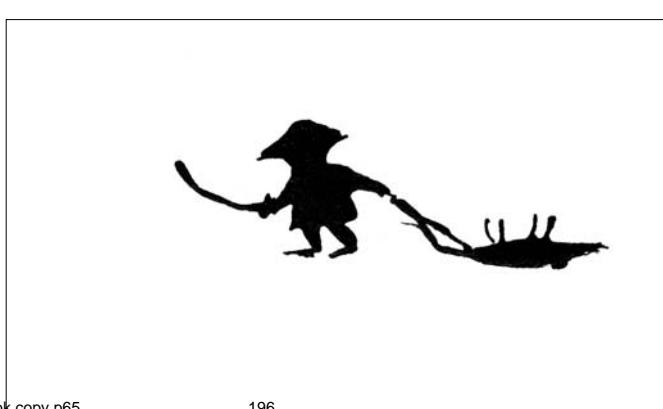
КОТ и АРОССЕЛЬМЕЙЕР:

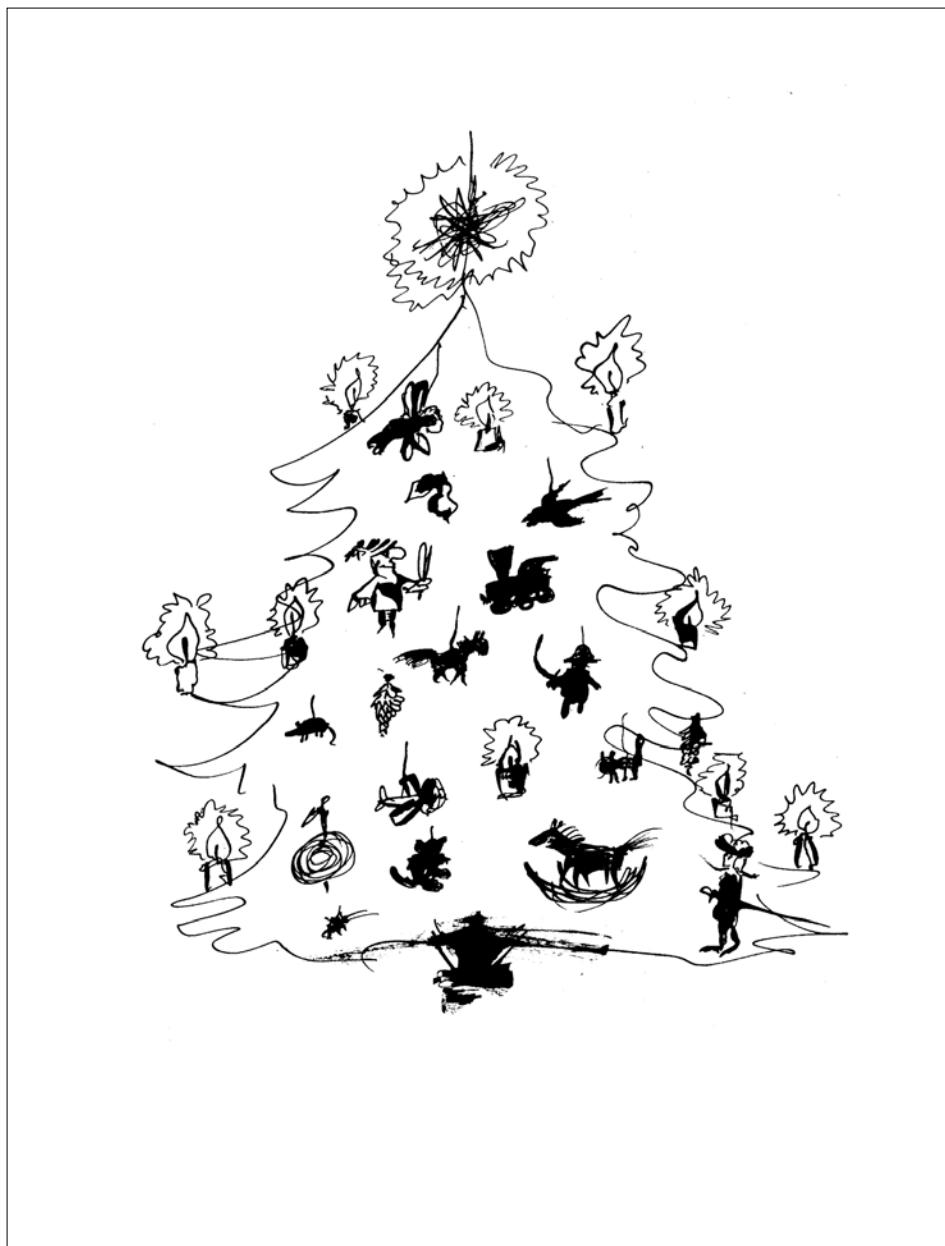
Сочинилась!

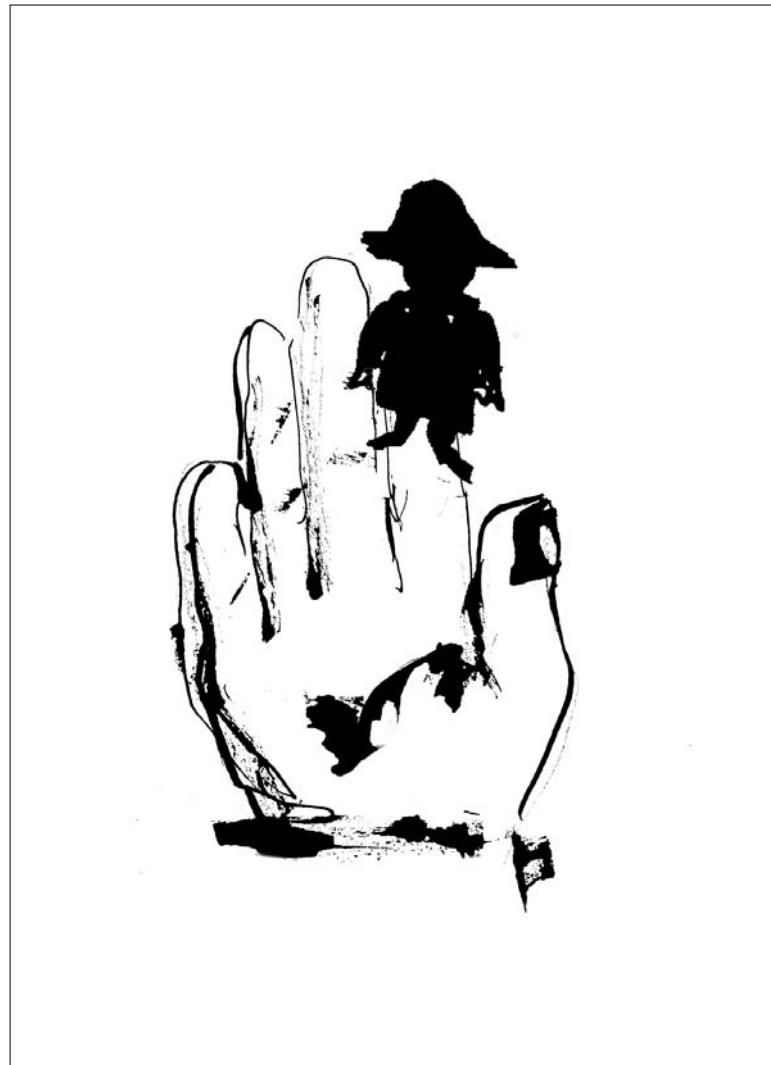
СЕЛАМЕЙЕР:
Не зря повторяли мы эти слова:
«Всем Вам счастья, мира, процветания!»

Появляется новогодняя ёлка, украшенная свечами и фигурами персонажей сказки. Артисты выходят из-за занавеса.

KOHELI

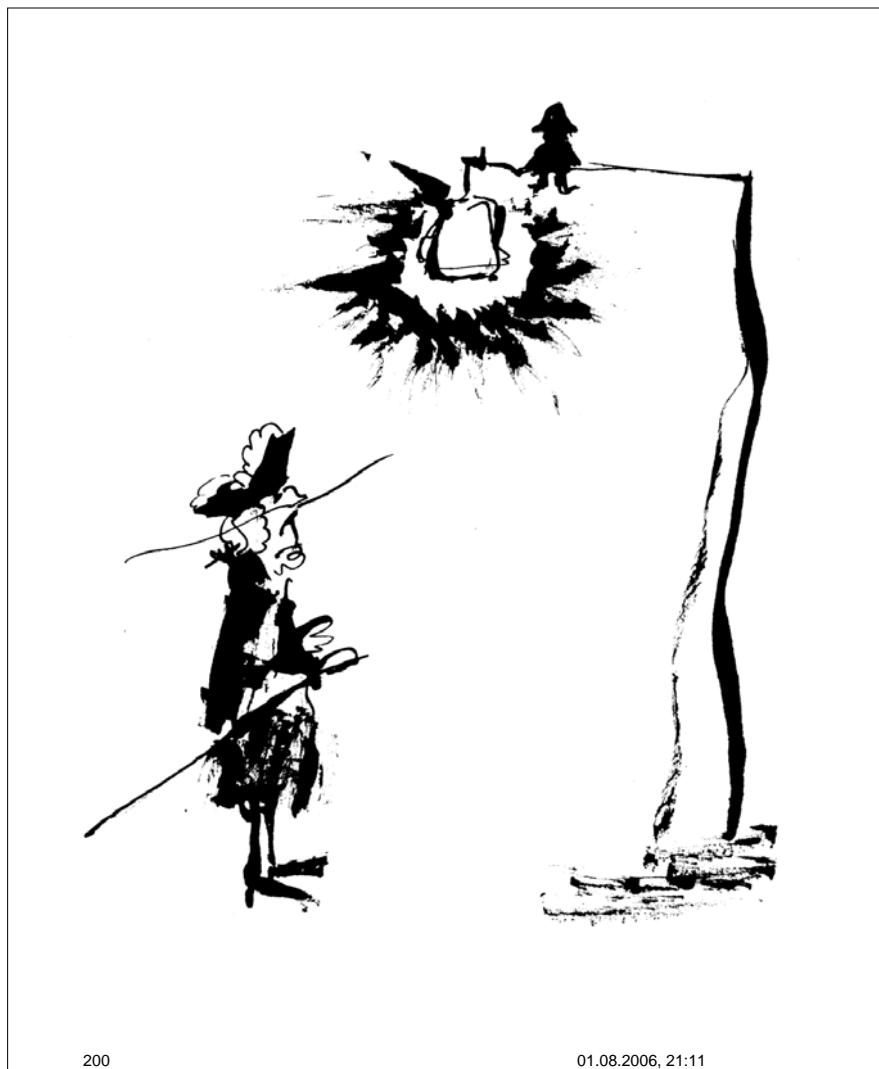
МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК

Пьеса в 2-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фрау ГЕНЗЕЛЬ и фрау ГРЕТХЕН,
две старухи, разыгравшие известную сказку.
Ещё одним действующим лицом является сама сцена,
живущая своей непредсказуемой, загадочной жизнью

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Через тёмную сцену пробираются две старухи — Гензель и Гретхен. Гретхен иногда обо что-то спотыкается, дрожит от страха, Гензель буквально тащит её за собой, держа за руку.

ГРЕТХЕН: Господи, боже мой! Да куда ж вы меня ведёте? Такая темнота — ногу сломишь.

ГЕНЗЕЛЬ: Куда ведёте, куда ведёте... Да не дрожите вы так, фрау Гретхен! Сейчас зажжём фонарь, — сами всё увидите.

ГРЕТХЕН: Что ж вы его не зажигаете?

ГЕНЗЕЛЬ: Вот найду и зажгу.

ГРЕТХЕН: Ох! Да разве в такой темноте что-нибудь можно найти? Тут не только фонарь, а и обратную дорогу не найдёшь...

ГЕНЗЕЛЬ: Ну конечно, так с вами и останемся здесь помирать.

ГРЕТХЕН: Господи! Да что ж за ужасы такие вы говорите, фрау Гензель!

ГЕНЗЕЛЬ: Да. И никто нас не найдёт, никто нас отсюда не выведет.

ГРЕТХЕН: Ах, боже мой! Перестаньте, я вас прошу...

ГЕНЗЕЛЬ: Куда ж этот проклятый фонарь провалился в самом деле?.. Вчера был здесь... Каждый раз что-нибудь выдумает...

ГРЕТХЕН: Кто выдумает?..

ГЕНЗЕЛЬ: Да фонарь, говорю, каждый раз шутки шутит.

ГРЕТХЕН: Как это, шутит?.. Фонарь — шутит?

ГЕНЗЕЛЬ: Здесь все пошутить горазды, — место такое...

ГРЕТХЕН: Какое такое?.. Свят, свят, свят!

ГЕНЗЕЛЬ: А, вот он, нашёлся. Сейчас, сейчас...

Сам собой появляется уже зажжённый фонарь. Неяркий призрачный свет заливает сцену, заставленную странными сооружениями, среди которых разместились куклы — персонажи разных сказочных историй.

ГРЕТХЕН: Что это?.. Где мы?..

ГЕНЗЕЛЬ: Ну как? Не ожидали?

ГРЕТХЕН: Чего не ожидали? Я не понимаю, где мы. Куда вы меня привели?

ГЕНЗЕЛЬ: Да это же сцена!

ГРЕТХЕН: Сцена?

ГЕНЗЕЛЬ: Ну да. Театральная сцена, волшебное место, где чего только не бывает, чего только не случается!

ГРЕТХЕН (*начинает громко смеяться*): Сцена! Ну, фрау Гензель, вы и фантазёрка! Это же надо — затащить меня на сцену! И столько напустили таинственности!..

ГЕНЗЕЛЬ: Тише,тише! Здешние жители не любят, когда посторонние так шумно себя ведут.

ГРЕТХЕН: Это вы о ком?

ГЕНЗЕЛЬ (*показывая на кукол*): Да вот о них.

ГРЕТХЕН (*смеётся*): Но это же куклы! Обыкновенные куклы.

ГЕНЗЕЛЬ: Вы, право же, хуже маленькой, фрау Гретхен! Даже дети знают, что куклы не бывают обыкновенными. Посмотрите, как зрители притаились, — они-то понимают, что если будешь шуметь, то вообще ничего не увидишь.

Некоторое время обе стоят молча, и на сцене ничего не происходит.

ГРЕТХЕН: Ну?..

ГЕНЗЕЛЬ: Что «ну»?

ГРЕТХЕН: И зачем мы сюда пришли?

ГЕНЗЕЛЬ: Как!? Разве вы не любите театр?

ГРЕТХЕН: Я люблю, когда мне в театре показывают что-нибудь интересное.

ГЕНЗЕЛЬ: Показывают! А сами вы не хотите попробовать?

ГРЕТХЕН: Сама?.. Но я же не умею...

ГЕНЗЕЛЬ: А я вас научу. Это очень просто. То есть, конечно, не очень просто... или, может, даже очень не просто, но мы возьмём для начала маленькую, простенькую сказочку...

ГРЕТХЕН: Про принцессу.

ГЕНЗЕЛЬ: Нет, лучше про разбойников! Разбойники как выскочат с пистолетами: баах! баах! бабах!

В глубине сцены мелькают какие-то тени и вспышки, раздаются приглушенные выстрелы и неразборчивые возгласы.

ГРЕТХЕН: Ах, фрау Гензель! Зачем вы меня пугаете? Давайте лучше про принцессу.

ГЕНЗЕЛЬ: Нет, нет. Только не про принцессу. Про принцесс — это девчоночки сказки, а я девчонок даже в детстве терпеть не могла. Сю-сю-сю, ля-ля-ля...

ГРЕТХЕН: А я мальчишеч до сих пор не люблю. Они все — ужасные хулиганы.

ГЕНЗЕЛЬ: Так уж и все?

ГРЕТХЕН: Конечно все. Ну, может, только кроме самых-самых маленьких, да и те...

ГЕНЗЕЛЬ: Да? Хорошо. Давайте про самых-самых. «Мальчик-с-пальчик» — знаете такую сказку?

ГРЕТХЕН: Ну, ещё бы!.. То есть я, конечно, когда-то... в детстве...

ГЕНЗЕЛЬ: Ничего, если что-нибудь и забылось, — вместе вспомним.

ГРЕТХЕН: Конечно, конечно... Я помню, мама мне рассказывала... Как там?.. Сейчас... Жил-был...

ГЕНЗЕЛЬ: Вот, хорошо. Жил-был...

ГРЕТХЕН: Король.

Где-то в глубине сцены высвечивается кукла Король.

ГЕНЗЕЛЬ: Да нет, не король.

ГРЕТХЕН: Как не король?

ГЕНЗЕЛЬ: А так. Король жил в другой сказке.

Король исчезает.

ГРЕТХЕН: Как жалко. Я так люблю сказки про королей и принцесс.

ГЕНЗЕЛЬ: Но мы же договорились!

ГРЕТХЕН: Хорошо, хорошо... А принца там тоже не было?

ГЕНЗЕЛЬ: Ни принцев, ни принцесс, ни королей, — никого там не было!

ГРЕТХЕН: Хорошо, хорошо... Жил-был маленький мальчик. Мальчик с пальчик. Да?

ГЕНЗЕЛЬ: Жил-был дровосек.

ГРЕТХЕН: Да-а-а?..

ГЕНЗЕЛЬ: Да. Со своей женой.

ГРЕТХЕН: Верно, верно, с женой.

Теперь я вспоминаю: у них было много-много детей.

ГЕНЗЕЛЬ: Вот именно. Семь или даже восемь, — я уж и сама забыла. И все — мальчишки.

ГРЕТХЕН: Ах, боже мой! Представляю, как трудно было родителям справляться с такой оравой сорванцов.

ГЕНЗЕЛЬ: Ничего трудного: отец порол их всех подряд каждую субботу.

ГРЕТХЕН: Ах, что вы, фрау Гензель! Разве можно пороть детей?

ГЕНЗЕЛЬ: Зато они были очень послушными. Вот только прокормить их было нелегко.

ГРЕТХЕН: Но они же все были малютки.

ГЕНЗЕЛЬ: Малютка-то был один, самый последний. А остальные вымахали ого-го!

— почти с родителя ростом. Знаете, как дети быстро растут? И что с ними прикажете делать? А?

ГРЕТХЕН: Я вас не понимаю, фрау Гензель. Как это что? Детей надо воспитывать...

ГЕНЗЕЛЬ: Фрау Гензель, фрау Гензель! Вы забыли, фрау Гретхен, где мы с вами находимся. Это же театр! Значит, я уже не фрау Гензель, а папаша Ганс, дровосек.

На сцене загорается окно и высвечиваются другие фрагменты комнаты в доме дровосека. Гензель нахлобучивает на себя шляпу и играет дровосека Ганса. Гретхен сначала пугается, а потом смеётся.

ГАНС: А ты, Гретхен, — моя жена, и я тебя спрашиваю, что прикажешь делать с этими оболтусами, чем мы будем их кормить, если в доме на всех осталось пол-окорока свинины и одно ведёрко картошки? (Фрау Гретхен растерялась от неожиданного поворота разговора.) Ну, что ты воды в рот набрала? Отвечай.

ГРЕТХЕН (*нерешительно*): На день-другой этого хватит, а там...

ГАНС: А там — с голоду помирать?

ГРЕТХЕН: Там что-нибудь придумаем... Не выгонять же детей из дома.

ГАНС: Я и не говорю выгонять. Зачем выгонять? — Отведём их в лес.

ГРЕТХЕН: Как в лес? Зачем в лес?

ГАНС: Пусть они там ягоды пособирают, орехи. Отведём подальше, чтобы они обратной дороги не нашли.

ГРЕТХЕН: Ох, ужас какой! Разве такое возможно, фрау Гензель?

ГАНС: Видать, ты, Гретхен, от голода ума лишилась: какая я тебе фрау? Я дровосек, для меня что лес, что дом родной...

ГРЕТХЕН: Нет, нет! Так не может быть, так просто не бывает! Родных детей — в лес!..

ГЕНЗЕЛЬ (*выходя из образа*): Не бывает! Это же сказка. В сказках и не такое случается.

ГРЕТХЕН: Я бы своим детям ни за что не стала такие ужасы рассказывать.

ГЕНЗЕЛЬ (смеётся): Когда вам мамочка сказки читала, тогда, небось, слушали да ещё просили.

ГРЕТХЕН: Я и тогда от страха под одеяло с головой пряталась.

ГЕНЗЕЛЬ: Вот и выросли трусихой.

ГРЕТХЕН: Кто трусиха? Я трусиха? Да я...

ГЕНЗЕЛЬ: Понятно, понятно. Значит, сказочка продолжается.

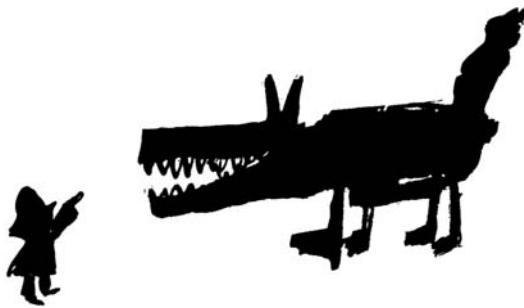
Опять нахлобучивает шляпу и превращается в Ганса.

ГАНС: Ну, чего ты испугалась?

Отведём детей в лес, там они походят, побродят, — глядишь и встретят кого побогаче нас. Им же лучше будет.

ГРЕТХЕН (всхлипывая): Волков голодных — вот кого они встретят, и голодные волки их растерзают. Ах, ужас какой!

ГАНС: Да всё лучше, чем от голода помирать. Всё! Хватит причитать! Как сказал, так и сделаю. А теперь — спать!

Гретхен послушино зажмуривается. Гензель снимает шляпу. Из-за какого-то предмета появляется Мальчик-с-пальчик — кукла, управляемая ста-рухой Гензель.

МАЛЬЧИК: А я всё слышал, я всё слышал! Не так-то просто меня обмануть! Я не дам своих братьев в обиду.

Гретхен открывает глаза, видит куклу, радостно хочет что-то сказать, но Гензель знаками останавливает её. Гретхен зажмуривается.

Ой, мне показалось, что кто-то сюда идёт... Нет, все спят. До утра нужно успеть что-нибудь придумать. Конечно можно признаться, что я всё слышал и всё теперь знаю, но это совсем не интересно. Нет, отец решил нас обмануть, значит и я должен придумать что-нибудь похитрее. Так...

Мальчик-с пальчик, внимательно оглядев всё вокруг, исчезает.

ГРЕТХЕН (*радостным шёпотом*): А я знаю, я знаю, что придумал этот мальчишка!
Я вспомнила!

ГЕНЗЕЛЬ (*язвительно*): Это фрау Гретхен всё у нас знает, это у неё такая замечательная память. А жене-то дровосека ничего не известно, она ни о чём даже не догадывается. Она знает только, что скоро пора будить детей и вести их в лес. Вот это вы нам и сыграйте, фрау Гретхен, а мы поглядим, какая из вас артистка.

ГРЕТХЕН (*кокетливо*): Какая из меня артистка! Что вы такое говорите! Но я попробую, я постараюсь...

*Оглядывается, ищет и находит на сцене подходящих для действия кукол.
Укладывает их и накрывает чем-то похожим на одеяло.*

Вот, вот так, деточки мои, спят мои маленькие, спят озорники...

Играет очень старательно, с явным перебором.

Ох ты! Ах ты! Скоро уж и солнце встанет, будить деток пора. Просыпайся, Шульц. Просыпайся, Пауль. Просыпайся, Фриц. Просыпайся, Питер...

Вынимает кукол из-под одеяла и усаживает их рядом.

Просыпайся, Вилли. Просыпайся, Карл... Вставай, вставай, лежебока! А младшенький-то где же? Куда же ты, малыш, потерялся?..

МАЛЬЧИК: Я здесь, мама. Я уже давно проснулся.

ГРЕТХЕН: Ах ты, пострел! Ну-ка, живо все собирайтесь, пойдём в лес по ягоды!.. (*Выходя из образа.*) Ой, нет, не так... (*Играет, вспомнив о предлагаемых обстоятельствах.*) Собирайтесь, мои милые... Пойдём в лес... (*Сдерживая слёзы.*) Ягодки... собирать...

Обстановка вокруг сама собой преображается. Гензель и Гретхен вместе с куклами играют сцену похода в лес.

ГЕНЗЕЛЬ: И вот отправились все в лес. Впереди шёл дровосек Ганс, за ним — его жена Гретхен с сыновьями.

ГРЕТХЕН: Шулыцем, Паулем, Фрицем, Питером, Вильгельмом, Карлом... Карл, не отставай! Какой ты нерасторопный!

ГЕНЗЕЛЬ: А последним бежал Мальчик-с-пальчик и сочинял на ходу весёлую песенку.

МАЛЬЧИК:

Я меньше всех, но я совсем
Не дуюсь на беду мою.
Я мало пью, я мало ем,
Да, я ужасно мало ем,
Зато я много думаю.

ГРЕТХЕН (*шёпотом*): А он сумел придумать
тьев?

ГЕНЗЕЛЬ: А как же! Ещё какую хитрость!

ГРЕТХЕН: А я знаю, какую.

ГЕНЗЕЛЬ: Тсс! Это большой секрет!

МАЛЬЧИК:

Я песни петь всегда готов,
Мне каждый улыбается,
Но провести меня никто
И обмануть меня никто
Пусть даже не пытается.

ГРЕТХЕН: Значит, всё кончится хорошо! Обожаю такие сказки!

Гензель опять напяливает шляпу.

ГАНС: Всё, всё, пришли. Посмотрите, какое чудное место, сколько здесь ягод и орехов, — знай собирай!

Гретхен играет куклами двух братьев.

- Вот это земляника, ты посмотри!
- Я первый её заметил.
- Нет уж, дудки! Первым заметил я.

Н. Шубалов

— Я её нашёл, я и буду собирать.

— Как бы не так!

— А вот и поглядим!..

ГАНС: Прекратите ссориться! Вот я вас!..

Вам что, леса мало? Сейчас разойдёмся в разные стороны, каждый выберет себе место, все будем собирать и аукаться. Кто первым полное лукошко наберёт, тому... тому...

ГРЕТХЕН: Того мамочка поцелует!

ГАНС: Вот и договорились. А ну, все марш отсюда!

Гензель и Гретхен, играя, уносят кукол со сцены, а сами возвращаются.

ГАНС: Ау!..

ГРЕТХЕН: Ау-у...

ГАНС: А-ау!.. Ну вот, теперь можно возвращаться домой, теперь одни они из леса не выберутся.

ГРЕТХЕН: Выберутся, выберутся, я знаю.

ГЕНЗЕЛЬ (*выходя из образа*): Откуда вы знаете, откуда? Вы же матушка Гретхен, опять забыли?

ГРЕТХЕН: Ах, боже мой! Да, действительно! (*Играет.*) Ах, милые мои детки! Ах, бедные мои крошки! Ах!

ГЕНЗЕЛЬ (*смеётся*): Что вы так разахались? Сами говорили, что терпеть не можете мальчишек, а теперь ахаете.

ГРЕТХЕН: Как же не ахать? — это же мои дети, я уже успела их всех полюбить. Ах!.. Я не знаю... Оказывается, это так сложно — выступать на сцене. Я предупреждала, что у меня ничего не получится.

ГЕНЗЕЛЬ: У вас уже неплохо получилось, а дальше получится ещё лучше, не бойтесь.

ГРЕТХЕН: Нет, я не боюсь, чего мне бояться? Я же всё-таки знаю, что всё кончится хорошо.

ГЕНЗЕЛЬ: Ну конечно! Всё кончится, как в сказке! Вперёд!

Гретхен берёт кукол и опять играет за двух братьев.

— Ау! Я уже набрал полное лукошко!
— И я набрал. Я уже давно набрал, ещё раньше тебя. Ау!
— Как же, раньше! Я ещё знаешь, когда набрал? Ау!
— Ау! А мои ягоды крупнее твоих в два раза. Ау!
— Ха! Крупнее! А мои — краснее! Ау!

Гензель приносит ещё пару кукол, и вместе с Гретхен они оживляют уже четырёх братьев.

— Ух ты! Вы уже здесь, а я думал, что первым прибегу.
— Ты всегда хочешь быть первым, а поспеваешь последним!
— Нет, последним всегда бывает Карл.

Появляется Карл.

— Ну вот и Карл подоспел.
— А где же папа с мамой?
— Наверное, они насобирали большую-пребольшую корзину...
— Шишек!
— Мышек!
— Пышек!
— Детишек! (Все смеются.) Ау!
— Ау.. Ау..
— Никто не отзывается... Ау!..
— Может, мы заблудились?.. Ау!..
— Ау.. Ау!..

Появляется Мальчик-с-пальчик (Гензель).

МАЛЬЧИК: Уа! Что, испугались?!

— Глупые шутки. Ау!..
— Папа с мамой потерялись.
— Или мы заблудились.

МАЛЬЧИК: Никто не потерялся и никто не заблудился. Папа с мамой давно уже дома.

— А что же мы?

МАЛЬЧИК: А мы ещё в лесу, но скоро тоже вернёмся домой.

— Как же мы туда попадём?

— Как мы найдём обратную дорогу?

МАЛЬЧИК: Очень просто. Посмотрите себе под ноги: видите белые камешки? Это я их набрал вчера ночью полные карманы, а сегодня раскидал по пути в лес. Теперь по ним мы легко найдём обратную дорогу. За мной! (Запевает песню.)

Хотя я мал, зато со мной
Беды бояться нечего.
Я всех вас приведу домой,
Мы вместе явимся домой,
Не дожидаясь вечера.

Все братья с песней отправляются в обратный путь. (Как сделать возможным одновременное управление всеми персонажами — дело изобретательности режиссёра и художника.) Над ними пролетают птицы, сидя на ветке, ухает филин, возможно подключение разнообразных звуковых, световых и прочих сценических эффектов. Сцена преображается в дом дровосека. Гензель и Гретхен изображают тоскующих Ганса и его жену. Обе охают и причитают. Слышна приближающаяся песня.

Шагаем весело домой
Мы по лесу дремучему.
Не надо плакать «ой-ой-ой»,
Ни «ай-ай-ай», ни «боже мой» —
Всё обернётся к лучшему.

ГАНС: О! Смотри-ка, матушка Гретхен, наши сорванцы вернулись. А мы-то решили, что вы в лесу заблудились, думали, волки вас съели. Кричали, кричали, звали вас, звали. Матушка-то столько слёз пролила, — до сих пор глаза не просушила.

ГРЕТХЕН (прочувствованно): Ах вы, мои деточки! Ах вы, мои милые! Ах вы...

ГЕНЗЕЛЬ (выходя из образа): Тут матушка Гретхен накормила их, напоила и спать уложила.

ГРЕТХЕН: Вот и сказке конец, а кто слушал...

ГЕНЗЕЛЬ: Здрассти! Какой же это конец, фрау Гретхен? Это ж ешё только начало.

ГРЕТХЕН: Как начало? А что ж там ешё-то?..

ГЕНЗЕЛЬ: Видать, вы рано заснули, когда вам мамочка в детстве сказочку читала.

Как от страха под одеяло залезли, так и... хрюк-хрюк-хрюк... заснули! А самое-то страшное ешё впереди.

Слышны странные, пугающие звуки.

ГРЕТХЕН: Ах, боже мой, фрау Гензель! Хватит меня пугать! Нет, лучше я, пожалуй, пойду домой... До свидания, фрау Гензель.

Фрау Гретхен пытается уйти, несколько раз обходит сцену, блуждая среди конструкций и декораций, где её пугают странные звуки и тени. Не найдя выхода, она возвращается.

Что такое? Фрау Гензель, я никак не могу отсюда выйти... Где же выход?..

ГЕНЗЕЛЬ: А выхода нет. Взялись рассказывать сказку, — надо рассказывать её до самого конца, так уж в театре заведено. Так что наберитесь храбрости и... Согласны?

ГРЕТХЕН: Что с вами поделаешь! — Согласна. Только я совсем не помню, что там было дальше.

ГЕНЗЕЛЬ: А дальше дровосек Ганс крепко накрепко запер в доме все окна и двери и...
ГРЕТХЕН: Что?

ГЕНЗЕЛЬ: И улёгся спать. А рано-рано утром он разбудил своих сыновей...

ГРЕТХЕН: Как, неужели он решил опять?..

ГЕНЗЕЛЬ: Вот именно! Утром он разбудил мальчишек и опять повёл их в лес.

ГРЕТХЕН: Ах, боже мой! Какой ужас!

ГЕНЗЕЛЬ: Да. И он завёл их так далеко, что даже сам с трудом нашёл обратную дорогу.

ГРЕТХЕН: А детей оставил в лесу?

ГЕНЗЕЛЬ: В самой чаще.

Из глубины сцены слышен волчий вой и уханье филина.

ГРЕТХЕН: Ах, фрау Гензель, объясните мне, для чего нужно сочинять такие ужасные истории?

ГЕНЗЕЛЬ: Для того, фрау Гретхен, чтобы маленькие дети слушали их и вырастали храбрыми. Вот, как я, например.

ГРЕТХЕН: Да?.. Должно быть, в детстве я зря пряталась от страха под одеяло. Вы же видите: я просто вся дрожу от вашего рассказа.

ГЕНЗЕЛЬ: Да. (К зрителям.) Вот так-то, дети. А вы тоже дрожите? Нет? (К Гретхен.) Вот, дети-то не дрожат. А вам, моя дорогая, пожалуй, действительно надо передохнуть и выпить чашечку чая. В театре это называется...

ГРЕТХЕН: Я знаю, это называется АНТРАКТ.

ГЕНЗЕЛЬ: Вот именно.

Фрау Гензель уводит со сцены дрожащую фрау Гретхен.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На сцену возвращаются Гензель и Гретхен.

ГЕНЗЕЛЬ (*подбадривая Гретхен*): Ну-ка, фрау Гретхен. Покажите всем, какая вы храбрая.

ГРЕТХЕН: А что вы думали? Конечно...

ГЕНЗЕЛЬ: Вот мы и в лесу. Ау!..

ГРЕТХЕН: Ау...

ГЕНЗЕЛЬ: Вечереет уже. Ау!..

Гензель незаметно для Гретхен скрывается за сценическими сооружениями. На сцене темнеет.

ГРЕТХЕН: Да. Ау... Темно становится... Ау...

Из разных уголов сцены отзыывается эхо: «Ау-у-у...»

Ах!.. Что же это?.. Как же?.. Ау!.. (*Пытается взять себя в руки и освоить ситуацию.*) Ну да... Конечно, конечно... (*Ищет и находит на сцене кукол, играет ими.*) Вот они мальчишки-хулиганы: Шульц, Пауль, Фриц, Питер... Вот Вилли, а вот и Карл, — все здесь.

— Ой, как я устал! Столько грибов в лесу ещё никогда не было!

— А самый большой всё равно у меня!

— А мой большой больше твоего большого.

— А у меня зато — самый маленький.

Появляется Гензель, вместе с куклами изображающими стаю птиц. Птицы с криком летают и что-то клюют, стучат клювами по всей сцене.

- Ой! Что за птицы? Какие смешные!
- Что им здесь надо?
- Наверное, червяков клюют.
- Ха! Они у Карла грибы склевали! Ха-ха-ха!
- А папы с мамой опять не видно. Ау!..
- И не слышно. Ау...

Появляется Мальчик-с-пальчик — кукла в руках фрау Гензель.

МАЛЬЧИК: Ну, что раскричались? Всех зверей в лесу перепугаете.

- Мы папу с мамой зовём.
- Они опять потерялись.

МАЛЬЧИК: Что ж мы сами дороги не найдём что ли?

- Конечно найдём! Ну, где тут твои белые камушки?..

МАЛЬЧИК: Нет камушков. Вчера отец все двери запер, из дома было не выйти, камушков не набрать.

- Ой... Как же мы без камушков?..

МАЛЬЧИК (*передразнивает*): Как же мы без камушков?.. А ну, отвечайте: кто хитрее всех на свете?

- Лисица?

МАЛЬЧИК: А кто хитрее лисицы?

- Ты что ли?

МАЛЬЧИК: Ну конечно! Со мной не пропадёте! Сегодня утром я не стал есть свой хлеб, я спрятал его в карман и, пока мы шли по лесу, раскидывал крошки, — по ним-то мы и найдём обратную дорогу.

- Вот здорово-то!
- Ай да Мальчик-с-пальчик!

МАЛЬЧИК: Не теряйте время, ищите крошки, пока ещё не совсем стемнело.

- Вот крошка... И вот...
- Вот ещё одна...

ГЕНЗЕЛЬ (*выходя из образа, идёт отом*): Фрау Гретхен, вы что?! Какие крошки? Их же птицы склевали.

ГРЕТХЕН: Как склевали?

ГЕНЗЕЛЬ: А вы что ли не видели? Я что, зря старалась, каркала?

ГРЕТХЕН: Я видела, но только как же теперь... дорогу искать?

ГЕНЗЕЛЬ: А никак не найдёшь, всё. Это всем известно, кто сказку знает.

Из глубины сцены доносятся таинственные лесные звуки. Становится ещё темнее.

ГРЕТХЕН: Ох, мамочки, ужас какой!

МАЛЬЧИК: Ну, что замолчали? Нашли крошки?

— Нет, это были не крошки.

— Их птицы склевали...

МАЛЬЧИК: Ну, склевали, так склевали... И нечего носы вешать. Сейчас что-нибудь придумаем. Залезу-ка я на дерево, какое повыше, — может, оттуда что-нибудь и увижу. (Залезает на дерево.) Ну вот, я так и знал! — огонёк! Я вижу огонёк. До него совсем не далеко.

— Может, это наш дом?

МАЛЬЧИК (спускается с дерева): Нет, нашего дома отсюда не видно. Но не беда, — пойдём на огонёк, а там кого-нибудь да встретим. Главное — не унывать!

Мальчик-с-пальчик запевает песню, братья в исполнении старухи Гретхен подхватывают её.

Шагаем дружною толпой
Мы по лесу дремучему.
Не надо плакать «ой-ой-ой»,
Ни «ай-ай-ай», ни «боже мой» —
Всё обернётся к лучшему.

Перед шагающими мальчишками вырастает огромных размеров дом, бернее, замок.

- Вот это домик!
- Настоящий домина!
- Не домина, а домище!
- Наверное, это дворец.
- Нет, это замок, замок какого-нибудь знатного сеньора.

Пока Гретхен увлечена своей игрой, Гензель незаметно надевает маску жены Людоеда, зажигает фонарь и появляется в окне замка.

ЖЕНА: Эй... Кто здесь шумит?.. Мальчишки!

- Сеньора, сеньора, впустите нас.
- Мы заблудились в лесу.
- Впустите нас, пожалуйста.
- Нам очень хочется есть.

ЖЕНА: Тихо! Вы не знаете, дурачки, куда попали. Здесь живёт Людоед со своими дочками-людоедками.

ГРЕТХЕН: Людоед?..

От неожиданности Гретхен замирает с раскрытым ртом.

ЖЕНА: Да. Ваше счастье, что людоедки уже спят, а Людоеда ещё нет дома. Есть им хочется! Вас самих здесь съедят в один момент! Быстро уходите, пока Людоед не вернулся.

- Да, сеньора, мы, пожалуй, пойдём.
- Спасибо, сеньора.
- До свидания, сеньора.

Гретхен вместе с куклами пытается покинуть сцену.

ГЕНЗЕЛЬ (*выходя из образа*): Как до свиданья? Что ж вы такое говорите? До свиданья!

ГРЕТХЕН: Но ведь... Как же?.. О господи, зачем я только согласилась!.. Нет...

ГЕНЗЕЛЬ: Фрау Гретхен, успокойтесь, прошу вас. Ещё никто никого не съел. Вот, возьмите-ка масочку, а то мне одной не разорваться.

Гензель отдаёт Гретхен маску жены Людоеда, а сама берёт куклу Мальчика-с-пальчик.

МАЛЬЧИК (*к братьям*): Вы что? Не в лесу же нам ночевать! (К Гретхен.) Сеньора, пожалуйста, не прогоняйте нас. Спрячьте нас куда-нибудь до утра, а утром мы уйдём от вас. Пожалуйста!..

ГРЕТХЕН (*нерешительно надевая маску*): Ах вы, неразумные дети! Куда же я вас спрячу? Людоед вернётся и сразу почувствует, что в доме кто-то есть.

МАЛЬЧИК: Ах, сеньора! Если не Людоед, всё равно нас съедят лесные звери. Мы так устали, сеньора, и проголодались!..

ЖЕНА: Что мне с вами делать! Ладно, проходите в дом. Только тихо! — если вы будете шуметь, людоедки проснутся, и тогда...»

МАЛЬЧИК: Спасибо, сеньора!.. Мы тихо, сеньора... Мы, как мышки, сеньора... (К братьям.) Мышки! — за мной!..

Все входят в замок. Декорация преобразуется в интерьер.

ЖЕНА: Осторожно, осторожно... Сейчас я вас накормлю.

Неожиданно раздаётся устрашающий звук приближающихся шагов.

Ах! Что это?..

МАЛЬЧИК: Как что?! Разве вы не слышите? — это Людоед возвращается. Скорее спрячьте нас куда-нибудь!

Гретхен в роли жены Людоеда в панике перебирает возможные и невозможные места для укрытия.

ЖЕНА: Ах! Неужели? Боже мой! Куда же мне вас?.. Нет, не сюда... Сюда... Нет...

Пока Гретхен прячет кукол, Гензель надевает маску Людоеда и появляется в дверях в невообразимо кровожадной позе.

ЛЮДОЕД: Вот и я! Ужасный сегодня день. Убил только одну ворону, да и ту голодную, — одни перья

да кости. (*Швыряет ворону на стол. Принюхивается.*) А чем это у нас пахнет?.. Какой симпатичный запах...

ЖЕНА: Я подготовила барашка, знала, что вернёшься голодным. Поешь с дороги. (*Подает Людоеду еду.*) А ворону твою я выброшу. Фу, гадость какая!

ЛЮДОЕД: Оставь, может ещё пригодится. (*С аппетитом принимается за еду.*) Славный был барашек!.. А пахнет всё-таки чем-то ещё симпатичнее...

ЖЕНА: Это... (*Находит на сцене подходящий реквизит.*) Это дикие яблоки. Набрала в лесу, знаю, как ты их любишь.

ЛЮДОЕД: Я люблю дикие яблоки? С чего ты взяла?

ЖЕНА (*подает*): Любишь, любишь, я знаю. Не спорь.

ЛЮДОЕД (*ест яблоки*): Я люблю дикие яблоки?.. А только пахнет вовсе не яблоками.

ЖЕНА: Может, тебе нравится, как пахнет эта ворона?

ЛЮДОЕД: Нет! Фу! Да выброси ты, наконец, эту гадость! Чем же всё-таки так вкусно пахнет?..

Людоед оглядывается, принюхиваясь, и находит спрятанных братьев.

О! Какая компания! Какие аппетитные у нас гости! Что же ты молчишь, жена?

Что же ты не приглашаешь их к столу?

ЖЕНА: Я боялась, тебе не понравятся такие грязные, такие тощие, такие маленькие...

ЛЮДОЕД: Брось, жена! Посмотри, какие они симпатичные. Если бы не твой барашек, я проглотил бы их сейчас даже немытыми.

ЖЕНА: Вот я и говорю: сейчас ты уже сыт. На ночь много есть вредно, а немытое — тем более. Оставь. А уж я их и помою, и накормлю, и уложу спать, чтобы к утру они были свежие, румяные, симпатичные. Может, таких тебе и есть будет жалко.

ЛЮДОЕД (*смеётся*): Ха-ха-ха! Вот это шутка! Мне — есть будет жалко! Ха-ха-ха! Ай да жена!

Смеясь, Людоед падает на кровать, и через некоторое время его смех переходит в храп.

ЖЕНА: Скорее, скорее, глупые мальчишки! Великан храпит. Бегите отсюда прочь, пока он не проснулся.

ГРЕТХЕН собирает кукол. В это время Гензель снимает маску Людоеда.

ГЕНЗЕЛЬ (*хитро*): Не торопитесь, фрау Гретхен. Вы же не знаете сказку, как же вы собираетесь её рассказывать?

ГРЕТХЕН: Ах, боже мой! Неужели и это ещё не конец?

ГЕНЗЕЛЬ: Какой конец? Что вы! Самые ужасные ужасы ещё впереди!

ГРЕТХЕН: Ах, фрау Гензель, я никогда не думала, что вы такая кровожадная.

ГЕНЗЕЛЬ: Кровожадная? Вовсе я не кровожадная. Просто дети любят страшные сказки. Верно, дети? (*Дети отвечают.*) К тому же вас пугать — одно удовольствие: вы такая добрая, всех так любите, даже мальчишек-хулиганов полюбить успели.

ГРЕТХЕН: И какие же ужасы нас ещё ожидают?

ГЕНЗЕЛЬ: О, история замечательная! (*Рассказывает так, как рассказывают «ужасные истории».*) Хитрый Мальчик-с-пальчик снял ночные колпачки с дочек Людоеда и надел их на своих братьев.

ГРЕТХЕН: Зачем?

ГЕНЗЕЛЬ: Ну, как вы не понимаете! — чтобы ночью Людоед, если проснётся, всё перепутал и принял его братьев за своих дочек.

ГРЕТХЕН: И что?

ГЕНЗЕЛЬ: А то, что Людоед проснулся, всё перепутал и принял своих дочек за его братьев. Ха-ха-ха!

ГРЕТХЕН: Я тоже всё перепутала, кто кого и за кого принял.

ГЕНЗЕЛЬ: Всё же ясно: Людоед принял его братьев за своих дочек, а своих дочек — за его братьев. Поняли?

ГРЕТХЕН: И что?

ГЕНЗЕЛЬ: Что, что! — отрезал им головы.

ГРЕТХЕН (*в ужасе*): А!!!.. Кому?..

ГЕНЗЕЛЬ: Всем. То есть, всем его братьям... То есть, всем своим дочкам, но думал, что это его братья.

ГРЕТХЕН: Чьи братья?..

ГЕНЗЕЛЬ: Как чьи? Его, то есть Мальчика-с-пальчика.

ГРЕТХЕН: А зачем?

ГЕНЗЕЛЬ: Зачем головы отрезал? На всякий случай, чтоб не убежали.

ГРЕТХЕН: А они что?

ГЕНЗЕЛЬ: А они убежали, потом, когда Людоед опять заснул.

ГРЕТХЕН: Да?.. А что ж они раньше не убежали, когда он *ещё* не проснулся?

ГЕНЗЕЛЬ: Ну, я не знаю... Наверное, дверь была заперта.

ГРЕТХЕН: А потом дверь была отперта?

ГЕНЗЕЛЬ: Потом отперта...

ГРЕТХЕН: А кто её отпер?

ГЕНЗЕЛЬ: Вы меня совсем запутали своими вопросами.

ГРЕТХЕН (*воодушевившись*): Вот то-то! Вам бы только детей пугать, а сами сказку не знаете.

ГЕНЗЕЛЬ: Ну, забыла немножко, с кем не бывает?

ГРЕТХЕН: Ах, нет, нет, я так не могу... Обезглавливать маленьких девочек!..

ГЕНЗЕЛЬ: Так они же людоедки.

ГРЕТХЕН: Всё равно. Ужасно!.. Вы кровожадная, жестокая...

ГЕНЗЕЛЬ (*возмущённо*): Ах так?! Тогда сами играйте Людоеда. (*Бросает Гретхен маску Людоеда.*) Пусть он у вас будет добрый, никого не ест, пусть он с голоду *помрёт*, и всем станет хорошо.

ГРЕТХЕН (*в необыкновенном возбуждении*): А! Вы просто издеваетесь надо мной! Хотите, чтобы я умерла? Ну уж нет! Ложитесь! Живо!

ГЕНЗЕЛЬ: Вы что, фрау Гретхен? Что с вами?

ГРЕТХЕН: Лежать, я *сказала!* Маску, маску наденьте! — Людоед вы или не Людоед, в самом деле?!

ГЕНЗЕЛЬ (*ложась и надевая маску*): Людоед, людоед...

ГРЕТХЕН: Вот то-то. Спать и не разговаривать!

Фрау Гензель послушно укладывается и изображает спящего Людоеда.

Фрау Гретхен берёт куклу Мальчик-с-палчик.

МАЛЬЧИК (*прислушиваясь к дыханию Людоеда*): Спит... Крепко спит... (*Достаёт ключ из людоедского кармана.*) Вот он, ключик. Эй, братья! Выполнайте из-под кровати и быстро за мной!

Фрау Гретхен организует « побег » братьев потом тихо возвращается, надевает маску жены Людоеда, берёт мешок и бьёт им « спящую » фрау Гензель. Не ожидавшая этого старуха вскакивает и пугается, столкнувшись нос к носу с маской.

ЖЕНА: Ты что наделал, злодей? (*Бьёт Людоеда.*)

ГЕНЗЕЛЬ: Ой!.. Что это?.. Что вы делаете?..

ЖЕНА: Я спрашиваю, что ты наделал?! Зарезал собственных детей, наших маленьких девочек! (*Бьёт.*)

ГЕНЗЕЛЬ: Кто?.. Я?.. Как?..

ЖЕНА (*показывает Людоеду содержимое мешка*): А вот так! (*Бьёт.*) Убийца!

ЛЮДОЕД: Ай! А где?..

ЖЕНА: Убежали!

ЛЮДОЕД: А дверь?

ЖЕНА: Открыта!

ЛЮДОЕД: А ключ?

ЖЕНА: Укради!

Каждый свой ответ жена сопровождает очередным ударом.

ЛЮДОЕД: Ай! Догоню!

ЖЕНА: Попробуй, догони!

ЛЮДОЕД: Бегу!

ЖЕНА: Беги, беги!

ЛЮДОЕД: Стой!

ЖЕНА: Стою!

ЛЮДОЕД: Где мои сапоги-скороходы?

Людоед надевает громадные сапоги и пускается в погоню. Сцена преображается, условно говоря, в лесную поляну.

ЛЮДОЕД (*опускается на землю*): Всё. Никаких сил больше нету. Все куда-то разбежались. Ау!.. Мальчики!.. Вы где?.. Мне кушать хочется... Никого. (*Принюхивается.*) Даже не пахнет. Куда дальше бежать, не знаю, и домой возвращаться страшно, — жена дерётся. Что за жизнь! — голодный, не выспался: всю ночь то да сё и утром нате вам... (*Принюхивается.*) Цветочками пахнет и свежим воздухом. Приятно... Как-то раньше не доводилось утром по лесу гулять. (*Зевает.*) Вот и солнышко взошло, птички запели. (*Зевает.*) Отдохну, а там видно будет.

Людоед снимает сапоги, ложится и засыпает. Из укрытия появляется Мальчик-с-пальчик (фрау Гретхен).

МАЛЬЧИК: Птички! Цветочки! Ишь, каким нежным стал, Людоедище! Разморился на свежем-то воздухе, спит, как говорится, без задних ног. Но главное — без сапог! Эй, братья! Выходите, не бойтесь. Все живо — в сапоги!

Из-за кустов появляются братья (може фрау Гретхен).

- А зачем нам в сапоги?
- Глупый! — это же сапоги-скороходы, мы в них в один момент дома окажемся.
- Чур, я в правый сапог!
- И я в правый.
- И я.
- И я.
- Тут и без тебя уже тесно.

МАЛЬЧИК: Хватит ссориться! На правый — левый по сапогам рассчитайся!

- Правый.
- Левый.
- Правый.
- Левый.

Фрау Гретхен распихивает братьев по сапогам. Мальчик-с-пальчик залезает в сапоги последним.

МАЛЬЧИК: А теперь — вперёд, к родному дому!

Сапоги вместе с братьями волшебным образом взмывають в воздух и со свистом исчезают со сцены. Фрау Гретхен и снявшая маску фрау Гензель изумлённо смотрят им вслед.

ГРЕТХЕН: Вот это да! Красота! Улетели.

ГЕНЗЕЛЬ: Как это?.. Что же это?..

ГРЕТХЕН: Чему вы удивляетесь, фрау Гензель?

ГЕНЗЕЛЬ: А разве вам, фрау Гретхен, не кажется это... странным?

ГРЕТХЕН: Но ведь сцена — это волшебное место, вы же сами говорили.

ГЕНЗЕЛЬ: Мало ли что я говорила! Вы тоже говорили и что мальчишек терпеть не можете, и что артистка из вас не получится... (*Потирает спину.*) А сами...

ГРЕТХЕН: Про артистку не знаю, а вот к мальчишкам с вашей помощью я очень привязалась.

ГЕНЗЕЛЬ: Куда же они все теперь полетели?

ГРЕТХЕН: Уж не иначе, как в конец нашей сказки. Ведь теперь-то, я думаю, сказка кончается?

ГЕНЗЕЛЬ: Кончается, кончается. Я и сама устала от всех этих ужасов.

Фрау Гензель нахлобучивает шляпу. Сцена преображается в дом дровосека.

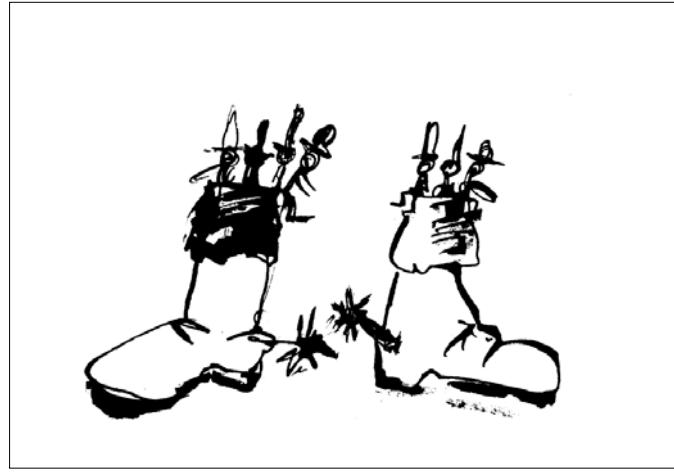
ГАНС: Где-то теперь наши мальчишки?

Без них так скучно стало в доме,
просто помереть охота.

ГРЕТХЕН (*изображает его жену*): Вот старый дуралей! О чём раньше-то думал?

ГАНС: Раньше! Раньше дураком был, а теперь и сам себя ругаю, да поздно.

ГРЕТХЕН: Ругать себя никогда не поздно. А только если б раньше меня послушал, то и ругать бы себя не пришлось. А теперь...

Слышиш свист, а потом приближающаяся песня Мальчика-с-пальчик и его братьев.

Хотя я мал, зато со мной
Беды бояться нечего.
Я всех вас приведу домой,
Мы вместе явимся домой,
Не дожидаясь вечера.

ГАНС (*радостно*): А теперь беги встречать своих любимых дармоедов!

Ганс и ГRETХЕН распахивают дверь, за ней — все семь счастливых братьев.

ГРЕТХЕН: Вот они, мои дорогие: Шульц, Пауль, Фриц, Питер... Вот Вилли, а вот и Карл.

Фрау Гензель снимает шляпу и берёт куклу Мальчика-с-пальчик.

МАЛЬЧИК: А вот и я — Мальчик-с-пальчик!

Я меньше всех, но я совсем
Не дуюсь на беду мою.
Я мало пью, я мало ем,
Да, я ужасно мало ем,
Зато я много думаю.

ГЕНЗЕЛЬ и ГРЕТХЕН (*вместе с куклами*):

Пускай предательство и злость
Вам в жизни не встречаются!
Забудем то, как началось,
Не важно то, как началось,
А важно, как кончается!

У каждого судьба своя,
И всякое случается
Но если дружная семья,
Да, если славная семья,
То славно всё кончается.

Фрау Гензель и фрау Гретхен кланяются и прощаются со зрителями.

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
ДЮЙМОВОЧКА	7
КОНЁК-ГОРБУНОК	27
КОТ В САПОГАХ	73
ПИНОККИО	103
КАРЛИК НОС	137
ЩЕЛКУНЧИК	171
МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК	199

Николай Юрьевич Шувалов
ТЕАТР ЛЮБИМЫХ СКАЗОК
Семь пьес для кукольной сцены

Художник — Александр Греф
Дизайнер — Елена Фомина
Корректор — Галина Гуревич

Отпечатано в ООО «Типография «СОТО»